

Краснодарское краевое общественное учреждение
«Центр разрешения конфликтов»
Московское бюро по правам человека
АНО «Центр содействия защите прав человека»

М.А. АСТВАЦАТУРОВА

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: перспективы и риски

**Трансформация регионального
этнополитического пространства**

**Academia
Москва
2011**

УДК 323.1

ББК 66.5 (2Рос)

А 91

Издание осуществлено при финансировании Общероссийского общественного фонда «Национальный благотворительный фонд» в рамках гранта «Мирный Кавказ» за счет средств государственной поддержки, выделенных в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 8 мая 2010 года № 300-рп «Об обеспечении в 2010 году государственной поддержки неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества»

Научный редактор – В.А. Тишков

академик РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, доктор исторических наук, профессор

Рецензент – В.А. Авксентьев

директор института социально-экономических и гуманитарных исследований ИОНЦ РАН, доктор философских наук, профессор

Аствацатурова М.А. Северный Кавказ: перспективы и риски (Трансформация регионального этнополитического пространства) – Монография. – М.: Московское бюро по правам человека. 2011. – 192 с.

В монографии показаны тенденции и закономерности развития этнополитической ситуации в Северо-Кавказском федеральном округе, образованном в январе 2010 г. Автор выделяет симптоматичные черты этнических отношений, воплощенные в региональных моделях, которые требуют управленческого воздействия при верховенстве законов Российской Федерации и приоритета прав человека и гражданина независимо от национальной и религиозной принадлежности. Выявлены проблемные зоны этнических отношений, показаны позитивные практики управления, нацеленные на преодоление этнополитических рисков, на гражданскую интеграцию в рамках единого общероссийского процесса.

Для работников органов государственной власти и управления, руководителей и активистов национально-культурных организаций и автономий, землячеств, переселенческих организаций, для лидеров общественных объединений, ученых, экспертов, всех, кто неравнодушен к проблемам и перспективам развития Северо-Кавказского федерального округа.

ISBN 5-84389-313-X

© Аствацатурова М.А., 2011
© Московское бюро
по правам человека, 2011

Содержание:

<i>Введение</i>	4
Раздел 1 Этничность как «субъект» общественных отношений	10
Раздел 2. Многонациональный народ России – россияне – российская нация	21
Раздел 3. Северный Кавказ: этнополитическое пространство и его акторы	34
Раздел 4. Учреждение Северо-Кавказского федерального округа: новые возможности развития	49
Раздел 5. Идеи межкультурной интеграции для Северо-Кавказского федерального округа	65
Раздел 6. Стабильность и безопасность – «основные, коренные и титульные цели»	75
Раздел 7. Этнические отношения и этнополитические процессы: управлять, регулировать или воздействовать?	94
Раздел 8. Северокавказская этнокультурная модель гражданского общества	114
Раздел 9. Этнокультурный брендинг территорий: креативные возможности Кавказских Минеральных Вод	138
Раздел 10. Столица нового федерального округа – Пятигорск	159
Раздел 11. Место заключения Возможные предложения и рекомендации	171
<i>Литература</i>	181
<i>Принятые сокращения</i>	190

ВВЕДЕНИЕ

Образование Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) по Указу Президента Российской Федерации Д.А. Медведева от 19 января 2010 г. придало новый импульс развитию общественно-политических отношений и этнополитических процессов в регионе.

Управленческая инициатива не создала каких-либо новых прецедентов в системе этнополитических процессов на Северном Кавказе. Тем не менее, формирование окружных управленческих, политических и общественных структур стимулировало поступательную динамику развития самого многонационального федерального округа России.

Основной целью создания округа является нейтрализации северокавказских этнополитических рисков, активизировавшихся с 2008 г., после этнополитического таймаута 2005–2007 гг., в котором наметились позитивные тенденции и который сменился стагнацией этнополитических, этнокультурных, этноконфессиональных процессов с выраженным учащением и концентрацией угрожающих проявлений терроризма, религиозного экстремизма, национализма, ксенофобии.

Сегодня северокавказская повестка предполагает не только нейтрализацию отмеченных рисков и угроз, но и дезавуацию их и в общественном мнении, и в информационном пространстве. В субъектах РФ СКФО актуальна не только задача поступательного экономического развития и преодоления общих социальных проблем, но и задача достижения необходимого уровня этнополитической безопасности, без чего стабилизация общественных отношений в регионе фактически невозможна.

Характер этнических отношений в субъектах РФ СКФО, с одной стороны, соответствует существующим общероссийским моделям и не представляет чего-то исключительного в контексте теории и практики овеященной, институализированной и сконструированной этнической идентичности. С другой стороны, этнический дискурс в СКФО отличается оригинальным содержанием, своеобразными формами, периодическими всплесками позитивных и негативных сюжетов.

Этнические отношения и этнополитические процессы в субъектах РФ СКФО, участниками которых выступают этнические группы разного демографического масштаба, дифференцированного социального образа, эксклюзивного этнокультурного имиджа, отмечены как традициями исторического взаимодействия и успешного межкультурного обмена, так примерами острого противостояния и конфликтов. При общем осознании принадлежности к северокавказскому сообществу, при сходстве многих социальных характеристик, культурных ориентиров и жизнеобразующих целей участники северокавказского социального и политического диалога демонстрируют выраженное этнокультурное, этноконфессиональное разнообразие и самобытность. Здесь выделяются самостоятельные интересы таких крупных групп, как славянское население (русские, украинцы, белорусы, в том числе казачество, часто позиционирующее себя как отдельный народ), северокавказские народы (в том числе малочисленные), диаспоры – группы национальных меньшинств, представляющих страны ближнего и дальнего зарубежья.

В северокавказском этнополитическом пространстве выделяются три устоявшиеся социальные традиции – *горская, славянская (в том числе казачья), диаспорная*, сочетание которых формирует полиэтничный образ региона. В этом образе выделяются привлекательные черты – благоприятность природно-климатического комплекса, гармония человека и природы, богатство поликультурной среды, уникальность каждой этнической культуры. Своеобразными брендами СКФО являются долгожительство, высокая рождаемость, крепость семейно-родственных связей, а также такие дефицитные в современном общественном ландшафте морально-нравственные ценности, как гостеприимство, уважение к старшим, приверженность семье, фамилии, роду.

Следует подчеркнуть, что в условиях модернизации российского общества жители Северного Кавказа, независимо от этнической принадлежности, места жительства, социально-профессиональной группы в большинстве своем проявляют высокую конкурентоспособность, стремление к индивидуальному успеху, что в полной мере соответствует современному социальному идеалу в его региональных, российских и международных проекциях.

Вместе с тем состоявшийся «этнический ренессанс» и начавшийся «конфессиональный ренессанс» не только обусловили ин-

ституционализацию этнического самосознания в национально-государственных, национально-территориальных и национально-культурных формах, но и спровоцировали *политизацию этничности*, как и *этнизацию политики*. Проявлениями этого стали негативные реалии: оправдание терроризма и экстремизма этнической и конфессиональной приверженностью, «этническое партизанство», этнополитический реваншизм, политизированный национализм и ксенофобия. Эти реалии проявляются в манифестных, противоправных, явочных действиях, катализируя межэтнические противоречия и конфликты. Акты терроризма, религиозного экстремизма, национализма наносят ситуативный и пролонгированный ущерб системе этнических отношений, разрушают комплекс этнокультурной традиции в регионе.

В этих условиях обозначение проблем Северного Кавказа в Послании Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ 12 ноября 2009 г. стало прологом принятия политико-управленческого решения на самом высоком уровне. Впервые отдельному региону России было уделено столь пристальное внимание при откровенном акцентировании таких проблем, как низкий уровень социально-экономического развития, дотационность, отставание в социальном темпе от других регионов России, оторванность от российского общественно-политического пространства и от российского гражданского тренда, клановость, коррупционность. Примечательно, что рациональные и эмоциональные составляющие этих характеристик были неоднозначно восприняты северокавказским сообществом, которое в общем плане осознаёт, во-первых, свою несомненную историческую, политико-правовую и социокультурную приверженность России, а во-вторых, свою самобытность.

Последовавший за Посланием Президента РФ указ о выделении из Южного федерального округа СКФО вызвал противоречивую реакцию среди политиков, экспертов, общественных активистов в федеральном центре и на Юге России. Примечательно, что образование округа в его настоящем виде породило вопросы и столкновение мнений общественных активистов, управленцев, впрочем, равно заинтересованных в стабилизации ситуации и в достижении высокого уровня этнокультурной и этнополитической безопасности. Каждый региональный субъект нового округа, равно как и каждый актер этнических отношений внутри субъектов, «примерил» и до сих пор «примеряет» на себя новую структуру

политико-административного управления, пытаюсь осознать свою роль, новые выгоды и возникающие риски. Все это вполне объяснимо различием интересов субъектов РФ и СКФО и разных этнических групп. Прежние надежды и опасения северокавказского общества неоднократно исчезали и возникали вновь в связи с эволюцией стратегического и тактического курса федерального центра в отношении Северного Кавказа, со сменой полномочных представителей Президента РФ в ЮФО, сменой президентов, глав республик и края.

Сегодня вряд ли целесообразны возвраты к различным позициям и тезисам отрицания и сомнения в принятом решении. СКФО является полноправной структурой, внимание к которой со стороны верховной власти страны реализуется в деятельности аппарата полномочного представителя Президента РФ в СКФО.

Концентрация такого внимания была продемонстрирована на встрече Президента РФ Д.А. Медведева с руководителями и активистами общественных организаций Северного Кавказа в ходе заседания Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека 19 мая 2010 г.

Масштабным политическим шагом в обеспечении социальной и экономической динамики СКФО является разработка и утверждение *«Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г.»*. Нет сомнений, что этот документ, при всех его неоднозначных положениях, может трактоваться как **политическая северокавказская доктрина**. Она предусматривает инновационное экономическое развитие, опережающую социальную динамику, поэтапную политическую стабилизацию в СКФО. В известном смысле документ можно воспринимать как **северокавказский модернизационный проект**, соответствующий общим тенденциям развития России.

Вместе с тем очевидно, что реализация проекта зависит не только от политической воли центра и управленческого профессионализма аппарата полномочного представителя Президента РФ в СКФО, не только от целевых инвестиций и экономических планов. Важнейшим условием развития СКФО является убеждение северокавказского сообщества и понимание северокавказским обществом необходимости справедливости и нравственности преобразований региона. Нет сомнений, что без участия самих объектов преобразований, без трансформации их в сознательных и заинтересованных субъектов реформ невозможно развитие региона,

равно как и обеспечение его полноценного участия в общероссийском экономическом, социальном, политическом процессе.

Это выводит на авансцену общественно-политических отношений диалог власти и общества, сотрудничество государства и граждан. Можно надеяться, что образование СКФО активизирует институты гражданского общества, разовьет общественные инициативы в регионе, придаст новое качество взаимодействию власти и общества. Можно также надеяться, что многочисленные общественные организации субъектов РФ СКФО (правозащитные, ветеранские, женские, мигрантские, молодежные, национально-культурные, казачьи), а также созданные в субъектах общественные палаты и действующие уполномоченные по правам человека, межэтнические и общественные советы, казачьи круги и советы старейшин определяют новые направления своего участия в организации широкого общественного диалога.

Также следует предположить, что более эффективным и целенаправленным будет диалог этнических сообществ и конфессий – как между собой, так и с органами власти и управления, прежде всего в целях профилактики этнической и религиозной напряженности.

Формируя оптимистические надежды, автор данного монографического труда обращается к практике управления этнополитическими процессами в регионе, к авторитетным экспертным оценкам историков, этнологов, социологов, политологов, конфликтологов южнороссийских центров науки и образования. Это – Южный федеральный университет, Южный научный центр РАН, Северо-Кавказская академия государственной службы, Ставропольский государственный университет, Пятигорский государственный лингвистический университет, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Кабардино-Балкарский государственный университет. Также для автора важны результаты исследований, проведенные в региональных центрах РАН – Северо-Осетинского института гуманитарных и социологических исследований ВНЦ РАН и правительства РСО-Алания, Института гуманитарных исследований правительства КБР и Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Института гуманитарных исследований при правительстве КЧР.

Особое внимание в подготовке данного издания было уделено опыту позитивных практик Комиссии Общественной палаты РФ по межнациональным отношениям и свободе совести, Московско-

го бюро по правам человека, Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Института социологии РАН, Ассамблеи народов России, Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, Миротворческой миссии на Северном Кавказе им. генерала А. Лебеда.

Важным ресурсом являются практики межэтнического взаимодействия, правозащиты, миротворчества, благотворительности, добровольчества институтов гражданского общества регионов СКФО.

Многие тематические направления данной монографии разработаны под влиянием работ известных российских ученых, экспертов, политиков – Р. Абдулатипова, С. Арутюнова, Н. Бугая, Л. Дробижевой, В. Зорина, А. Малашенко, С. Маркедонова, Г. Солдатовой, Г. Тавадова, В. Тишкова, чьи идеи и обобщения позволяют выявить современные этнокультурные и этнополитические тенденции на Северном Кавказе.

Автор выражает признательность коллегам из Северо-Кавказского региона – В. Авксентьеву, С.Аккиевой, В. Белозёрову, Г. Денисовой, З. Кануковой, А. Понеделкову М. Савве, А. Старостину, В. Савельеву, В. Панину, Л. Хопёрской, А. Цуциеву, В. Черноусову, А. Шадже, М. Юсупову, исследования и практическая деятельность которых имеют не только теоретическую, но и высокую прикладную значимость.

Автор не претендует на универсальность обобщений и бесспорность выводов, однако выражает надежду, что представленное издание послужит стимулом для экспертного сообщества, работников органов государственной власти и управления, общественных активистов к более полному и системному осмыслению этнических отношений и этнополитических процессов в СКФО.

Автор выражает благодарность за поддержку идей, отраженных в этой монографии, Московскому бюро по правам человека.

Раздел 1. ЭТНИЧНОСТЬ КАК «СУБЪЕКТ» ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Этничность как фактор культурной антропологии остается значимым «участником» трансформаций социальных и политических систем, которые воздействуют на формирование «человека социального», «человека политического» и «человека политизированного». Включенность этничности в политику, равно как и внедрение политики в этничность, отмечаются исследователями как явления мирового порядка, а также как факторы внутригосударственных, внутрирегиональных и местных отношений. Детерминанты, статусы, содержание, институционализация этнических отношений и этнополитических процессов имеют индивидуальные и дифференцированные формы¹. Эти формы, с одной стороны, отражают масштаб и глубину процессов, а с другой стороны, иллюстрируют конкретику и субъективизм проблемных ситуаций.

Масштаб и противоречивость современной мировой «этнической жизни» обуславливают не только научный, но и «бытовой» интерес к этническим процессам. В соответствии с динамикой и разнообразием этнической жизни и политического поведения этнокультурных сообществ обновляются структура, механизмы и виды социальной организации и самоорганизации. Импульсом к исследовательскому поиску являются теория, методология и практика национальных отношений, федеративного процесса, а также теория и практика управления этническими отношениями². Рядовые граждане, как правило, демонстрируют негативное мнение по поводу национальной политики государства, а также таких проблем, как этническая миграция, межэтнические отношения. При этом не учитывается, что готовых ответов на вопросы о содержании и формах этнических отношений, противоречий и конфликтов не существует. Причем таковых рецептов не существует не только у нас в стране, но и в мире.

В нынешней ситуации на Северном Кавказе общая цель этнологического знания должна состоять в обеспечении стабильности

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М.: Канон-Пресс, 2001.

² Зорин В.Ю. Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002.

этнических отношений, в повышении эффективности управления этой сферой. В этой связи оправданы попытки формирования некоего общего подхода к пониманию этничности, который возможен как стратегия методологического компромисса различных научных концепций. Здесь эффективно обращение к сложным и многослойным теоретико-методологическим ресурсам разных общественных наук, которые находят всё большее применение в области социального менеджмента. В частности, интегративная методология предусматривает сочетание сильных сторон примордиалистского, инструменталистского и конструктивистского теоретико-методологических подходов к феномену этничности и этнической идентичности.

Современные подходы к проблемам этнических отношений и этнополитических процессов предусматривают понимание этничности как сложносоставного феномена и комплексного социального института. Это предполагает трактовку этничности одновременно и как «природного» феномена рационального и иррационального свойства, и как результата социального компромисса и политической договоренности, и как ситуативного конструкта, который изменяется в ходе бытовых, социальных и политических обстоятельств. Такой подход в полной мере оправдан применительно к Северо-Кавказскому региону, где этничность является заметным фактором всей системы общественных отношений.

В общепризнанных нормах права этничность рассматривается как факт сферы личной жизни человека, в связи с чем демократическое российское государство отказалось от бюрократической процедуры фиксации этничности в паспорте³. Однако в реальных социальных и политических отношениях – мировых, внутригосударственных, региональных, местных – этничность остается существенным фактором государственно-гражданских, общественно-политических, социально-экономических, межличностных отношений.

Интегративная методология обусловлена пространственно-временной и социальной подвижностью этнической идентичности и позволяет выявить как позитивные, так и негативные ресурсы этнической идентичности в общественно-политических отношениях. Позитивные ресурсы могут быть использованы и используются

³ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. Гл.2. Ст.26.

в политико-управленческих практиках межэтнических отношений. Негативные ресурсы могут быть дезавуированы и дезавуируются в системе воздействия на межэтнические отношения. При этом очевидно, что управление в сфере этнических отношений и этнополитических процессов может быть успешным только при квалифицированных оценках и профессиональном подходе к оценке этничности как составляющей социальных и политических конструкторов культуры- и нациестроительства. Именно такой составляющей стала этничность в ходе советского национально-государственного, национально-территориального строительства на Северном Кавказе. Здесь формирование национальных районов, округов, областей и республик не только обеспечило местные сообщества впечатляющей позитивной социальной динамикой, но и создало существенные проблемы, протянувшиеся из прошлого в современность.

Рассмотрение этнической идентичности предполагает применение разных принципов исследования: историзма, социокультурного детерминизма, синхронизации и диахронизации. В качестве методов используются комплексный и системный сравнительно-исторический анализ, хронологизация, классификация и типология этнокультурных и этнополитических явлений и процессов. В качестве перспективных используется социологический анализ, который позволяет изучить жизнедеятельность и функционирование этнокультурных сообществ в эволюции. Также продуктивен политологический анализ, который позволяет изучить взаимодействие этнических групп и национально-культурных общественных объединений (НКОО) и национально-культурных автономий (НКА) с социальными и политическими институтами, с государством, властями, структурами местного самоуправления, общественными организациями, организациями казачества, международными организациями. Эффективным методом является кросс-культурное сравнение, которое позволяет выделить универсальные и специфические образцы поведения этнических сообществ и сопряженных гражданских институтов.

Междисциплинарный подход обеспечивает совершенствование антиконфликтных парадигм в рамках общих теорий конфликта и кризиса, которые, собственно, и позволяют своевременно выявить межэтнические противоречия, выделить этнополитический кризис, признать факт этнического конфликта и применить механизмы антиконфликтного менеджмента и самоменедж-

мента⁴. Такое признание крайне важно для современной ситуации на Северном Кавказе, где локальные противоречия и конфликты, участниками которых являются представители разных этнических групп, зачастую трактуются как бытовые без акцентирования этнической составляющей. С одной стороны, очевидно, что сама этническая принадлежность не является причиной конфликтов. С другой стороны, практически каждый конфликт на самых ранних стадиях развития активно интерпретируется в этнических категориях, а группы участников и сторонников формируются по этническому принципу.

Актуализация этничности в общем комплексе социальной и политической идентичности осуществляется в структурировании этнических, национальных и федеративных, а также международных отношений. Традиционными и зачастую формальными показателями этнической принадлежности выступают знание «собственной» истории, понимание причастности к судьбе определенного народа, конкретного государства, владение родным языком, исповедование определенной религии и приверженность к определенным традициям и обрядам.

Однако очевидно, что, даже не обладая этими характеристиками, индивид может иметь этничность и транслировать ее как рациональный и иррациональный комплекс. С одной стороны, этничность является наиболее простым и доступным фактором самоопределения и самоотождествления. С другой – этничность представляет собой сложную систему, которая базируется на индивидуальности, на особости и на самости⁵. В субъективном идеале этничность предполагает общую веру, общие обычаи, общую историю, использование одного языка, применение сходного поведения в жизненных ситуациях. Этничность формируется и проявляется в личностной и социальной природе и предполагает на персональном уровне типичность, ординарность, а на групповом – специфичность, самобытность.

Концепт этнической идентичности используется в контексте реалий, тенденций и закономерностей исторического и политиче-

⁴ См.: Хобсбаум Э.Дж. Принцип этнической принадлежности и национализма в современной Европе // Нации и национализм. – М.: Практикс, 2002. – С.332-346.

⁵ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. – М.: Практикс, 2002.

ского процессов, что соответствует структурированию личной и общественной жизни, в том числе в ее политических процессах и институтах. В этой связи проблемным вопросом является вопрос о критериях «членства» в этнических группах, которые формируются на основе этнической идентичности и противостоят друг другу, равно как и взаимодействуют друг с другом⁶.

Вопрос о принадлежности индивида к этнической группе решается в рамках разных жизненных этапов. Здесь уместно говорить об этнической социализации как о целенаправленной широкой культурной адаптации к явлениям социальной и политической жизни. Содержание этапов этнической социализации как одной из программ социальной компетенции индивида соотносится с содержанием общей культурной социализации, а также и политической социализации, однако имеет свои особенности.

Первичная этническая социализация осуществляется в семье и в отличие от иной социализации является решающей. Именно в семейной среде проходит наибольшее отождествление ребенка с этнокультурной средой: обучение родному (семейному, материнскому) языку, приобщение к народной обрядности и традициям, обучение истории и мифологии семьи как истории и мифологии народа. В семейной обстановке развиваются также и иррациональные начала этничности, которые базируются на эмоциональных привязанностях, симпатиях, любви. На этом этапе формируется, поддерживается и развивается индивидуальная «этносфера» каждого члена семьи, а также коллективная доброжелательная «этносфера» родственного клана, фамилии как сообщества родственников с одной этничностью.

Особенно важны эти факторы в традиционных северокавказских обществах, где этничность выступает важным фактором. В целом семья, род, клан закладывают прочные, стационарные начала этничности, сохраняющиеся в течение всего жизненного пути, однако они трансформируются под воздействием внешних факторов. При этом, несмотря на высокий уровень модернизированности «человека третьего поколения», на Северном Кавказе традиционный институт семьи, старейшин, авторитетных родственников имеет существенное воздействие на молодежь, особенно – при ре-

⁶ Тавадов Г.Т. Этнология. – М.: Изд-во «Проект», 2002; Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Сукоколов А.А. Этносоциология. – М.: Аспект Пресс, 1999; Садохин А.П. Этнология. – М.: Гардарики, 2000.

шении жизненно важных проблем, связанных с получением образования, устройством на работу, карьерным ростом, заключением брака.

Второй этап этнической социализации проходит в общеобразовательной школе. В этот период расширяется кругозор учащихся, накапливаются общие знания и информация, приобретаются навыки широкой коммуникации, обучения, взаимодействия. Вместе с тем общие знания, информация и навыки имеют ярко выраженный интернациональный характер. Таким образом, этап обучения в среднем общеобразовательном учреждении предполагает формирование обширной базы знаний и информации, которые по своей сути предполагают мультикультурность, причастность к общечеловеческим ценностям – культурным, социальным, политическим. В дальнейшем высшее профессиональное образование также предусматривает приобщение к достижениям общего цивилизационного образца в условиях глобализации развития массовой культуры.

В этом плане система образования предоставляет существенные возможности для развития интернационалистских начал личности и навыков коммуникации представителей разных этнических групп и культур. В учебные программы целесообразно включать общие, специальные курсы и предметы, дисциплины специализации, факультативные курсы, которые посвящены истории, культуре, демографии разных народов, а также проблемам и перспективам межкультурного диалога. Также большие возможности для формирования зрелого гражданского сознания имеют учебные курсы и внеаудиторные формы работы, которые посвящены национальным интересам, национальной безопасности. Здесь следует подчеркнуть, что на Северном Кавказе за последние 20 лет чрезвычайно оживилось гуманитарное знание, что привело к созданию мощного блока новой учебной литературы для школ и вузов, олицетворяющей «региональный компонент» государственного образовательного стандарта. При всей необходимости новых учебников нельзя не видеть излишнего акцентирования реликтовости и исключительности этнической истории, «этнической судьбы» отдельных народов. Идеи уникальности и самодостаточности «северокавказской цивилизации» могут быть привлекательны и, вероятно, льстят этническому самолюбию. Однако вряд ли они могут быть продуктивны в общем контексте упрочения общероссийского политического, социального и культурного единства.

Уже в младших классах ученики осознают этнические различия друг друга и формируют ситуативные этнические стереотипы, как положительные, так и отрицательные. Часто в ходе обучающего и образовательного тренда ученики старших классов и в большей степени студенты группируются по этническому признаку, т.е. формируют *«ученические и студенческие этнические диаспоры»*. Эти процессы становятся своеобразной основой развития межкультурной коммуникации в дальнейшем.

Третий этап этнической социализации связан с деятельностью и самодеятельностью индивида в рамках жизненных стратегий. Взрослый человек на базе достижений социального статуса переоценивает возможности этнической идентификации и перспективы этнической социализации⁷.

На очередном жизненном этапе индивида предоставляются новые возможности использовать этничность как фактор и аргумент в социальных и политических отношениях. Этничность используется в карьерных стратегиях, в достижении социальных ориентиров и с этой точки зрения может быть предметом манипулирования. Здесь стоит акцентировать использование этничности в политической социализации и в разновекторной карьере. Индивид сознательно «приходит» к своей этничности через общение с этническими активистами и лидерами, через участие в национально-культурных и этнополитических движениях, ассоциациях, форумах.

Также на этом этапе индивид, достигший определенных социальных рубежей и жизненных успехов, начинает оказывать помощь сородичам, молодежи соответствующей этнической группы, осуществляет некий патронаж соотечественников, нуждающихся в социальном «сопровождении» и консультировании, а также в материальной и организационной помощи.

Закономерно, что на всех этапах происходит рост и трансформация «этнического рациона» и «этнической эмоции» индивида, который в разных ситуациях и в разное время своей жизни снижает или повышает «градус этничности». Возможность такого манипулирования не всегда стоит рассматривать как «этническую демагогию», так как «этнический ответ» нередко соответствует «этническому вызову» окружающего социального, экономического и политического пространства. В этом смысле социальные и политиче-

⁷ Кола Д. Политическая социология. – М.: Изд-во «Весь Мир», «ИНФРА-М», 2001.– С. 345-347.

ские манифесты этничности на Северном Кавказе в постсоветский период далеко не случайны. Они спровоцированы социально-экономическими и политическими обстоятельствами, а также неудачами государственной национальной политики в регионе. Вместе с тем ответственность за этнополитический кризис, за межэтнические конфликты в регионе несет не только федеральный центр, но и региональные элиты, местные активисты идей национального самоопределения, этносепаратизма, этнополитического реваншизма, религиозного экстремизма.

Таким образом, этническая социализация предполагает формирование комплекса этнической идентичности как социальной характеристики, а также как составляющей процесса нациестроительства и гражданского строительства. На основе этнической идентичности осуществляется такая важная способность, как способность к самоотождествлению и самоорганизации в общественно-политических отношениях. При этом функциональная сущность этнической идентичности отражает тенденции, закономерности и противоречия национально-культурного, национально-территориального и национально-государственного самоопределения. Социальная динамика этничности проявляется на разных уровнях макро- и субрегиональных, а также межрегиональных и межгосударственных отношений⁸.

Акценты на этничности как на ресурсе в формировании наций и национальных государств очевидны. Функционирование этничности соотносится с государственным и национальным строительством, с реализацией масштабных политических проектов как внутри стран, так и в международных отношениях. В частности, именно этническая идентичность рассматривается как базис для формирования нации – согражданства и политической общности. Этническая идентичность, выраженная в принципе этнической принадлежности, «относится к социологии и социальной антропологии», т.е. формируется в историческом и социальном процессе. «Виды этнической идентичности» способны овладевать умами «как символы групповой принадлежности» прежде всего потому, что этническая идентичность предоставляет возможность приобщиться и принадлежать к какому-либо сообществу без всяких уси-

⁸ Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005.

лий⁹. Здесь часто используется общепринятая формулировка, весьма популярная в северокавказских сообществах: «Я горжусь тем, что я принадлежу к своему народу». Такая фраза типична для молодежи региона. Впрочем, гордость за «свойство, данное при рождении», вызывает сомнения, так как не является гордостью за личные достижения. При этом зачастую молодые люди не имеют элементарных представлений об истории своего народа, не знают языка, традиций и формируют комплекс этнической идентичности на базе умозрительной гордости за этническую принадлежность.

В этом плане этническая идентичность предоставляет привлекательную возможность принадлежать к гражданам моноэтничного государства, равно как и к гражданам полиэтничного государства, что в большей степени соответствует современным российским и международным процессам¹⁰. В то же время этническая принадлежность обуславливает нахождение индивида на определенной ступени условной «этнической иерархии», т.е. обязывает его принадлежать к более или менее престижным этническим сообществам.

Проблема престижа этничности – не праздная проблема, она имеет как политико-правовой, так и социально-экономический и морально-нравственный аспекты. Принадлежность к основному по численности этносу, который осуществляет и культурное доминирование, предоставляет очевидные возможности для благополучного самоощущения и успешного самоопределения, хотя вовсе не гарантирует их. Принадлежность к «коренному», «титульному» народу создает дополнительные поддерживающие обстоятельства и факторы, но в современных условиях не гарантирует жизненного благополучия. Принадлежность к национальному меньшинству при выполнении государством определенных обязательств в соответствии с ратифицированными международными конвенциями может способствовать решению жизненных проблем и обеспечивать социальный лифт, но также не гарантирует успешного социального самочувствия.

Иерархичность и престижность этничности связаны со многими историческими сюжетами на Северном Кавказе, в особенности с сюжетами государственного строительства, в ходе которого была

⁹ Ригс Ф. Аспекты содержания этничности. Этничность как политика // Этнос и политика. Хрестоматия. Авт.-сост. А.А. Прусаускас. – М.: Изд-во УРАО, 2000; Абдулатипов Р.Г. Сущность нации-этноса: ответ сторонникам безнациональности. – М.: «Славянский диалог», 1999.

¹⁰ См.: Абдулатипов Р.Г. Российская нация (этнонациональная идентичность россиян в современных условиях). – М.: Научная книга, 2005.

сформирована некая «номенклатура» этнических сообществ. Эта номенклатура складывалась в течение включения региона в политико-правовое пространство Российской империи, в ходе установления советской власти и социалистического строительства и далее в ходе демократизации и реформирования. Примечательно, что иерархичность и престижность этничности отражены в общественном дискурсе разного уровня достоверности и вульгарности: «инородцы», «мирные и немирные горцы», «нацмены» и «национальные меньшинства», «коренные народы», «титульные народы», «репрессированные народы», «депортированные народы», «реабилитированные народы», «лица кавказской национальности», «лица славянской наружности», «кавказцы», «чехи», «хачи», «даги» и т.д.

Вместе с тем налицо взаимосвязь этнической принадлежности и политических, в том числе сепаратистских, движений, в частности. В то же время отождествление национализма как политической программы с этнической принадлежностью, которая по своей природе не политична, сомнительно и опасно. Поэтому весьма спорны утверждения о программности этничности, а соответственно, и о «стратегии и тактике этничности». Идея программности этничности привлекательна и даже невинна, когда она касается культурного аспекта, т.е. овеществления этничности в духовной и материальной культуре народа. Однако при соотнесении стратегии и тактики этничности с политикой – внутри- или межгосударственной – идея программности этничности может реализоваться в левых моделях – ксенофобии, национализме, этническом партизанстве, этническом реваншизме, сепаратизме и др. С точки зрения социальных и политических коммуникаций, как отмечает Л.М. Дробижева, этническая идентичность может быть фактором взаимодействия и взаимообогащения народов и культур, равно как и фактором дискриминации¹¹.

Этническая идентичность важна в плане ее социальной динамики, так как она является составляющей гражданской общенациональной идентичности, которая формируется на базе общности одного народа или нескольких народов. С социальной динамикой этнических групп напрямую связана их политическая динамика, осознание и выражение групповых интересов и усилия этнических

¹¹ См.: Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Academia. – 2002.

групп по достижению своих интересов. Эти тенденции обуславливают политизацию групповых интересов этнического сообщества, а также формирование специфических целей и задач, структурирование вертикальных и горизонтальных связей.

Очевидные взаимосвязи этничности и политики выражаются в способности этнических сообществ преследовать и защищать свои интересы. При этом возможна конкуренция с другими сообществами и использование этничности как стратегии, главная цель которой – потеснить или отстранить от социальных благ и услуг «других». Такая конкуренция может осуществляться в легитимном поле, но может и опрокидывать легитимные рамки и выражаться в манифестных противоправных формах, что приводит к межэтническим и этнополитическим конфликтам. С одной стороны, этническая идентичность способствует суверенизации и строительству государств, с другой стороны, этническая идентичность провоцирует центробежные тенденции.

Р.Г. Абдулатипов подчеркивает, что этнические, конфессиональные, языковые и другие отличия культурных сообществ рожают чувство солидарности в целях сохранения этих отличий¹². Этническая солидарность значима во всей системе национальных отношений в связи с разными вариантами восприятия феномена этнических групп. Это, например, «автохтонность», «укорененность», «тительность», «репрессированность», «разделенность», «недоминирующее положение» и др.

Этническая идентичность позволяет «группе» выражать и отстаивать «коллективные» интересы, патронировать своих членов; формировать социальные механизмы самоорганизации и самоуправления через создание этнокультурных объединений; выступать как консолидированный субъект национальных и этнических отношений на основе групповых интересов и ассоциативных действий по их достижению. При всем субъективизме форм восприятия и условности перечисленных групповых усилий, этнокультурные сообщества сохраняют на Северном Кавказе роль мощного фактора общественных инициатив.

¹² Абдулатипов Р.Г. Сущность нации-этнoса: ответ сторонникам безнациональности. – М.: «Славянский диалог», 1999.

Раздел 2. МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ НАРОД РОССИИ – РОССИЯНЕ – РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ

Уникальным, ценным и значимым является феномен российской идентичности в ее полиэтничной и гражданской проекциях. Бытование разных этнических идентичностей в контексте общероссийской гражданской идентичности предполагает оживление отношений государства и этнических групп, поиск эффективных форм государственно-религиозных отношений. Также это предполагает самоорганизацию этнических сообществ, повышенное внимание к национально-культурному самоопределению. Общероссийское гражданское единство стимулирует развитие и модернизацию этносоциальных и этнополитических стратегий. В Российской Федерации этнические сообщества разного численного масштаба, разного статуса, разного этнокультурного самочувствия являются равноправными участниками общественных, политических отношений, т.е. равноправными участниками культурного, национального и государственного строительства. Наиболее ярко это проявляется на Северном Кавказе – многонациональном регионе РФ, гражданский и социокультурный облик которого в наибольшей степени полиэтничен и поликонфессионален.

Образы функционирования современной российской идентичности наполнены социальными и политическими свойствами демократизации, реформирования российского общества, распространением плюралистической мультикультурной модели социальных и политических отношений¹. В то же время характерологическим свойством российской идентичности является ее традиционность, консервативность, приверженность соборным ценностям, базовой среди которых является *российскость* как полиэтничная, многокультурная, многоконфессиональная, всеобщая «субстанция». Именно в рамках российскости, как отмечает В.А. Тишков, формируются и трансформируются содержание и наполнение таких категорий, как «народ», «нация», «национальное го-

¹ См.: Мир этноса (аспекты и методы исследования) / Отв. ред. В.Х. Болотоков. – Нальчик, 1999.

сударство»². Здесь стоит отметить, что «российскость» – это не только «русскость», хотя именно комплекс русской культуры, безусловно, является референтным. Популярная фраза «мы все – русские» на Северном Кавказе отчасти не только оправданна, но и правдива с той точки зрения, что все северокавказцы привержены русской истории, русской культуре, русскому социокультурному комплексу.

Конечно, фраза имеет и определенный пропагандистский смысл. «Мы все – русские» часто звучит с экранов телевизоров и в интернет-пространстве. В обыденных ситуациях, застольях и официальных мероприятиях фраза воспринимается на Северном Кавказе лояльно как этнокультурный и этнополитический слоган. Но в ней присутствует доля настороженности. Эта настороженность вызвана таящимся во фразе императиве, который вызывает опасения у нерусского населения и который может быть легко устранен заменой слогана на иной – «все мы – россияне» или «все мы – многонациональный народ России».

Существенная роль в комплексе российской гражданской идентичности принадлежит этносоциальному и этнополитическому самоопределению (самоидентификации) гражданина, которое увязывает само явление идентичности с формированием и функционированием социальных, в том числе этнических групп. В период социальных и политических трансформаций актуализируется соотнесение этнической самоидентификации и достижения этнической идентичности с историческими, политическими процессами, а также с духовно-нравственным ресурсом группы людей как граждан государства³. Именно в этом потенциале усматриваются перспективы единства россиян как многонационального народа, переживающего период социальной и политической трансформации. Также этничность включается в контекст политических отношений: электоральный и выборный процесс, процесс партогенеза и формирования многопартийности. Это осуществляется прежде всего в тех сообществах, где политические, а следовательно, и этнополитические процессы и институты качественно и количественно меняются в сторону расширения, углубления, усложнения своих проявлений и форм.

² Тишков В.А. Российский народ. Книга для учителя. – М.: Изд-во «Просвещение», 2010.

³ См.: Маркедонов С. Большой вопрос России // <http://www.gazeta.ru/keywords>.

Таковым является политическое пространство современной России, где выделяются коллективные интересы основного по численности и по культурному доминированию народа – русских, других российских народов, национальных меньшинств. Формирование народов и этнических групп состоялось в историко-политических обстоятельствах России, которая сложилась как страна с полиэтничным, многоязычным, многоконфессиональным населением. Таковым же является и социальное и политическое пространство Северного Кавказа, который исторически сложился как полиэтничный регион, с мозаичным и чересполосным расселением этнических групп, со сложившимися и вновь образованными этнодемографическими сегментами. В известном смысле полиэтничность является наиболее яркой характеристикой региона, главным ресурсом которого являются люди не только как граждане России, но и как представители определенных этнокультурных сообществ.

Глобальные, общероссийские, региональные и местные риски современных национальных, конфессиональных, этнических отношений актуализируют формирование интегративного общероссийского сознания как гражданского сознания российской нации. В Послании Федеральному Собранию 2007 г. Президент РФ В.В. Путин указывал: «Наша страна исторически формировалась как союз многих народов и культур. И основу духовности самого русского народа испокон веков составляла идея общего мира – общего для людей различных национальностей и конфессий»⁴.

Идея общего мира является не только общероссийской, но и крайне важной региональной идеей для Северного Кавказа, так как далеко не праздный вопрос – проблема взаимопонимания. Живущие в регионе народы создали исторические приемы сотрудничества, механизмы побратимства – куначества, аталычества, прекращения кровной мести и др. Горцы за длительную историю взаимоотношений выработали приемы взаимодействия с казачеством, с русским и украинским крестьянством, с многочисленными диаспорными группами, пополнявшими регион.

Нет сомнений, что гражданский мир на Северном Кавказе, площадь которого составляет всего 2% от территории России, не только существенно влияет на общественно-политическую ситуа-

⁴ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 26 ноября 2007 г.

цию в стране, но и важен для динамики северокавказского сообщества. Негативные этнополитические, этносепаратистские и экстремистские проявления на конкретных территориях региона существенно воздействуют на северокавказскую ситуацию в целом, рожают тревогу и опасения у всех жителей региона, которые связаны между собой тысячами видимых и невидимых экономических, социальных, родственных, фамильных, дружеских связей. Террористические, криминальные, коррупционные проявления наносят ущерб самосознанию жителей региона как самосознанию северокавказцев – самобытной социальной общности, сформировавшейся на пересечении культур, религий, политических и геополитических интересов. Также эти проявления наносят урон и самосознанию жителей региона как самосознанию россиян – граждан России, находящихся под защитой Конституции РФ, Президента РФ, российских органов государственной власти, государственных силовых структур.

Важнейшим базовым основанием упрочения гражданского единства является равноправие граждан перед законом независимо от этнической или конфессиональной принадлежности. Такое равноправие предусматривает возможности равного перед лицом государства экономического, социального и политического участия, что декларируется в Конституции РФ 1993 г. Участие осуществляется в соответствии с общегражданскими началами, которые предоставляют каждому гражданину широкие возможности для политического и социального самоопределения. Базовыми основами самоопределения, наряду с иными, выступают этнокультурная и конфессиональная идентичности, являющиеся в той или иной степени социальными маркерами, а также, как отмечает В.А. Авксентьев, сопутствующими факторами социального и политического участия, не только позитивного, но и конфликтного⁵.

В этом плане легитимация этнических интересов как интересов гражданина и сообществ, включение их в диалог государства и общества, общества и власти представляется необходимой и оправданной. Такое включение актуализируется в условиях админи-

⁵ Авксентьев В. А. Этническая конфликтология в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001; Авксентьев В. А., Шаповалов В. А. Ключевые проблемы конфликтологических исследований с учетом социально-политической специфики региона // Актуальные социально-политические и экономические проблемы Южного федерального округа / Под ред. Г. Г. Матишова. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005.

стративной реформы и реформы местного самоуправления, которые при общих доктринальных началах предусматривают дифференцированные «региональные» и «местные» практико-прикладные подходы⁶.

Здесь возникает существенная проблема формирования новой географии муниципальных образований, «нарезки» и переподчинения земельных участков, что на Северном Кавказе весьма сложно и болезненно. Малоземелье региона, непригодность ряда территорий для обработки земли, потребность в землях для животноводства, отгонных пастбищ создают затруднения для проведения реформы МСУ. Также формирование новой географии муниципальных образований наталкивается на спорность «этнической принадлежности» территорий между разными народами и этническими сообществами. При этом на Северном Кавказе реформа МСУ проходит поэтапно начиная с 2005 г., когда в процесс преобразований вошел как пилотный субъект Ставропольский край. Свой темп и свои формы реформа МСУ имеет в Дагестане, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и, наконец, в Чеченской Республике и Республике Ингушетия.

Актуальность интегративного гражданского сознания, гражданской идентичности резко возрастает в связи с целями и задачами модернизации, которая является неизбежным и необходимым политическим проектом для России. Понимание модернизации применительно к современному российскому контексту означает в том числе то, что отметил в 2009 г. Президент РФ Д.А. Медведев в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации. Это – «стремление быть современными. По-настоящему современным может считаться только общество, настроенное на непрерывное обновление, на постоянные эволюционные преобразования социальных практик...»⁷. Из этого следует, что практики этнических отношений, практики этнокультурных и этнополитических процессов также должны постоянно подвергаться обновлению – приведению в современное состояние.

⁶ Административная реформа (региональный уровень): российский и европейский опыт: Сб. докладов на российско-германской конференции (30 сентября – 2 октября 2005 г.). Вып. I / Отв. ред. В. Г. Игнатов. – Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2005.

⁷ Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2009 г. 13 ноября. – С.4.

Современные этнополитические и этнокультурные реалии России отмечены не только продуктивным межнациональным взаимодействием, межкультурным обменом, но также и акциями национализма, ксенофобии, сепаратизма, радикализма. Это выводит на авансцену общественно-политических отношений политико-административное управление в области этнических, национальных и федеративных отношений⁸. При этом, как указывает В.Ю. Зорин, основной задачей является выведение этничности из сферы политического противостояния и конфликтов, т.е. деполитизация этничности и концентрация ее в сфере культуры⁹. При всей сомнительности достижения такой перспективы в ближайшие годы, налицо реальные возможности гуманизации межэтнического, этнокультурного и этнополитического диалога, что само по себе было бы крайне важно на Северном Кавказе.

Здесь значимы популяризация идей единства, взаимопомощи между народами, исторических сюжетов противостояния вражеским силам. Наиболее эффективными являются сюжеты военного братства, помощи со стороны русского народа в развитии и восстановлении народного хозяйства, в доступе к культурным российским и мировым ценностям. Весьма убедительными примерами на определенном этапе являлись образы русских врачей, учителей, инженеров, а также местных просветителей, писателей, художников, спортсменов.

Вместе с тем очевидно, что эти образы отмечены некоторой архаикой, что роль русского народа как «старшего брата» претерпела серьезный кризис и не может воспроизводиться механически. Интернационалистские образы советской эпохи имеют сегодня слабое хождение среди молодежи Северного Кавказа, в рядах которой не популярны бывшие идеи братства, интернационализма, межнационального единства. Поэтому необходим поиск новых привлекательных идей межэтнической интеграции. Вероятно, это могут быть идеи совместного процветания, благоприятного инвестиционного климата, успеха и благополучия.

Морально-нравственной основой гуманизации этнических, национальных и федеративных отношений являются общечелове-

⁸ Амелин В. В. Этническое многообразие и власть в российском регионе. – М., 2004.

⁹ Зорин В. Ю. Российская Федерация: Проблемы формирования этнокультурной политики. – М., 2002.

ческие ценности, которые декларируются в принципах толерантности, терпимости, взаимоуважения, взаимодействия и взаимного интереса индивидов как представителей разных народов и этнических групп, а также самих этих народов и этнических групп.

Дискурс толерантности при всей его спорности применительно к российской действительности неотъемлем от дискурса российских этнических, национальных отношений¹⁰. Тем более он неотделим от содержательных и формальных моделей этнокультурных, этноконфессиональных и этнополитических процессов. В «Декларации принципов толерантности», принятой 16 ноября 1995 г. в Париже 185 государствами – членами ЮНЕСКО, толерантность рассматривается как добродетель, которая предусматривает признание многообразия культур, многообразие обликов мира. При этом толерантность в Европе и в России во многом имеет разные основания. В Европе принципы толерантности исходят из стремления к индивидуализму и комфорту индивида. Толерантность базируется на правовой грамотности, на экономической, политической, морально-этической, нравственной свободе (в рамках закона), на активности гражданина. В российской ментальности толерантность основана скорее на определенном пренебрежении интересами личности, на известном равнодушии к личному комфорту. Вместе с тем российскими основами толерантности выступают взаимопомощь и коллективные нормы жизни, общинная мораль и всеотзывчивость, коммуналистическая нравственность и этика. В целом основой российской толерантности являются интенции русской идеи как интегративной и гуманистической. Возможно, эта толерантность – терпимость обусловлена равнодушием к богатству, к наживе, к накопительству, к благополучию в утилитарном и циничном смысле. Г.С. Денисова отмечает, что при этом русские как носители русской идеи в многонациональном государстве в своей основной массе сохраняют ту терпимость и доброжелательность, которые исторически сформировались как черты ментальности народа¹¹.

Представители других народов РФ, а также стран ближнего и дальнего зарубежья с успехом реализуют свои жизненные интере-

¹⁰ Макеев В.В., Гулиев М.А. Политическая толерантность в межэтнических конфликтах. – Ростов-н/Д: РЮИ МВД России, 2004.

¹¹ Денисова Г. С., Уланов В. П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. – Ростов-н/Д, 2003.

сы среди доминирующей русской культуры. В то же время представители разных этнических групп – южнокавказских, северокавказских, среднеазиатских, а также молдаване, цыгане – подчас сталкиваются со скрытой или явной недоброжелательностью, которая проявляется и в радикальных формах¹². Неким собирательным образом такой недоброжелательности и открытой агрессии стали выступления молодежи на Манежной площади в Москве в конце 2010 г.

Русское население России также подчас испытывает неуважительное отношение со стороны нерусских – представителей как коренных, так и приезжих этнических, мигрантских групп. Образ русского в общественном дискурсе, в СМИ, в информационном пространстве зачастую лишен привлекательности, оттенен негативными свойствами и характеристиками.

Большинство причин националистических проявлений и акций очевидны. Во-первых, это социальная конкуренция, которая обостряется в условиях экономического, политического, идеологического и морально-нравственного транзита, а также в условиях экономического и финансового кризиса. Во-вторых, это неспособность, неумение и нежелание индивидов (независимо от этнической принадлежности) организовать и структурировать свою жизнь в условиях массивного информационного давления, широчайшего спектра деятельности, возможностей досуга, которые нивелируют этнические маркеры и выдвигают на авансцену публичной жизни надэтнические ценности. В-третьих, это непрофессионализм, искренние заблуждения, а подчас и открытый цинизм государственной власти, органов местного самоуправления в сфере управления этническими, национальными и федеративными отношениями. В-четвертых, это незрелость и пассивность, равнодушие, а зачастую и нацеленная этноакцентированная демагогия гражданского общества, структурированного в том числе и по признаку этнокультурных интересов¹³.

¹² Шнирельман В. А. Ксенофобия, новый расизм и пути их преодоления // Гуманитарная мысль Юга России. – 2005. – № 1. – С. 6–20; Ксенофобия на Юге России. Южнороссийское обозрение. – 2002. – № 6. / Отв. ред. В. В. Черноус. – Ростов-н/Д, 2002.

¹³ Проблемы становления гражданского общества на Юге России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (17–18 апреля 2004 г.) / Науч. ред. А. А. Вартумян. – Армавир, 2004; Стратегия развития местных сообществ. – Краснодар, 2004.

В этой связи принцип и лозунг толерантности нуждается в развитии, модернизации и операциональном применении. При сохранении сущности толерантного взаимодействия народов возможны варианты его содержательной и формальной интерпретации, а именно:

- не просто терпеть, но и уважать,
- не только признавать, но и взаимодействовать,
- не только сотрудничать, но и поддерживать,
- не только испытывать интерес, но и проявлять симпатии.

В этой связи можно наметить продуктивную трансформацию этносоциального и этнополитического слогана:

«Мы обречены жить вместе».

«Мы должны жить вместе».

«Мы хотим жить вместе».

«Мы будем жить вместе».

Непреложность этих формулировок очевидна для северокавказского сообщества, которое при всем желании не может избежать внутренней ассимиляции, аккультурации, взаимного этнокультурного «микширования». На уровне официальных деклараций глав субъектов Северного Кавказа общим местом является уважение и признание культурного потенциала всех проживающих в регионе народов. В неписаном этикете общения официальные лица, старейшины, священнослужители, этнические активисты и авторитетные лица фамилий, родов, тейпов, диаспор, общин подчеркивают уважительное отношение к этническим соседям. Даже участие тех или иных представителей народов региона в террористических актах, в незаконных вооруженных формированиях, в рядах смертников-террористов не провоцирует на Северном Кавказе групповых обвинений с этническими и конфессиональными ярлыками. Вероятно, срабатывает вековой принцип межэтнического общения – взаимоуважение, взаимопризнание и взаимозависимость.

Вместе с тем межэтническая лояльность и взаимная межгрупповая осторожность затрудняют разоблачение в общественном мнении и официальном дискурсе антиобщественных явлений, в том числе терроризма, сепаратизма, религиозного экстремизма, реваншизма. В местных сообществах крайне редки глобальный общественный остракизм в отношении боевиков, террористов, членов НВФ, так же как редки массовые общественные возмущения

ния по поводу криминальных разборок, коррупционных сюжетов, нарушений прав человека.

Современная практика отношений этнических сообществ (мировая, европейская, российская), проблемность и противоречия мультикультурализма как модели общественного согласия в Германии, Великобритании, Франции свидетельствуют о необходимости поиска новой повестки, нового дискурса и новых слоганов этничности. В этой связи продуктивным представляется принцип межкультурной, межгрупповой интеграции на основе гражданско-патриотизма, гуманистических ценностей¹⁴.

Реализация принципа интеграции в полиэтничном российском обществе может осуществляться на нескольких уровнях социальных, политических и межличностных отношений. Наиболее очевидными являются следующие уровни: «государство – гражданин»; «государство – этническая группа», «государство – национально-культурное общественное объединение (включая национально-культурную автономию)». Также это: «гражданин – гражданин», «этническая группа – этническая группа», «национально-культурное общественное объединение – национально-культурное общественное объединение». Такие же уровни выделяются в отношениях органов местного самоуправления с местными сообществами, сегментированными по этнодемографическому, этнокультурному, этнополитическому принципам. Успешное выстраивание отношений на данных уровнях нейтрализует возможности дискриминации граждан или этнических сообществ, как и остроты конкуренции между ними при достижении экономического, социального, политического статуса, общегражданских жизнеобразующих целей.

Терроризм наносит огромный ущерб гражданской интеграции. Экстремизм нередко соотносят с этнической и конфессиональной принадлежностью, говорят об «этнополитических рисках», распространяют самые разные этноакцентированные формы спекуляции и демагогии. Многие процессы, обусловленные ординарными социально-экономическими обстоятельствами, также создают конфликтогенные факторы этнических отношений и препятствуют межкультурной интеграции. Формирование новых этнических

¹⁴ См.: Материалы заседания Ставропольского регионального отделения Клуба политического действия «4 ноября». 29 октября 2010 г. Пятигорск. – *Архив автора*.

групп, их компактное поселение, образование соответствующих этнических территорий и сегментов, резкое пополнение отдельных этнических сообществ являются провоцирующими факторами, которые приводят к обострению отношений по линиям «население – государство», «общественные объединения и движения – государство», «старожильческое население – новое население», «новое население – правительственные структуры» и др. Эти факторы как факторы провокации в полной мере проявились на Северном Кавказе, который представил России все возможные проекции этнополитических и этнических конфликтов, а также опасные проявления сепаратизма, религиозного экстремизма, реваншизма.

Очевидно, что в содержании этнических, национальных и федеративных отношений важны нюансы, которые учитывают ориентиры национально-культурного самоопределения, актуальные для граждан РФ. Граждане РФ, с одной стороны, являются россиянами, что предоставляет блестящую возможность отождествления с великой Россией как мировой державой, с многонациональным народом России как единственным источником власти¹⁵.

С другой стороны, в определенной сфере своего социального и политического бытия, зачастую более близкого и доступного, равно как и более эмоционального, граждане РФ являются представителями конкретной общности, сохраняющей и презентующей свои этнокультурные черты и этнополитические интересы. Идентичность каждого человека распадается на несколько составляющих. Самым высоким уровнем гражданской идентичности является российская общность, достижение и поддержание которой обеспечивается государством на правовом, идейном, культурном, нравственном, этическом уровнях¹⁶. Есть также уровень региональной идентичности, который имеет разную интенсивность в разных регионах России¹⁷. В частности, на Северном Кавказе многие россияне, в том числе и русские, и представители диаспор, ощущают себя северокавказцами, независимо от конкретной этни-

¹⁵ Российская нация. Становление и этнокультурное многообразие / Отв. ред. В.А. Тишков. – М.: ИЭА РАН, 2008.

¹⁶ Кортунов С.В. Национальная идентичность. Постигание смысла. – М.: Аспект-Пресс, 2009.

¹⁷ Идентичность и интеграция: опыт России и Германии (Юг России – Северный Кавказ). Материалы международной конференции. Пятигорск, 15–17 июня 2009 г. – Ростов-н/Д–Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2009.

ческой принадлежности, т.е. представителями региона, который отличается особой культурой и ментальностью.

И, наконец, еще один уровень – это собственно этническая идентичность. Она является если не «природной» и однозначно данной по факту рождения, то выступает наиболее близкой, понятной, в той или иной степени вмонтированной в общегражданскую, общероссийскую и региональную идентичность.

В этой связи государству очень сложно определить оптимальный уровень воздействия на личность как на объект национальной и этнокультурной политики. Серьезным искушением для государства является создание мифа о том, что интересы разных этнических сообществ и граждан разной этнической принадлежности нивелировались и полностью в современных условиях «удовлетворяются». В противовес этому заблуждению государство призвано не только декларировать собственную позицию в сфере этнических, национальных и федеративных отношений, но и осуществлять совместно с местным самоуправлением, а также во взаимодействии с гражданским обществом целевые программы развития локальных этнических сообществ, удовлетворения местных этнокультурных интересов.

Принятые в 1995 и 1996 гг. и дополненные в 2002–2005 гг., 2009 г. федеральные законы о некоммерческих организациях, об общественных объединениях и о национально-культурной автономии адресованы не конкретным этническим группам, а всем гражданам РФ – независимо от их этнической принадлежности. Таким образом, законодатель преодолел искушение выделить среди этнических групп «более или менее этнические», более нуждающиеся в законодательном оформлении интересов, которые гипотетически подвержены каким-либо ущербам. Эти законы нивелируют риски стремлений и деяний этнической субъектности, которая при всей объективности и детерминированности может нести разрушительную для многонационального федеративного государства энергию¹⁸.

¹⁸ Федеральный закон Российской Федерации от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ. О некоммерческих организациях // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 145.; Федеральный закон Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ. О национально-культурной автономии // СЗ РФ. – № 25. – Ст. 2965; Федеральный закон Российской Федерации от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ. Об общественных объединениях // СЗ РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.

Федеральные законы вводят в правовое поле многообразные общественные интересы граждан и предоставляют им возможность легитимно реализовать свою этнокультурную идентичность. Однако национально-культурное самоопределение в неадекватных моделях (имитация, геттоизация) может создавать почву для этнической обособленности, препятствовать межкультурной интеграции, общероссийскому гражданскому единству. Принцип землячества, диаспорности, общинности на основе этнодемографической компактности, этнокультурной анклавности, с одной стороны, оправдан, потому что предоставляет широкие возможности для самоидентификации, самоопределения и гражданской самоорганизации и самоуправления. С другой стороны, этот принцип порождает опасность этнокультурной и социальной изоляции, что нарушает целостность общероссийского или регионального социокультурного процесса и порождает негативные взаимоотношения этнических сообществ.

Глава 3. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЕГО АКТОРЫ

Этнополитические и этнокультурные процессы в современной России характеризуются значительной динамикой и качественными изменениями. Демократизация общественных отношений в РФ предполагает реализацию, во-первых, общих принципов формирования гражданского общества, во-вторых, частных векторов, обусловленных региональными особенностями. Во многих регионах РФ сильны этнокультурные и этнополитические интересы, в связи с чем в российском сообществе продуктивным представляется совмещение принципов единства гражданского общества и принципов национально-культурного самоопределения

На Северном Кавказе отчетливо выделяются сегментированные по этническому принципу сообщества, которые различны по причинам образования, целям функционирования и методам достижения этих целей. Это вызвано прежде всего историческими, социально-экономическими детерминантами, а также факторами реформирования и модернизации российского социума. Активизация личности в составе этнического сообщества и активизация собственно этнических сообществ характерны для всего российского социального ландшафта и более явно проявляются на Северном Кавказе. При этом происходит политизация этнических интересов в соответствии с общей политизацией жизни российского общества.

Помимо общероссийских факторов, такой политизации способствуют конкретные исторические и современные сюжеты общественного взаимодействия и противоречий.

Функционирование общественных отношений в условиях полиэтничного Северо-Кавказского региона имеет свои особенности, обусловленные содержанием социально-экономических реалий. Так, субъекты Северного Кавказа являются теми географическими и социокультурным пространствами, в которых исторически сложились различные этнические коллективы. В этом смысле такие субъекты региона, как Ставропольский край, Республика Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Дагестан представляют ресур-

сы для воплощения этничности в разных социальных и политических конструктах¹. Чеченская Республика и Республика Ингушетия как моноэтнические сообщества, сложившиеся в силу общеизвестных причин, также создают особые условия для реализации этнокультурных и этнополитических интересов соответствующих титульных групп.

Данное воплощение оправданно этносоциальной структурой субъектов Северного Кавказа, в которых акторов этнических отношений можно сгруппировать следующим образом: русское население (в том числе казачество) и частично отождествляющие себя с русскими украинцы и белорусы; северокавказские горские и степные коренные (в том числе и титульные) народы; национальные меньшинства – диаспоры.

Интересы субъектов этнических, национальных и федеративных отношений отражены в основных положениях Конституции РФ, а также в принципах и направлениях *Концепции государственной национальной политики РФ*, принятой Указом Президента РФ в 1996 г.².

При этом у этнических сообществ, включая доминирующий по численности и определяющий этнокультурную ситуацию в регионе, русский этнос, есть собственные факторы и индикаторы конфликтогенности³. Каждая этническая группа так или иначе вовлекается в этнополитические противоречия регионального, российского и международного масштаба и привносит в них собственный опыт межэтнического взаимодействия. Содержание данного опыта обусловлено многими социальными и политическими обстоятельствами: численность (естественный и механический прирост), «укорененность», близость или удаленность от территорий этногенеза, наличие или отсутствие государственных форм жизни, «титульность», осуществление в отношении народа или этнической группы репрессий и депортаций, включенность в этнополитический конфликт и др.

¹ Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007.

² Указ Президента РФ № 909 от 15 мая 1996 г. «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» // Российская газета. – 1996. – 10 июля.

³ Этнические проблемы современности. Вып. 12-15 / Под ред. Авксентьева В.А., Аксюмова Б.В., Майборода Э.Т. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005 – 2010 гг.

Русские и казачество. Являются и осознают себя преемниками тех поколений, которые участвовали в освоении Северо-Кавказского региона, защите южных рубежей России, обустройстве северокавказских территорий. Роль русских очевидна и значима во включении Северного Кавказа в политико-правовое пространство России, в формировании институтов власти и управления и в осуществлении этого управления. Также русское население сыграло важную роль в государственном строительстве на Северном Кавказе и организации экономико-хозяйственного комплекса, политической и социальной жизни.

Особенностью русского населения региона являются его давние исторические связи как с северокавказскими народами, так и с группами национальных меньшинств. При этом именно русская культура являлась и является здесь реферирующей и интегративной. Вместе с тем русские вовлечены не только в ситуации позитивного содержания, но и в ситуации противоречий и конфликтов, которые были связаны с созданием национальных округов, автономий и республик, а также национальных районов и таким процессом как расказачивание.

Группы русских являются в субъектах РФ СКФО (помимо Чеченской Республики и Республики Ингушетия) крупными и заметными участниками этнических и общественно-политических отношений⁴. В Республике Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Дагестан русские заняты в сфере техник и технологий, социальной сфере (здравоохранение, образование), сфере науки, творчества, электронных технологий и др. Здесь русские заметны также в сфере политики, управления, организации местного самоуправления и общественной институционализации. В Ставропольском крае, где русские составляют более 80%, они позиционируют себя как коренной и титульный народ, хотя во многом это – реакция на позиционирование титульных северокавказских сообществ, а также реакция на социальные и культурные проблемы русского населения в соседних республиках. Русские широко представлены в сфере бизнеса, предпринимательства, а также составляют большинство политико-управленческой элиты органов государственной вла-

⁴ См.: «Русский мир» и проблемы обеспечения устойчивого развития региона / Под ред. Г.В. Косова. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 2008.

сти и местного самоуправления. В среде русского населения Ставрополя широко распространены патриотические настроения, понимание своей причастности к русскому миру и России.

Вместе с тем русское население Северного Кавказа имеет ряд существенных проблем. Прежде всего это проблема общая для всех сообществ региона – проблема безопасности. Также существенной проблемой является проблема уверенности в благополучных жизненных перспективах (для себя и для своих детей). Для русских, живущих в республиках, затруднительным является попадание в престижные экономические сферы, в престижные управленческие, социальные и политические структуры. Не имея широкой родственной и клановой поддержки, русские являются менее защищенными, чем представители коренных народов и диаспор, которые зачастую обращаются к родственникам и знакомым, прежде всего используя этническую принадлежность. В этой связи русские часто ориентированы на выезд из республик и являются участниками миграционных трендов (из Дагестана, из Кабардино-Балкарии, из Карачаево-Черкесии). Также русские Ставропольского края испытывает воздействие миграции даргинцев, армян, которые активно встраиваются в структуры сельского хозяйства и сферы услуг, бизнеса, предпринимательства. Также в последние годы увеличивается численность карачаевцев, чеченцев, которых привлекает в крае развитая инфраструктура, возможность обустройства и перспективы для их детей.

В крае наблюдается смещение русского населения из восточных районов края в центр и соответственное изменение этнического состава многих населенных пунктов. Также отмечается снижение доли русского населения в регионе Кавказских Минеральных Вод. Русское население края крайне озабочено противоправными действиями, фактами хулиганства со стороны представителей северокавказской молодежи, фактами публичных национальных танцев в неуточное время, фактами публичной и вульгарной демонстрации этничности на свадьбах, в ходе праздников, массовых мероприятий. Локальные конфликты и противоречия в крае между русскими (в том числе казачеством) и чеченцами, русскими и даргинцами, русскими и карачаевцами, а также русскими и армянами вызывают большой общественный резонанс и массовые недовольства. В среде русского населения бытует критичное отношение к перспективам Ставрополя в составе СКФО в силу северокавказского окружения. Также в среде русского населения в отдельных

случаях рождаются радикальные призывы, националистические проявления («Русские марши»), левые этнополитические проекты (выход Ставрополя из состава СКФО) и др.

Вместе с тем русские Ставрополя сохраняют типичную этнокультурную толерантность, терпимость, доброжелательность. Русская культура остается референтной и основополагающей для распространения идей российского единства и патриотизма.

Северокавказские горские народы. Типичными свойствами этнических групп северокавказских народов выступают взаимоподдержка, возрастной и гендерный иерархизм, уважение к традиционным ценностям, среди которых выделяются приверженность семейным, родовым, фамильным ценностям. Также отмечаются групповые стратегии достижения материального благополучия, социального престижа, проявлений активности в достижении жизненных целей. В то же время в общественном сознании в отдельных ситуациях проявляются «исторические» обиды и укорененные негативные этнические образы, связанные с отголосками Кавказской войны XIX века, присоединением Северного Кавказа к России, национально-государственным строительством в советский период, сталинскими репрессиями и депортациями в отношении балкарцев, ингушей, карачаевцев, чеченцев и др.⁵

Также для северокавказских сообществ важна территориальность этничности, этнокультурная самобытность. Крайне важно понимание причастности и приверженности к соответствующему субъекту РФ – республике, обладающей определенным уровнем государственного суверенитета, который в общественном сознании отождествляется с этническим суверенитетом⁶. Практика национально-государственного и национально-территориального строительства свидетельствует, что с территориальностью и огосударствлением этничности связаны острые проблемы взаимоотношений этносов, которые выражаются в конфликтах за «исконную» территорию, за «территорию этногенеза» как за социокультурную среду и среду достижения политических интересов. Здесь

⁵ См.: Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М.: ОГИ-Мемориал, 2001; «По решению правительства ССР...». Составители Н.Ф. Бугай, А.М. Гонюв. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003.

⁶ Хопёрская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000-2005 гг. – Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005.

проявляется, в том числе, и роль национальных элит, которые формируются зачастую с учетом положения и статуса фамилии, рода, тейпа в местном сообществе⁷. В формировании элит проявляются как общие тенденции генезиса и функционирования этнократии, так и частные тренды, вызванные ситуациями в субъектах, что подчеркивает В.В. Чернуос⁸.

При этом акцентируются автохтонность и титульность определенных народов как их территориально-политические привилегии на данной территории (попытки сепарации со стороны Чеченской Республики, осетино-ингушский конфликт, противоречия и конфликты между карачаевцами и черкесами, кабардинцами и балкарцами, конфликты северокавказцев с русским населением Ставропольского края и республик).

Диаспоры, национальные меньшинства – этнические сообщества, представляющие ближнее и дальнее зарубежье⁹. Разные этнические группы обеспечивают разнообразие северокавказского пространства в его внутри- и внешнеполитическом плане. Среди них выделяются этнические группы, представляющие дальнее зарубежье, этнические группы, представляющие ближнее зарубежье, этнические группы, не имеющие государственности¹⁰.

Эти группы являются в России своеобразными «полпредами» соответствующих государств, что так или иначе воздействует на систему международных отношений. В этом плане проблема институционализации этничности соотносится с проблемой соотечественников за рубежом, которая обозначилась после распада СССР

⁷ Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности: Материалы Всероссийской научной конференции (9-10 июля 2009 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. Г.Г. Матишов. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009.

⁸ Этнократии на Юге России в экспертном измерении / Отв. ред. Ю.Г. Волков / Южнороссийское обозрение ЦСРиИП ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 47. Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007.

⁹ Аствацатурова М.А., Савельев В.Ю. Диаспоры Ставропольского края в современных этнополитических процессах. – Ростов-н/Д–Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2000; Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление. – Ростов-н/Д–Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2002.

¹⁰ Аствацатурова М.А. Роль этнических общин и диаспор в развитии Юга России // Современное состояние и сценарии развития Юга России. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006.

и которая имеет новое звучание для российского сообщества. В северокавказском сообществе, где сложились компактные и дисперсные группы, представляющие народы бывшего СССР – ближнего зарубежья и страны дальнего зарубежья (азербайджанцы, армяне, болгары, греки, грузины, евреи, немцы, туркмены, украинцы и др.), взаимодействие с соотечественниками за рубежом приобретает реальные векторы.

Существенным конфликтогенным фактором для некоторых диаспор стало их заметное пополнение – как результат распада СССР и результат конфликтов на Северном Кавказе. Это привело к противоречиям как между «новыми» и «новейшими» диаспорами и местным населением, так и к противоречиям внутри диаспор между субдиаспорными группами, которые сложились на базе общности мест происхождения и периодов исхода.

Положение, статус и социальное самочувствие диаспор Северного Кавказа детерминировано этнополитическими и этнокультурными особенностями РФ, которые отличают постановку проблемы национальных меньшинств в России от общепринятых в мировой политической и правовой практике принципов¹¹. В РФ не принят закон о национальных меньшинствах в силу следующих обстоятельств. Первое: в численном отношении все этнические группы в сравнении с русскими являются фактически национальными меньшинствами. Второе: множество этнических сообществ являются коренными российскими народами, и часть из них имеют формы национальной государственности на территории России и не могут быть отнесены к национальным меньшинствам¹². Третье: этнические группы нероссийского происхождения и не имеющие государственности на территории РФ далеко не всегда относят себя к категории национальных меньшинств, так как не подвергаются дискриминации по этнополитическому и этнокультурному признаку. В этой связи вопрос отнесения гражданина РФ к национальному меньшинству является вопросом его личной идентификации и самоопределения.

Важными факторами этнических отношений в регионе являются общинность, диаспорность и клановость этнических групп, кото-

¹¹ См.: Калинина К.В. Национальные меньшинства в России. Программа «Модель демократии для России». – М.: Изд-во РАГС, 1999.

¹² Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). – М., 2000. – С. 31-38.

рые в этих обстоятельствах черпают дополнительные ресурсы. Диалог между этническими группами об «укорененности», о титульности и автохтонности, равно как и о степени «диаспорности» имеет не только закономерный социокультурный всеобщий характер. М.В. Савва выделяет конфликтогенные компоненты этого диалога, который придает этническим отношениям негативные оттенки¹³.

Примечательно, что концепты социокультурного развития Северо-Кавказского региона отличаются не только общим социальным, но и выраженным этнокультурным характером¹⁴. Как важнейшие ценности провозглашаются прежде всего социальная справедливость, стабильность, обеспечение безопасности в условиях северокавказских этнополитических рисков. Но также декларируются не менее значимые ценности – этнокультурное разнообразие, этноконфессиональный Ренессанс, межкультурное взаимодействие. Также это – привлекательный имидж и яркий образ Северо-Кавказского региона как неотъемлемой части России, как безопасного региона и региона, отличающегося поликультурностью, социальным, ментальным плюрализмом¹⁵.

Вместе с тем на Северном Кавказе в обыденных и неординарных социальных и политических практиках зачастую маркер этнической и конфессиональной принадлежности используется как аргумент не только веский, но и как агрессивный. Такие обстоятельства, как принадлежность к коренному, титульному, доминирующему народу, к репрессированному народу, к национальному меньшинству, к группе этнических мигрантов, активно используются в экономической, социальной конкуренции, в политическом противостоянии.

Этническая принадлежность выступает своеобразным каналом достижения жизнеобразующих целей. В то же время, например, выборы в региональные законодательные органы и представительные органы местного самоуправления 2006–2011 гг. свидетельст-

¹³ Савва М.В. Новые диаспоры Краснодарского края (права, интересы, динамика интеграции и восприятие местным сообществом). – Краснодар, 2006.

¹⁴ Армяне Ставрополя и Терека / Коллективная монография / Под ред. В.З. Акопяна. – Пятигорск, 2007.

¹⁵ Оценка стратегии реконструкции и развития на Северном Кавказе. Экспертный доклад. Иванов А. и др. – М.: Форум по раннему предупреждению и раннему реагированию, 2005.

вуют, что этничность далеко не всегда является решающей «политической картой» на фоне акцентирования других характеристик претендентов – профессионализм, порядочность, принципиальность и др.

Экспертные оценки позволяют обозначить позитивные ситуации этнополитического ландшафта. Среди них прежде всего целесообразно выделить традицию межкультурного и межэтнического общения, консерватизм ценностей, региональный патриотизм. Северокавказское сообщество стремится к динамическому равновесию (сбалансированности), постепенной стабилизации общественно-политических процессов¹⁶.

Однако в Северо-Кавказском регионе отмечаются и выраженные структурные сдерживающие факторы, которые затрудняют позитивную социальную динамику округа. Прежде всего препятствием являются региональный и международный терроризм, религиозный экстремизм и распространение радикальных вероучений, ксенофобия и межэтнические противоречия¹⁷.

Формирование демократических институтов самоопределения и самоуправления происходит на фоне региональных проблем, среди которых этнополитические риски (этнонационализм, этнополитический сепаратизм, религиозный экстремизм) проявляются периодически. Вместе со стремлением региональных сообществ к стабилизации общественных отношений, к достижению экономической и социальной стабильности и прогресса отмечаются всплески террористической, экстремистской активности.

С 2008 г. на Северном Кавказе участились террористические акты, вылазки боевиков, акции устрашения и подавления мирного

¹⁶ Стабильность и конфликт в Российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. – М: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005; Воробьев С.М., Ерохин А.М. Состояние этнополитических процессов на Ставрополье в оценках и представлениях массового сознания // Этнические проблемы современности. Вып. 7. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001.

¹⁷ Авксентьев В.А. Моделирование регионального конфликтогенного процесса: основные принципы и формирование банка данных // Современное состояние и сценарии развития Юга России. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006; Хопёрская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000–2005 гг. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005.

населения. Систематически происходят убийства руководителей силовых структур, военных ведомств, органов власти и управления, священнослужителей, захваты и подрывы зданий общественного назначения, социальных объектов. При этом всё чаще происходят самоподрывы смертников – шахидов из числа завербованных экстремистами молодежи и студентов вузов – представителей разных, в том числе и славянских, национальностей. Практически происходит многостороннее террористическое воздействие на власть и население, охватывающее новые территории – Ставропольский край, Кабардино-Балкария, особо охраняемый эколого-курортный регион Кавказских Минеральных Вод.

Весной 2009 г. в Чеченской Республике был отменен режим контртеррористической операции (КТО), введенный за 10 лет до того. Сам факт отмены, с одной стороны, свидетельствует о позитивных темпах постконфликтной реконструкции. А с другой стороны, отмена КТО осложнила возможности контроля над оставшимися и кочующими боевиками. В республике продолжают террористические акты, взрывы, местные боестолкновения, попытки захвата отдельных населенных пунктов и значимых объектов (в частности здания парламента Чеченской Республики).

В 2008–2010 гг. две трети от общего количества терактов в РФ совершено в СКФО. Так, за 8 месяцев 2010 г. в округе выявлено 246 преступлений террористического характера, совершено 37 диверсионно-террористических актов, что составляет 75% от общего количества подобных зарегистрированных преступлений в РФ. Основное число посягательств на жизнь работников правоохранительных органов фиксируется в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии. За этот же период выявлено 5 тыс. нарушений закона о противодействии терроризму, а также многочисленные факты сращивания террористических элементов с коммерческими, криминальными, а также силовыми структурами.

Среди наиболее резонансных сюжетов – убийство в апреле 2010 г. атамана Кизлярского казачьего общества ТКВ Петра Стаценко (Дагестан), убийство в ноябре 2010 г. муфтия КБР Анаса Пшихачева (Кабардино-Балкария), убийство в ноябре 2010 г. семерых ставропольцев-охотников, жителей ст. Суворовской, Пятигорска, Железноводска, ст. Побегайловка (Кабардино-Балкария), взрыв и гибель 17 граждан в сентябре 2010 г. на центральном рынке Владикавказа в день мусульманского праздника Ураза-Байрам (Республика Северная Осетия-Алания), взрыв и гибель 7 граждан в

мае 2010 г. перед Дворцом культуры в Ставрополе (Ставропольский край), убийство в феврале 2011 г. туристов из Москвы и взрыв линии канатной дороги (Кабардино-Балкария).

В связи с усилением террористической активности федеральным центром разработана *Программа реализации мер предупреждения преступлений террористической направленности*. Главные направления программы озвучены Президентом РФ Д. А. Медведевым на совещании в Махачкале 1 апреля 2010 г.: укрепление правоохранительных органов, МВД, ФСБ, судов; нанесение кинжальных ударов и уничтожение баз боевиков; помощь тем, кто желает порвать с бандитами; развитие экономики, культуры; укрепление нравственной и духовной составляющей.

На Северном Кавказе сформирована мощная инфраструктура противодействия терроризму – Главное управление Генеральной прокуратуры в СКФО, Главное управление МВД по СКФО. Соответственно в 2009–2011 гг. активизировались антитеррористические операции, зачистки, целевые акции поимки и уничтожения террористов, полевых командиров и комбатантов. В 2009 г. было уничтожено около 320 членов незаконных вооруженных формирований, пресечены несколько крупных террористических актов, изъято более 2,5 тонн взрывчатых веществ, более 500 единиц автоматического оружия, ликвидированы 260 баз и схронов оружия¹⁸. За 8 месяцев 2010 г. уничтожено свыше 160 боевиков, из незаконного оборота изъято свыше 800 кг взрывчатых веществ, в производстве находились более 200 уголовных дел, к длительным срокам лишения свободы приговорены 128 чел.¹⁹ Вместе с тем с января по октябрь 2010 г. в округе погибли 149 сотрудников силовых структур, около 390 были ранены.

Зачастую антитеррористические акции – многочасовые бои – проходят в центре городов, в том числе столиц субъектов РФ на Северном Кавказе (Грозный, Махачкала, Нальчик, Пятигорск, Ставрополь, Черкесск), что крайне негативно воздействует на население, в том числе и в части формирования общественного мнения и общественного дискурса. Также в городах округа, в частно-

¹⁸ См.: Материалы Межведомственного совещания руководителей правоохранительных органов России по вопросу об укреплении законности и правопорядка на территории Северо-Кавказского региона 25 февраля 2010 г. – *Архив автора*.

¹⁹ По материалам Главного управления Генеральной прокуратуры в СКФО.

сти в Ставрополе, Пятигорске, постоянно проходят суды над террористами и боевиками, что также создает угрозу безопасности и спокойствию населения.

Терроризм на Северном Кавказе, теракты в московском метро 2010 г., в московском аэропорту «Домодедово» в 2011 г., убийства охотников и туристов в Кабардино-Балкарии в ноябре 2010 г. и феврале 2011 г. заставляют рассматривать фактор Северного Кавказа как фактор опасности и дестабилизации. Постоянная террористическая угроза рождает не только чувство страха, неуверенности, социальной апатии, но и обостряет этнические отношения, провоцирует взаимные подозрения и обвинения. При этом, как подчеркивает С. Маркедонов, террористическая угроза на Северном Кавказе негативно влияет не только на внутренние, но и на внешнеполитические отношения²⁰.

Также налицо противоречия реализации административной реформы и реформы местного самоуправления в части нормативно-правового административного, организационного, кадрового и финансового обеспечения. Здесь так же, как и в России в целом, осуществляется ограничение прав регионов изъятием ряда существенных полномочий по защите прав и свобод человека и гражданина. Проблемным является обеспечение законности, правопорядка и общественного согласия в целом, в особенности на фоне низкого уровня жизни основной массы населения и благополучия регионального бизнес-предпринимательского, торгово-рыночного, властно-политического олигархата.

Далеко не всегда у региональных властей есть возможности для обеспечения должного состояния особо охраняемых природных и историко-культурных территорий, в том числе и сакральных, святых для местного населения мест. Возникают проблемы во владении, пользовании, распоряжении землей, недрами, водными и природными ресурсами, что весьма чувствительно в Северо-Кавказском регионе, который густо населен и отличается постоянным устойчивым ростом населения, как за счет естественного, так и за счет миграционного прироста.

Одновременно проявляются сложности в механизмах наделения властными полномочиями не только глав субъектов, но и глав городских и сельских муниципальных образований, которые изби-

²⁰ Маркедонов С. Слабость всемогущих; Игра желваками; Нормализация Кавказа // <http://www.gazeta.ru/keywords>.

раются населением. Проявляются противоречия между главами субъектов и главами некоторых городов и других муниципальных образований, которые затрудняет динамику социально-экономического роста. Возникают противостояние и борьба между политическими партиями и движениями, которые затрудняют возможность консолидации местных сообществ.

Новым явлением институционализации этнических и этноконфессиональных интересов является конкуренция двух основных конфессий – православия и ислама, которые активизируются не только в духовных и мировоззренческих процессах, но и в социальном служении, обеспечении светских интересов жителей региона (безопасность, миротворчество, противодействие социальным бедам и порокам, образование, культура, образ жизни, досуг).

Также новым явлением выступает конкуренция светской и клерикальной частей северокавказского сообщества, которая проявляется как в Ставропольском крае, так и в республиках. Воцерковлённость и приверженность религиозному мировоззрению трактуются как дополнительные позитивные обстоятельства, которые декларируются в общественных, профессиональных, родственных, соседских отношениях²¹.

В известном смысле всеобщий характер имеет такое противоречие, как противоречие между консерватизмом и модернизацией, между новыми и новейшими слоями и старыми слоями северокавказского сообщества. Несмотря на традиционализм многих социальных институтов, северокавказскому сообществу свойственна высокая динамика, изменяемость социокультурных тенденций и ситуаций. Так, на современном этапе проявляются новые обстоятельства общественно-политических отношений, прежде всего конкуренция этнических групп, которая приобрела дополнительную остроту в ходе мирового экономического и финансового кризиса. В этих условиях отмечается динамика самооценки и самочувствия этнических сообществ²².

²¹ Материалы Международной научно-практической конференции «Ислам на Юге России. Вопросы возрождения и развития». 21–22 ноября 2008 г. – Ростов-н/Д–Пятигорск, 2008.

²² Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Материалы международного «круглого стола» (Ставрополь, 2 октября 2006 г.). – Ростов-н/Д: ЮНЦ РАН, 2007; Гражданская идентичность и патриотическое воспитание в полиэтничном регионе. – Ставрополь–Ростов-н/Д: ЮНЦ РАН, 2007.

В течение последних пяти лет в Северо-Кавказском регионе отчетливо проявляются две тенденции общественно-политических отношений, общественного дискурса. Обе тенденции разворачиваются на фоне продолжающихся административной реформы и реформы местного самоуправления, а также в условиях усиления вертикали власти и модернизации, которые применительно к Северо-Кавказскому региону имеют особые направления и векторы (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Тенденции общественных отношений
и общественного дискурса в СКФО**

Негативная тенденция	Позитивная тенденция
<ul style="list-style-type: none"> • оживление террористического воздействия, • учащение террористических актов, • активизация бандформирований, смыкание терроризма с криминальной, коррупционной практикой, • трансформация терроризма в систему многопрофильного террора, • формирование нового поколения смертников, боевиков, комбатантов, • распространение националистических и ксенофобских настроений, • локальные межэтнические столкновения и конфликты в молодежной среде, • провокационные «этнические» танцевальные флэш-мобы. 	<ul style="list-style-type: none"> • дезавуация в общественном сознании идей сепаратизма, экстремизма, «этнического партизанства», национализма и ксенофобии, • отсутствие массовых этнических конфликтов и перевод конфликтных ситуаций в управляемую стадию, • формирование инфраструктуры межкультурного взаимодействия и этнокультурного развития, • усталость населения от агрессии и насилия, стремление сообществ к стабилизации и взаимодействию, • реализация миротворчества в партнерстве органов государственной власти, местного самоуправления и институтов гражданского общества.

Модернизация полиэтничных регионов РФ соответствует общим тенденциям реформирования российского общества, но в то же время имеет некоторые особенности. Они обусловлены тенденциями самоопределения этнических сообществ, которые являются важными характеристиками современных российских социальных и политических процессов. При этом закономерно, что этническая идентичность и этнокультурная идентификация являются основами для обобществления интересов, позиций и действий.

Коллективное этнокультурное «самочувствие» жителей Северного Кавказа является составляющей в комплексе общегражданского самочувствия и безопасности. Последняя же эффективно реализуется не только и не столько в рамках этнической стратификации, сколько в стратегии и тактике федерального центра, в политико-управленческих ресурсах и политической воле региональных властей, в общественном здравомыслии местных сообществ.

Раздел 4. **УЧРЕЖДЕНИЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ**

Выделение Северо-Кавказского федерального округа из Южного федерального округа является в известном смысле решающим для Северо-Кавказского региона политико-административным решением. Детерминанты этого решения очевидны с учетом проявления негативных факторов этнополитических процессов в 2008–2010 гг. События последних лет, а также намечаемые перспективы требовали целевых действий. Основания и мотивы решения были высказаны Президентом РФ Д.А. Медведевым в Послании Федеральному собранию РФ в ноябре 2009 г., в котором руководитель страны изложил свое видение содержания системы общественных отношений:

«Ситуация на Северном Кавказе не была бы настолько острой, если бы социально-экономическое развитие здесь было бы по настоящему результативным».

«Считаю необходимым разработать и ввести отдельные четкие критерии эффективности деятельности федеральных органов исполнительной власти по проблемам Северного Кавказа. Поручаю правительству в срок до 1 января 2010 года утвердить систему этих критериев».

«И должен быть человек, лично ответственный за положение дел в этом регионе. Разумеется, он должен обладать достаточными полномочиями для эффективной координации работ на данном направлении. Такой человек появится»¹.

Конкретика данных тезисов не оставляла сомнений в том, что последуют энергичные действия, и свидетельствовала о четко осознаваемой политической необходимости решения, подкрепленного политической волей. В связи с этим главы субъектов, политики, эксперты и население Северо-Кавказского региона ожидали принятия неординарного управленческого решения, которое будет иметь важнейшее значение для региона. При этом было очевидно,

¹ Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 19 ноября 2009 г.

что любые действия центральной власти не будут происходить вразрез с Конституцией РФ, гарантом которой выступает Президент РФ, что не будет возврата к формам управления на Северном Кавказе, испробованным в имперский и советский периоды. Между тем и населению, и региональной элите хорошо известно, что в истории взаимоотношений сообществ Северо-Кавказского региона с государством и властями имели место не только взаимодействие и взаимоподдержка, но и противоречия и конфликты.

При принятии современного решения о выделении нового федерального округа, федеральный центр, по всей видимости, учитывал тот управленческий опыт, который сложился в ходе формирования и функционирования федеральных округов, в данном случае – Южного федерального округа, а также опыт действий полномочных представителей Президента РФ в ЮФО. Закономерно, что каждый из полпредов на конкретном этапе развития Северо-Кавказского региона играл своеобразную и во многом уникальную роль, обусловленную общественно-политическими и социально-экономическими обстоятельствами. Динамика смены персоналий – В. Казанцев, В. Яковлев, Д. Козак, Г. Рапота, В. Устинов – свидетельствует об эволюции общественно-политической ситуации, которая дрейфует от острой дестабилизации к стабильности, от использования военных и силовых методов к усилению политико-административного вектора, разворачиванию социальных программ, программ «конкурентного» федерализма, программ формирования и стимулирования «точек роста».

Опираясь на политико-управленческие реалии, Президент РФ принял решение о выделении из состава ЮФО нового Северо-Кавказского федерального округа. При этом следует напомнить, что в период появления в стране федеральных округов первоначально на Юге России был образован именно Северо-Кавказский федеральный округ².

Значимость северокавказского компонента в новой управленческой системе федеральных округов постоянно подчеркивалась в научных трудах, в экспертных оценках и высказываниях Р. Абду-

² Указ Президента РФ от 19.01.2010 № 82 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849, и в Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти».

латипова, В. Авксентьева, Г. Денисовой, Л. Дробижевой, В. Зорина, С. Маркедонова, В. Тишкова, Л. Хопёрской, В. Черноуса и др.

Нынешнее создание СКФО говорит о новом качестве общественно-политических отношений на Северном Кавказе, о стремлении федеральной власти сформировать достойный ответ современным этнополитическим рискам.

Это ответ прежде всего историко-политическим реалиям, в которых достигнута региональная общность исторического прошлого и настоящего населяющих его народов. На Северном Кавказе сложился и реализуется диалог русского и северокавказского населения. Здесь достигнут высокий уровень взаимодействия всех субъектов этносферы. Этничность остается существенным фактором взаимосвязей жителей региона, а также и определенным аргументом в достижении ими жизнеобразующих целей. Этнокультурное разнообразие составляет необходимое условие социокультурной общности Северного Кавказа, которая базируется, в том числе, и на осознании жителями региона единых исторических судеб. Региональная идентичность является значимой базой для активизации населения в решении общих задач – достижении безопасности, повышении уровня жизни, упрочении взаимовыгодного взаимодействия.

Решение о создании СКФО соответствует современному состоянию региона, в котором достигнут определенный, хотя и недостаточный, уровень безопасности. В регионе прекращены или локализованы массовые конфликты, нейтрализованы последствия массовой миграции. Общественные настроения отличаются стремлением к стабилизации, социальному развитию. В северокавказском обществе доминирует разочарование в сепаратистских идеях прошлых десятилетий и, напротив, все более преобладает стремление к мирной жизни, к решению социально-экономических проблем вместе с остальной Россией. Отмечается рост общегражданских патриотических настроений, в основе которых – гордость за упрочившийся авторитет России, а также уважение к ее современным политическим лидерам – Президенту РФ и председателю правительства РФ. Первые лица политико-управленческого истеблишмента страны воспринимаются в регионе как здравые, современные, авторитетные политики, имеющие политическую волю, умеющие принимать целесообразные решения и добивающиеся их исполнения.

Вместе с тем начиная с 2008 г. в регионе вновь дали о себе знать опасные проявления радикализма и религиозного экстремизма. Часто происходят террористические акты, взрывы, попытки

ки захватов и взрывов зданий общественного назначения. Практически во всех регионах СКФО отмечаются нападения на силовые структуры, вылазки боевиков, самоподрывы смертников. Специалисты отмечают омоложение рядов незаконных вооруженных формирований, в том числе шахидов, как следствие активной вербовки их среди молодежи и студентов. При том что экстремистские настроения не имеют массового распространения, отмечается стремление небольших групп поддержать радикальные и антиконституционные идеи. В некоторых случаях формируются стихийные группы «народных мстителей», «черных ястребов», противодействующих боевикам, что ставит под сомнение авторитет властей и профессионализм государственных силовых ведомств.

Учреждение СКФО соответствует сложившейся модели общественно-политического развития. В регионах налажено взаимодействие органов государственной власти, органов местного самоуправления функционируют многочисленные и эффективные общественные миротворческие, национально-культурные организации, общественные организации фамилий и родов. Заметным участником регионального процесса выступает казачество – Терское казачье войсковое общество. Здесь же осуществляется позиционирование институтов Русской православной церкви в лице Ставропольской и Владикавказской епархии под руководством архиепископа Феофана, а также представлено Духовное управление мусульман Ставропольского края под руководством Мухаммада-хаджи Рахимова, Духовные управления республик Северного Кавказа и Координационный центр мусульман Северного Кавказа под председательством Исмаила-хаджи Бердиева. Действуют приходы Армянской апостольской церкви (наиболее крупные – в Ставропольском крае и Республике Северная Осетия-Алания), иудейские общины, католические приходы, руководители которых также активно участвуют в общественном диалоге.

В регионах Северного Кавказа сложилась традиция миротворчества, которая имеет всеобщий характер и объединяет усилия органов власти, местного самоуправления, институтов гражданского общества³.

³ Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформротех», 2007; Северный Кавказ в национальной стратегии России / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформротех», 2008.

Учреждение СКФО отвечает позиционированию субъектов и сообществ Северного Кавказа на Юге России, в РФ и на пространстве стран ближнего и дальнего зарубежья. Местные этнические сообщества и диаспоры имеют устоявшиеся связи с другими субъектами РФ, а также со многими странами ближнего и дальнего зарубежья, где проживают «материнские этносы» диаспор региона – Арменией, Азербайджаном, Грецией, Германией, Израилем, Польшей, Турцией, Туркменистаном и др. Крайне значимы личные связи – дружеские, родственные, коллегиальные, которые подкреплены персональным участием, личным авторитетом конкретных узнаваемых людей. В СКФО развито движение побратимства, сохранившееся со времен советской международной практики. Побратимские связи обрели новое содержание и поддерживаются этническими активистами, энтузиастами межрегионального и международного общения на новом информационном и коммуникационном уровнях.

В то же время на Северном Кавказе этнополитические риски – терроризм, религиозный экстремизм, национализм, мигрантофобия, ксенофобия – смешиваются с криминальными и коррупционными явлениями. В совмещении общих криминальных процессов с коррупционными тенденциями, а также с террористическими акциями состоит важнейшая особенность террористического воздействия на население. В этой связи помимо осуждения терроризма как идеологии в общественных настроениях населения отмечается недовольство местными властями, силовыми структурами, которые не только не воспринимаются как гаранты правового поля и охраны граждан, но зачастую и обвиняются в прямых нарушениях закона⁴.

Существенными составляющими, которые вторгаются в общественные и политические отношения, являются факторы этнической титульности, комплекса репрессированности некоторых народов, в том числе казачества. Так, фактор титульности в общественном восприятии и де-факто в сферах управления задает некую «иерархию», в которой одни группы с «непрестижной» этнической принадлежностью оттесняются другими группами от уча-

⁴ Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика / Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. – М.: Альфа – М, 2008; Игнатов В.Г. и др. Экспертные оценки конфликтогенных процессов на Юге России. Информационно-аналитические материалы. – Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2006.

ствия в «разделе собственности», от участия во власти. Весомым фактором всей системы общественных отношений являются фамильные, клановые, тейповые, диаспорные связи, которые реализуются как в позитивных, так и в негативных проявлениях. Этнические и религиозные противоречия зачастую провоцируются социально-экономическими проблемами, конкуренцией в решении жизненных проблем, низким уровнем жизни, безработицей, неустроенностью молодежи. Типичными являются противоречия и конфликтные ситуации в среде молодежи, при этом противоборствующие стороны группируются по земляческому, этническому или конфессиональному признакам. Такое группирование проявилось в конфликтах в Георгиевске, Кисловодске, Нальчике, Ставрополе, Пятигорске, Черкесске, в отдельных сельских муниципальных образованиях субъектов РФ СКФО⁵.

Эксперты и исследователи констатируют далеко не благополучное самочувствие русского населения, которое сосредоточено прежде всего в Ставропольском крае, в Северной Осетии-Алании, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. Продолжается отток русского населения из всех республик федерального округа. Ранее, как известно, состоялся практически полный исход русских из Чеченской Республики и Республики Ингушетия. Сложными проблемами являются для русского населения проблемы трудоустройства, получения образования, улучшение уровня жизни, карьерного роста и др. Свой вектор этнокультурных и общественно-политических интересов имеет казачество, которое активно проявляется во всей системе общественных отношений, отношений с властью, в межэтнических противоречиях и конфликтах, резко реагирует на теракты, отстаивая интересы русского населения.

Проблемным остается социальное самочувствие многих народов сравнительно небольшой численности. Это – абазины, агулы, ногайцы, таты, рутульцы, цахуры и др., проживающие, в Дагестане, Карачаево-Черкесии, Ставропольском крае и имеющие неудовлетворенные потребности в части обучения, получения социальных услуг, приобщения к информационному полю на родном языке. Собственные потребности имеют группы народов, которые компактно или дисперсно проживают в СКФО вне соответствующей

⁵ Аствацатурова М.А. Управление в полиэтничном регионе: современное состояние и перспективы // Университетские чтения 2009. – Пятигорск: ПГЛУ, 2009. – С. 179-185.

ских республик. Это группы аварцев, даргинцев, кабардинцев, карачаевцев, осетин, татар, черкесов, чеченцев, которые исторически сложились и пополнились в ходе новейшей истории СКФО в Ставропольском крае, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии-Алании.

Также выраженные этнокультурные и этнополитические интересы демонстрируют диаспоры. Азербайджанцы, армяне, болгары, греки, грузины, евреи, корейцы, немцы, поляки, туркмены, украинцы и др. проживают в Ставропольском крае, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии-Алании. Диаспоры проявляют стремление не только к этнокультурному ассоциированию, но и к влиянию на принятие политических решений в сфере отношений собственности⁶.

Существенным фактором образования СКФО стало формирование нового управленческого корпуса в субъектах Северного Кавказа. Здесь по инициативе и при поддержке Президента РФ сложилась политико-управленческая элита, представители которой принадлежат к новому поколению управленцев. Все нынешние руководители республик Северного Кавказа получили кредит доверия от Президента РФ. Президентом РФ Д.А. Медведевым перед руководителями субъектов нового федерального округа поставлены конкретные задачи, которые отвечают новому качеству социально-экономических и общественно-политических отношений. Прежде всего это задачи реализации экономических проектов и социальных программ, повышения инвестиционной привлекательности Северо-Кавказского региона, сокращения безработицы.

Важнейшей задачей политического свойства является достижение общественной безопасности и стабильности, правопорядка наряду с повышением и гражданской, и политической активности населения. Также существенной задачей является развитие диалога между властью и обществом, достижение открытости органов власти для местных сообществ. Здесь важнейшим направлением выступает борьба с коррупцией, взяточничеством, мздоимством, местничеством, кумовством, которые наносят масштабный ущерб развитию регионального сообщества.

С учетом этих обстоятельства логичен состав Северо-Кавказского ФО. Это проявляется в сходстве судеб местных сооб-

⁶ Аствацатурова М.А Диаспоры в российской Федерации: формирование и управление. – Ростов-н/Д–Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2002.

ществ, в общих путях социально-экономического и политического развития регионов, в общих позитивах и негативах советского национально-государственного строительства и в общих проблемах постсоветского периода. Очевидно также сходство этнокультурных традиций и этнокультурного менталитета в контексте целостного культурного наследия народов России⁷. Вместе с тем каждая республика и каждый народ отличается своеобразием коллективных интересов, особенностями позиционирования в межрегиональном диалоге и в диалоге с федеральным центром. В этой связи образование нового ФО должно способствовать упрочению межрегиональных связей, нейтрализации социальных и этнополитических противоречий.

Закономерным и оправданным является включение в состав нового ФО Ставропольского края, который по своим геополитическим и этнополитическим характеристикам выделяется среди субъектов Юга России. Здесь развиты стратегии и тактики взаимодействия с республиками региона, функционируют представительства таковых. Ставропольский край граничит со всеми республиками ФО, кроме Ингушетии, имеет устойчивые социально-экономические связи с Кабардино-Балкарской Республикой, Карачаево-Черкесской Республикой, Чеченской Республикой, Республикой Ингушетия, Республикой Дагестан. Ставропольский край привлекает жителей республик за счет развитой инфраструктуры, а также городской культуры. Города края – Ставрополь, Пятигорск, Невинномысск, Кисловодск, Георгиевск – рассматриваются жителями республик как центры, в которых возможно обучение, лечение, профилактика, отдых и досуг, а также образование и карьерный рост молодежи. В городах края в высших учебных заведениях обучается множество молодых людей из республик, сложились студенческие «этнические диаспоры». Так, из 150 тыс. студентов края в начале 2011 г. 57 тыс. составили выходцы из северокавказских республик.

В составе СКФО Ставропольский край выступает безусловным лидером и определенным политико-управленческим форпостом проведения социально-экономической политики государства

⁷ Сохранение этнокультурного наследия. Обсуждение проекта Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 гг. // Вестник Российской нации. 2009. № 1(3). – С. 179-206.

как политики безопасности, развития, политики антикризисной. Также важно, что на фоне республик, образованных по национально-государственному признаку, край представляет административный субъект, образованный по территориальному признаку.

На базе ресурсов Ставропольского края представляется успешным развитие идеи гражданского единства, общероссийского патриотизма жителей СКФО как граждан РФ⁸. В то же время идея сохранения этнокультурного и этноконфессионального разнообразия традиционно близка Ставрополью. Более того, она реализуется как управленческая идея, поскольку является привлекательной и значимой для населения республик.

Формирование нового ФО обязывает Ставропольский край к реализации новых политико-управленческих стратегий и тактик в диалоге с республиками Северного Кавказа и с федеральным центром. Особенности и возможности края в связи с образованием Северо-Кавказского ФО подчеркнул губернатор Ставропольского края В. Гаевский, высоко оценив принятое Президентом РФ решение. Это решение с энтузиазмом поддержал архиепископ Феофан, который не только возглавляет Ставропольскую и Владикавказскую епархию Русской православной церкви, но и проводит масштабную миротворческую работу в республиках Северного Кавказа. В Ставропольском крае накоплен существенный политико-управленческий опыт в сфере этнических и этноконфессиональных отношений, миграции, формирования национально-культурных институтов гражданского общества, институционализации. В Ставрополье при координации комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества реализуются целевые программы гармонизации и развития этнических и этноконфессиональных отношений и взаимодействия с соотечественниками за рубежом. Примечательно, что в этой сфере успешно воплощается программно-целевой метод, предоставляющий широкие возможности для диалога с гражданами, налаживания обратной связи с населением.

Назначение А.Г. Хлопонина полномочным представителем Президента РФ по СКФО – оптимальный управленческий ход, так

⁸ Иванова С.Ю. Патриотизм в системе социокультурных ценностей современной России. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003; Жаде З.А. Векторы геополитической идентичности. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮФУ. ООО «Качество», 2007.

как этот политический деятель имеет очевидные преимущества перед местными политиками. Он не включен в региональные клановые и фамильные структуры, не отягощен «весом» региональных социальных и ментальных предрассудков. Новый полномочный представитель Президента РФ – лицо нейтральное и вместе с тем облеченное особыми полномочиями. Совмещение полномочий представителя Президента РФ с полномочиями заместителя председателя правительства РФ как эксклюзивное наполнение функционала А.Г. Хлопонина – целевое политико-управленческое решение именно для Северного Кавказа. Опыт бизнесмена, хозяйственника, управленца, опыт современного креативного менеджера крайне важен для реализации функционала полномочного представителя Президента РФ в ФО. Также значимо, что А.Г. Хлопонин является членом «Единой России» и может использовать партийный ресурс для реализации социальных программ, привлечения инвестиций.

Вместе с тем перед ним стоят масштабные задачи политического и административного плана. Их решение во многом будет зависеть от постижения полномочным представителем специфики региона в целом и каждого субъекта в отдельности. В этой связи важной задачей является формирование оптимальных отношений с главами республик и края с учетом нового характера управленческих стратегий и тактик на местах. Это крайне сложно сделать, не обладая опытом общения с северокавказским сообществом. Здесь имеется несколько фундаментальных задач:

- привлечение к формированию аппарата полномочного представителя собственной команды,
- вовлечение в работу местных управленцев, политиков, экспертов,
- налаживание диалога со сложившимися институтами и акторами политического и социокультурного пространства,
- проведение аудита социально-экономических и общественно-политических отношений,
- составление достоверного «реестра проблем»,
- выявление наиболее действенных ресурсов развития, модернизации.

В сложившемся контексте важно приобретение общественного авторитета у населения, так как в северокавказском сообществе большое внимание уделяется личным качествам руководителя –

компетентности, профессионализму, а также морально-нравственным характеристикам. Здесь стоит учитывать такое обстоятельство последнего периода, как частая смена полномочных представителей в ЮФО, и постоянные надежды населения на повышение качества жизни и уровня безопасности. Население возлагает на нового полномочного представителя определенные надежды, особенно с учетом последних негативных событий – активизации с 2008 г. террористического воздействия на население и власть в субъектах РФ СКФО.

Новый всплеск террористической активности воспринимается населением как ответ приверженцев терроризма и религиозного экстремизма на отмену режима контртеррористической операции в Чеченской Республике, а также на стабилизацию в регионе. Терроризм, помимо прямого ущерба местным сообществам, наносит ущерб глобальным российским проектам социального характера, а также потенциально – олимпийскому проекту в Сочи 2014 г. В этих условиях население высказывает претензии прежде всего к местной власти, но также и к институту полномочных представителей, которые должны быть гарантами безопасности, соблюдения Конституции РФ, обеспечения законности и правопорядка. Решение этих задач выступает на первый план именно перед полномочным представителем Президента РФ в новом ФО, оттесняя на второй план такие задачи, как упрочение властной вертикали, осуществление кадровой политики, контроль над реализацией политико-административного управления в субъектах.

У населения есть явный скепсис и недоверие к властным структурам как на уровне федерации, так и на уровне регионов. В этом смысле полномочный представитель Президента РФ в общественном мнении должен, с одной стороны, создавать достоверную картину положения в ФО в высших органах федеральной власти и максимально доносить интересы и проблемы местного населения до Президента РФ и председателя правительства РФ. С другой стороны, полномочный представитель значим и как управленец, облеченный большим объемом полномочий в воздействии на состояние местной власти, местных клановых и фамильных отношений. Не стоит забывать о культе маскулинности местных сообществ, который примеряется и к властным структурам, и даже политическим институтам. Поэтому в руководителе такого уровня хотят видеть смелого, опытного и мудрого человека, слово которого имеет вес и значение.

Северокавказское сообщество в лице руководителей регионов – М. Алиев (действующий в период формирования ФО президент Республики Дагестан) и в дальнейшем М. Магомедов (представленный уже А. Хлопониным новый президент Республики Дагестан), В. Гаевский (Ставропольский край), Ю.-Б. Евкуров (Республика Ингушетия), А. Канокон (Кабардино-Балкарская Республика) Т. Мамсуров (Республика Северная Осетия-Алания), Р. Кадыров (Чеченская Республика), Б. Эбзеев (глава Карачаево-Черкесской Республики до марта 2011 г.), Л. Травнев (глава города Пятигорска) – дали высокую оценку состоявшемуся решению и проявили энтузиазм по поводу создания ФО и назначения полномочного представителя Президента РФ.

Свое видение развития СКФО имеет председатель правительства РФ В.В. Путин, который возглавил специальную комиссию правительства РФ по Северному Кавказу. Примечательно, что развитие СКФО В.В. Путин связывает с достижением безопасности, с антикоррупционностью, внешней привлекательностью региона⁹. В качестве главных направлений развития выделяется туристско-курортный кластер, внутри которого важным является субкластер горнолыжного туризма. Здесь акцентируется роль курортного региона Кавказских Минеральных Вод как территории здорового образа жизни, благополучия, отдыха и досуга.

А.Г. Хлопонин, используя возможности политико-административного управления, включенного наблюдения и непосредственного участия, а также трибуну СМИ и интернет-пространство, обозначил собственную позицию и собственное видение проблем СКФО и путей их разрешения. Прежде всего это развитие экономики, решение проблемы занятости населения. Уровень безработицы в среднем по СКФО составляет 18%, это 827 тыс. чел. К 2020 г. планируется обеспечить 400 тыс. рабочих мест путем организации малых предприятий. Перспективными сферами развития СКФО являются АПК, туризм и строительство. Еще одной проблемой, которая акцентируется А.Г. Хлопониним, является проблема подготовки кадров, которая будет решаться, в том числе, через расширение системы среднего профессионального образования.

Полномочный представитель Президента РФ в СКФО отмечает значимость борьбы с коррупцией, но не считает возможным воспринимать ее как политическую доктрину. Здесь важна незави-

⁹ СКФО ждет перемен / Пятигорская правда. 2010 г. 10 июля.

симая и прозрачная для общества судебная система. Также важна роль гражданского общества, которое в партнерстве с властью сможет решать многие вопросы общественных отношений, общественного мнения, общественных настроений¹⁰.

В качестве новой идеи выступает *идея «кавказского позитива»*. Эта идея, по всей видимости, будет обеспечиваться существенной государственной поддержкой и инвестициями, а также инициативами населения, в среде которого развиты навыки малого и среднего предпринимательства¹¹.

Большое внимание уделяется стабилизации общей социокультурной обстановки, развитию культуры региона, например, под такими девизами, как «*Культура против террора*», «*Кочующая культурная столица*», «*Северный Кавказ – многоцветье культур*» и др. Здесь важна роль меценатов, общественных активистов, энтузиастов творчества и искусства.

Примечательно, что во всех направлениях развития СКФО присутствует оттенок этнических отношений, оттенок этнокультурных и конфессиональных интересов населения, без удовлетворения которых невозможно решать поставленные задачи. Именно с системой этих отношений во многом связана перспектива достижения безопасности, профилактики терроризма и экстремизма¹².

Исполнение полномочий, решение долгосрочных и первоочередных задач полномочным представителем Президента РФ в СКФО возможно лишь при широком диалоге с местными сообществами. Площадкой такого диалога является *Общественный совет Северо-Кавказского федерального округа* под председательством полномочного представителя Президента РФ в СКФО. Принцип формирования Общественного совета аналогичен принципам формирования Общественной палаты РФ. 14 кандидатов в составе совета – представители федерального уровня, представленный Общественной палатой РФ, 14 кандидатов предложены аппаратом полномочного представителя Президента РФ в СКФО, 14 кандидатов делегированы от субъектов РФ СКФО. В составе совета – известные общественные деятели, священнослужители, учёные, экс-

¹⁰ Александр Хлопонин «Мы на Кавказе все горячие». Подготовила Е. Евдокимова // Аргументы и факты. Северный Кавказ. 2010 г. № 4.

¹¹ Десять лет, которые изменяют СКФО / Аргументы и факты. Северный Кавказ. 2010 г. № 28. Июль.

¹² Развитие и безопасность // Ставропольская правда. 2010 г. 8 декабря.

перты федерального уровня, а также признанные активисты северокавказского масштаба¹³. Общественный совет сформирован из наиболее авторитетных и значимых лиц региона, узнаваемых жителями по богатому жизненному опыту, по способности к взвешенным решениям, по возможности влиять на ситуацию. Также при Общественном совете формируются экспертные комиссии по различным направлениям, среди которых выделяются межэтнические и межконфессиональные отношения, молодежные проблемы, противодействие коррупции, охрана окружающей среды, просвещение, сохранение духовных исторических и культурных ценностей в СМИ и др.

Важнейшими задачами Общественного совета являются: содействие укреплению институтов гражданского общества и координация их деятельности в СКФО, определение вопросов, связанных с нарушением прав и свобод человека и гражданина в СКФО, информирование полномочного представителя Президента РФ в СКФО об общественно значимых процессах и гражданских инициативах в субъектах РФ СКФО и др.¹⁴

Для расширения содержательного и формального спектра диалога с населением целесообразно взаимодействие аппарата представителя Президента РФ в СКФО с этническими и конфессиональными лидерами, с руководителями социально-профессиональных ассоциаций парламентариев, муниципалов, бизнесменов, ученых, экспертов, а также с творческой интеллигенцией. Также уместно формирование молодежных общественных структур – общественного молодежного совета нового ФО¹⁵. Важна также координация действий институтов гражданского общества – правозащитных, мигрантских, ветеранских, женских организаций, равно как и консолидация миротворческого движения на уровне ФО.

В этой связи необходимо отметить, что задачи полномочного представителя Президента РФ в СКФО фактически шире, чем круг вопросов, определенный в указе Президента РФ В.В. Путина № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федера-

¹³ Вереск И. Мост для взаимопонимания // Пятигорская правда. 2010 г. 4 ноября.

¹⁴ Положение об Общественном совете Северо-Кавказского федерального округа. – *Архив автора.*

¹⁵ Платонова Ю. IQ – формат для молодежи; Протасова Т. Всекавказский альянс // Ставропольская правда. 2010 г. 19 ноября.

ции в федеральном округе» от 13 мая 2000 г. Помимо контроля над воплощением управленческой стратегии и проведения кадровой политики Президента РФ, помимо упрочения вертикали власти в округе, полномочный представитель Президента РФ в СКФО преследует своей деятельностью цель оздоровления морального климата в округе, улучшения общественных настроений и стабилизации общественно-политических процессов.

А.Г. Хлопонин воспринимается именно как представитель федеральной власти, как доверенное лицо Президента РФ, наделенное высокими полномочиями. В этом плане деятельность полномочного представителя Президента в РФ в СКФО как ни в каком другом округе имеет в глазах общественности высокий нравственный потенциал, отвечающий надеждам на «наведение порядка». Экстремизм и терроризм реально угрожают динамике социально-экономического и социокультурного развития, наносят ущерб имиджу региона и его политико-правовым перспективам. Поэтому важнейшая цель деятельности полпреда состоит в обеспечении безопасности, правопорядка, в поддержке и объединении здоровых сил местных сообществ.

Вместе с тем очевидны проблемы и возможные риски учреждения СКФО, в том числе проблемы геополитического, этнополитического свойства¹⁶. Геополитический и политико-управленческий концепт «Юг России», который развивался в течение 10 лет, сегодня претерпевает существенную трансформацию, если не сказать определенный кризис. Однако именно на базе этого концепта в течение последних лет реализовались многие проекты, программы, а также целенаправленно формировался образ благополучного и сильного региона. В обыденном восприятии и в экспертных оценках предстоит развести несколько понятий, наполненных самостоятельным и вместе с тем синкретичным содержанием. Это – Северный Кавказ, Северо-Кавказский регион, Юг России, Южный федеральный округ, Северо-Кавказский федеральный округ.

С образованием СКФО ставропольцы, прежде всего русское население, осознают свою «оторванность» от русского населения

¹⁶ Майя Аствацатурова: «Образование СКФО позволило сконцентрировать на проблемах округа внимание федерального центра». Подготовила Е. Евдокимова // Аргументы и факты. Северный Кавказ. 2011. № 4.

Ростовской области и Краснодарского края, с которыми русские Ставрополя ассоциируют себя в диалоге с другими народами¹⁷. Существенные опасения высказывают некоторые представители Терского казачьего войска, традиционно декларирующие единство казачьего сообщества и братские связи с донцами и кубанцами. Существенным вопросом является административная удаленность от СКФО Республики Адыгея, титульное население которой тяготеет к адыго-абхазскому сообществу, прежде всего к народам Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Новое административно-управленческое деление тревожит также местные армянские, греческие, еврейские общины, которые связаны с соответствующими общинами Ростовской области и Краснодарского края не только родственными связями, но и объединены организационными механизмами национально-культурных организаций.

В известном смысле образование нового ФО проводит границы и во взаимодействии экспертного, научного сообщества, содружества органов власти и управления. Неоднозначным является проект образования Северо-Кавказского федерального университета, который планируется открыть на базе нескольких ставропольских вузов.

Очевидные проблемы осознаются на уровне коллективных мнений и настроений, что обязывает власти к эффективной работе при максимальном включении жителей округа в процесс поступательного социально-экономического развития.

¹⁷ Маркедонов С. Брошенный форпост России // <http://www.gazeta.ru/keywords>.

Раздел 5. **ИДЕИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ДЛЯ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

Магистральным основанием мировоззренческой и моральной поддержки позитивного этнополитического процесса в СКФО является *идея формирования общегражданской идентичности* как интегративной основы регионального и российского сообщества. Отсутствие обязательной государственной идеологии, декларированное в Конституции РФ, не тождественно отсутствию объединяющей идеи, трансляция которой обеспечивает мировоззренческое, морально-нравственное единство общества¹. Наличие и внятность такой идеи – важнейшее условие для оптимального сочетания трех идентичностей – гражданской, региональной и этнической².

С точки зрения необходимости стабилизации этнополитических процессов в СКФО общероссийская идея как гуманистическая, поликультурная и полиэтничная как нельзя кстати противостоит местным стереотипам этнической изолированности и анклавности. В этой связи всё большее значение приобретает трактовка национального суверенитета РФ, который в политико-правовом смысле обозначен в Конституции РФ 1993 г., в Федеративном договоре 1992 г. и который включает единство российского сообщества на базе его поликультурности и этноконфессионального разнообразия.

Идея единства России именно как поликультурной страны и россиян как многонационального народа видится применительно к ситуации в СКФО наиболее приемлемой. Она в полной мере отвечает традиционному цивилизационному ресурсу, социокультурному менталитету как патриотическому, государственническому, коллективистскому.

¹ Роль идеологии в трансформационных процессах в России: общенациональный и региональный аспекты / Под ред. В.Н. Кузнецова, Ю.Г. Волкова. – Ростов-н/Д: Изд-во «Фолиант», 2006.

² В поисках России. Серия публикаций к дискуссии об идентичности. Юг России – Северный Кавказ. – Т.1 и 2. / Под ред. В.В. Рудого, А.В. Понделкова, Р. Крумма. – Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2010.

Формирование и упрочение гражданского самосознания осуществляется не только в процессе национальной, но и в ходе этнокультурной идентификации как важного акта социального самоопределения личности³. Этнокультурные и этнополитические процессы последнего десятилетия продемонстрировали упрощенность и определенную схематичность советской идеологической доктрины, постулировавшей стирание этнических различий и затухание этнического самосознания народов в рамках исторической общности – советского народа. Однако расширение в России условий для свободной этнической самоидентификации обусловило появление новых этнических общностей. Это выявилось при проведении Всесоюзной переписи населения 1989 г., микропереписи России 1994 г., Всероссийской переписи 2002 г., Всероссийской переписи 2010 г.

По итогам Всероссийской переписи 2002 г., в РФ зафиксировано 182 национальности, т.е. больше, чем в прежних переписях⁴. Этот феномен объясняется тем, что многие граждане, считавшиеся в советское время ассимилировавшимися с родственными народами и этническими группами, в условиях возможности свободного этнического волеизъявления, «вспомнили о своей этничности». Более того, оказалось, что они сохранили свою самобытность, язык и традиции, доказывая жизнеспособность этнической идентичности как фактора социальных и политических отношений⁵. Предварительные итоги Всероссийской переписи 2010 г. в субъектах СКФО также свидетельствуют об оживлении интереса к этничности (национальной принадлежности). Переписи проявили стремление граждан продемонстрировать свою этничность, презентовать свою причастность к определенной этнической группе. Как свидетельствуют опросы переписчиков и жителей, например, региона Кавказских Ми-

³ Гражданская идентичность и патриотическое воспитание в полиэтничном регионе. Материалы 52-й ежегодной научно-методической конференции. Ставрополь, 24 апреля 2007 г. / Ред. колл. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007.

⁴ Данные Всероссийской переписи населения 2002 г. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // <http://www.perepis2002.ru>

⁵ Попов М.Е. Российская идентичность: векторы развития в контексте национальной безопасности. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009; Вектор идентичности на постсоветском пространстве. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007.

неральных Вод, представители коренных северокавказских народов и диаспор озабочены не только качественными («кто мы?»), но и количественными («сколько нас?») показателями.

Это отражает мировые тенденции, которые, помимо культурной интеграции, довольно четко демонстрируют обособление этнической идентичности и этнического самосознания, которые ближе и доступнее, чем гражданское самосознание, так как, по мнению части населения, национальность «дается при рождении»⁶.

С учетом современной социально-политической ситуации в местных сообществах субъектов РФ СКФО наряду с общегражданскими идеями государственного суверенитета, территориальной целостности, национального единства России популярны и другие идеи⁷. Они обусловлены северокавказскими этнополитическими рисками, т.е. терроризмом, религиозным экстремизмом, межэтническими противоречиями и конфликтами, этнической миграцией, сменой этнодемографических пропорций, изменением так называемого «этнодемографического баланса».

В этих условиях интегративными идеями региональных сообществ являются общественная безопасность, этнокультурная терпимость, межконфессиональное сотрудничество, миротворчество. В популярной интерпретации они могут формулироваться как дружба народов на базе историко-культурных северокавказских традиций, а также на базе гражданской принадлежности к Российской Федерации как к федерации с новым уровнем суверенитета субъектов, т.е. новой формой «обустройства народов и территорий».

В настоящее время к постулатам такой идеи могут быть отнесены: поступательное демократическое развитие, национальная и гражданская конкурентоспособность, социально-экономическая и политическая стабильность, общественная безопасность⁸. Стабилизация социальных и политических процессов в современной России позволяет обозначить перспективы идеи российской идентичности как идеи согражданства на основе межкультурной и межконфессиональной интеграции.

⁶ Российская нация: становление и этнокультурное разнообразие / Отв. ред. Тишков В.А. – М.: ИЭА РАН, 2008.

⁷ Проблемы гражданской и этнокультурной идентичности / Под ред. А.Б. Багдасаровой, В.Р. Чагилова. – Невинномысск: НГТИ, 2007.

⁸ Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории. Материалы международной конференции. Пятигорск, 25–27 апреля 2008 г. – Ставрополь–Пятигорск–Москва, 2008.

Среди популярных идей в пространстве общественного согласия СКФО также выделяется идея межкультурной интеграции этнических групп как социальный конструкт, духовный и политический ресурс, реализующийся в системе общероссийской, региональной лояльностей. Такая интеграция функционирует в общей системе взаимодействия граждан. Можно предположить, что данное явление охватывает многие сферы социальной жизни⁹. Межкультурная интеграция, как представляется, отражает не только уровень социокультурного самочувствия, но и готовность к межэтническому взаимодействию.

Межкультурное взаимодействие этнических сообществ – взаимное признание, взаимная терпимость и взаимная заинтересованность – определяется прежде всего благополучным экономическим, социальным и политическим статусом, но не гарантируется ими. В складывании взаимной терпимости участвуют множество субъективных факторов исторической, политической, культурной жизни в их деятельностном, ценностном и других выражениях. Ее уровень прямо связан с такими явлениями, как аккультурация, ассимиляция, миксация, поддержание или нарушение этнической традиции. В связи с этим определение уровня межкультурной интеграции, ее ресурсов и перспектив значимо в предопределении кризисных ситуаций этнических отношений.

Сложность выявления количественных и качественных критериев межкультурной интеграции связана с трудноуловимостью самой природы и, соответственно, с трудностью категоризации данного явления за счет его многогранности и ситуативности. Однако понятно, что именно эта идея не будет отталкивать гипотетических участников межкультурного обмена, так как такой обмен возможен при сохранении этнокультурного разнообразия.

Идея межкультурной интеграции этнических групп важна потому, что она служит развитию гражданского патриотического мировоззрения; способности к восприятию достоверной информации о народах и этнических группах; бытованию позитивных этнических стереотипов; готовности к восприятию управленческих стратегий и тактики государства в сфере этнических отношений; стремлению к приобретению и совершенствованию культуры межнационального общения; распространению общественной толерантности.

⁹ Устойчивое развитие Юга России: состояние, проблемы, перспективы (сборник тезисов выступлений на конференции) / Отв. ред. В.Г. Игнатов. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003

Межкультурное взаимодействие этнических групп является, с одной стороны, базой успешного межгруппового общения, а с другой стороны, выступает как промежуточный результат такового. Как база и как результат, межкультурная интеграция реализуется в русле взаимовыгодного компромисса между сообществами и между гражданами РФ как представителями этих сообществ¹⁰. В этой связи современное содержание государственной политики в сфере этнических отношений предполагает выведение этничности из сферы политических отношений и концентрацию ее в сфере культурных интересов.

Мощным ресурсом «материализации» межкультурного общения в стабилизации этнических отношений обладает информационное пространство, СМИ и общее PR-обеспечение этнокультурного дискурса.

Собственные возможности в обеспечении морально-нравственных и духовных начал межкультурного общения, в профилактике этноконфессиональных противоречий и противодействии радикальным вероучениям в СКФО имеют конфессиональные институты. Наиболее успешным здесь выступает совместное социальное служение различных конфессий СКФО, прежде всего православия и ислама. Сотрудничество конфессиональных институтов и лидеров предоставляет новые возможности взаимопонимания и взаимопризнания народов¹¹. Активизация межконфессионального диалога на базе взаимной лояльности и терпимости не только ведет к предотвращению этнического и религиозного экстремизма, но и предоставляет возможности смягчения нравов.

Наконец, межкультурная интеграция позволяет вывести на новый качественный уровень гражданское структурирование в сфере этнокультурных интересов, т.е. фактическое этнокультурное самоопределение, которое может противостоять этнополитическим рискам и кризисным ситуациям.

При этом стоит уйти от формального понимания этнокультурного самоопределения и шире посмотреть на это явление, которое убедительно проявляется в полиэтничных и многоконфессиональ-

¹⁰ Тишков В.А. Единство в многообразии. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2008.

¹¹ Православные епархии Юга России в постсоветский период / Отв. ред. В.В. Черноус. Южнороссийское обозрение. № 49. – Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФО, 2008.

ных регионах Северо-Кавказского региона. Широкий подход позволяет трактовать содержание этнокультурного самоопределения на двух уровнях.

Первый уровень реализуется в системе семейно-родственных отношений в условиях местной среды среди представителей этнических сообществ. На этом уровне формируется самоидентификация индивида с учетом этнических характеристик, языка, культуры, истории, мифов, преданий, обрядов, традиций, самосознания, норм групповой ментальности и проч. Персональная идентификация реализуется прежде всего в культурной сфере и предполагает становление личности как представителя определенного этнического сообщества.

Второй уровень самоопределения реализуется в деперсонифицированной сфере общественно-политических отношений. На этом уровне уже возможна некая политическая «идеология», структурирующая «этнические интересы» через посредство заявлений и действий общественных объединений, организаций, движений в соответствии с предоставляемыми законодательством возможностями. Это – институализированные формы этнического самоопределения. Таким образом, граждане, стремящиеся к объединению на базе этнической культуры, осуществляют этнокультурное самоопределение, формируют национально-культурные общественные организации соответствующего законодательству статуса. В этом смысле осуществляется институциональное обеспечение групповых гражданских и этнокультурных интересов¹².

Таким образом, на начальной стадии этнокультурное самоопределение строится на основе: а) этнической принадлежности; б) семейно-родственной причастности; в) дружеской взаимоподдержки; г) внутриобщинной солидарности. На последующих стадиях этнокультурное самоопределение строится на базе: а) юридической нормативно-правовой легитимности; б) политической доктринальной обоснованности; в) организационной оформленности.

Современные характеристики северокавказских сообществ свидетельствует о глубоких корнях внутригрупповых этнических привязанностей, а также и о ресурсах самотрансформации и мо-

¹² Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.

дернизации. Сегодня на Северном Кавказе этнокультурные процессы развиваются в нескольких направлениях:

- как обеспечение традиционных этнокультурных потребностей и структурирования интересов граждан.

- как развитие межкультурного обмена и взаимодействия этнических сообществ.

- как противостояние этническим противоречиям, напряженности и конфликтам.

- как использование межкультурных связей в достижении гражданского единства российского общества.

Этнокультурное самоопределение имеет большие социальные ресурсы для расширения, укрепления гражданского патриотизма в его общероссийском, региональном и местном выражении. Современные социально-экономические и политические процессы на Северном Кавказе предопределяют акцентирование культурной компоненты в отношениях этносов и этнических групп, а также оптимизацию этнокультурной идентичности в общем комплексе идентичности¹³.

Вместе с тем в субъектах Северо-Кавказского региона, прежде всего в Республике Дагестан, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Ингушетия, Чеченской Республике, сохраняется определенная взаимосвязь между так называемыми этническими интересами и политическими, сепаратистскими и даже террористическими идеями. Также в Ставропольском крае проявляются межгрупповые противоречия и конфликты, зачастую реализуемые и воспринимаемые властью и обществом в этнических категориях. В то же время очевидно, что полное отождествление национализма, ксенофобии как политической доктрины с этнокультурной идентичностью и стремлением культурного развития является сомнительным и даже опасным¹⁴.

На Северном Кавказе этнокультурное самоопределение должно не затруднять, а, напротив, стимулировать межкультурную интеграцию. Межкультурная интеграция осуществляется на основа-

¹³ Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформротех», 2007; Северный Кавказ в национальной политике России / Под ред. В. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформротех», 2008.

¹⁴ Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности. Материалы всероссийской научной конференции 9–10 июня 2009 г. – Ростов-н/Д / Отв. ред. Г. Матишов. – Ростов-н/Д: ЮНЦ РАН, 2009.

нии этнокультурной и этноконфессиональной самобытности, геополитической значимости, социокультурной целостности региона. Эта интеграция проецируется в несколько сфер:

- *сфера этнокультурного интереса*, которая предоставляет широкие возможности для оптимизации социального самочувствия граждан и этнических сообществ. В достижении этнокультурного комфорта региональные и местные сообщества используют гражданское ассоциирование, т.е. образование общественных объединений – национально-культурных общественных организаций (НКОО) и национально-культурных автономий (НКА).

- *сфера межкультурного взаимодействия*, которая имеет существенные ресурсы для упрочения гражданского единства и достижения межгруппового компромисса. В реализации межкультурного сотрудничества местные сообщества участвуют в совместных общественных советах, в делегациях культурного обмена, во взаимных представительствах субъектов, в межрегиональных комиссиях, принимают совместные обращения и заявления¹⁵.

- *сфера этнокультурной безопасности*, которая обладает специфическими ресурсами по нейтрализации противоречий между этническими меньшинствами и этническим большинством; местными сообществами и диаспорными группами; старожильческим населением и мигрантами; титульными народами и нетитульным населением; репрессированными в сталинскую эпоху народами и теми, кто не подвергался репрессиям и депортациям по национальному признаку¹⁶.

Межкультурная интеграция снижает риски условной «иерархии этнических сообществ», которая определяется численностью, динамикой естественного и механического прироста, автохтонностью, укорененностью, компактностью, дисперсностью, титульностью, а также участием представителей этнических групп в межэт-

¹⁵ Аствацатурова М.А., Савельев В.Ю. Диаспоры Ставропольского края в современных этнополитических процессах. – Ростов-н/Д–Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2000; Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление. – Ростов-н/Д–Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2002.

¹⁶ Аствацатурова М.А. Роль этнических общин и диаспор в развитии Юга России // Современное состояние и сценарии развития Юга России. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006.

нических конфликтах и противостояниях и др.¹⁷ Взаимопроникновение культурных ценностей не зависит от таких характеристик этнических групп, как численность, автохтонность, титульность и т.д. Зато в поле межкультурной интеграции на первый план выходят личные качества этнических активистов, творческих коллективов, незаурядных людей данной этнической группы, что рождает взаимные симпатии и привязанности.

Формат межкультурного обмена предусматривает диалоговые формы и использование переговорного процесса в сфере культуры и творчества, в сфере промыслов и ремесел, в сфере широкого социального опыта. Межкультурный обмен предполагает поиск общих точек, общего поля взаимодействия на базе надэтнических ценностей – гуманизм, доброта, душевность, верность, мастерство, профессионализм.

Также очевидно, что обмен культурными достижениями доступен и привлекателен для всех этнических сообществ, представители которых охотно участвуют в северокавказских фестивалях, форумах, играх, соревнованиях, презентуя искусство национальных кухонь, танца, песни, спорта, умений и навыков: «Кавказские игры», «Казачьи игры», «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру», «Национальные подворья», «День казачки», «Дети Кавказа – за мир на Кавказе», «Кавказ – наш общий дом», «Дружба народов Кавказа», Конкурс ремесел, Конкурс хлебопечения и др.

Совместные межкультурные проекты позволяют преодолевать противоречия, конкуренцию, а зачастую и жесткое меж- и внутригрупповое противостояние.

Практически во всех программах национально-культурных организаций СКФО, помимо традиционных задач сохранения родного языка и культуры, ставятся задачи поддержания мира, предупреждения конфликтов, организации межкультурного диалога. Межкультурная интеграция как уставное требование деятельности национально-культурных общественных организаций и национально-культурных автономий СКФО обязывает институты гражданского общества проявляться в практическом миротворчестве, в

¹⁷ См.: Противодействие этническому и религиозному экстремизму на Северном Кавказе. Сборник материалов. Межрегиональная научно-практическая конференция 11–14 ноября 2008 г. – Майкоп: АГУ, 2009.

гуманизации этнического дискурса¹⁸. Требование межкультурного взаимодействия этнических групп определяет роль этнических элит и активистов в обеспечении социального единства, снижении напряженности, восстановлении и укреплении стабильности общественных отношений¹⁹.

Следовательно, на базе межкультурной интеграции возможно развитие консолидированных миротворческих программ и социальных заказов, создание действующих институтов миротворчества, формирование системы миротворческого образования, просвещения, школ толерантности, диалога культур. Также учет фактора межкультурной интеграции позволит модернизировать управленческие техники и технологии, а также практику антиконфликтного менеджмента этнических отношений на местном, региональном и общероссийском уровнях в локальных ситуациях.

Идея межкультурного обмена как идея взаимного признания, взаимных симпатий не только самоценна. Она ценна также и тем, что может обеспечить интеграцию этнокультурных, территориальных и конфессиональных сообществ СКФО в общероссийское гуманитарное пространство²⁰. Взаимная терпимость, лояльность, заинтересованность, уважительность могут способствовать популяризации привлекательности Северо-Кавказского региона в межрегиональных и международных отношениях, а также противодействовать антинаучным взглядам, манипулированию массовым сознанием, насаждению этнической розни, националистической мифологии.

Межкультурная интеграция на базе этнического разнообразия создает возможность, во-первых, развития внутрорегиональной коммуникации, а во-вторых, упрочения северокавказского культурного образа как важной составляющей российского общества.

¹⁸ Проблемы становления гражданского общества на Юге России / Отв. ред. А.А. Вартумян. – Ставрополь–Армавир: «Базис», 2005.

¹⁹ Этноэтатизм и этнократии на Юге России / Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИПК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. Ред. В.В. Черноус. – Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006.

²⁰ Политические исследования в системе РАГС. Ежегодник – 2005. – М. – Ростов-н/Д, 2006.

Раздел 6. СТАБИЛЬНОСТЬ И БЕЗОПАСНОСТЬ – «ОСНОВНЫЕ, КОРЕННЫЕ И ТИТУЛЬНЫЕ ЦЕЛИ»

В Российской Федерации этнические отношения институализированы в формах национально-государственного, национально-территориального устройства, а также в разнообразных формах национально-культурного самоопределения. В этом контексте содержание безопасности этнополитических отношений вмещает различные стороны социальной жизни – социальную, политическую, а также нравственную и этическую¹. Сама безопасность этнических отношений, как и угрозы ей, реализуются в системе внутренних и внешних связей, которые иллюстрируют институционализацию этнической идентичности.

Как показывает современная социально-политическая практика в субъектах РФ СКФО, безопасность и стабильность напрямую связаны с уровнем и формами общественного сознания. Последнее может проявляться в обостренных формах в результате сопротивления унификационным тенденциям и под влиянием, как ни странно, демократизации общества, поскольку возрастают возможности плюрализма. Поэтому федеральной и региональной власти необходимо поддерживать культурное и религиозное разнообразие в СКФО, особенно в ходе интенсивных процессов социальной модернизации². Это еще более актуализирует проблему устойчивости межэтнических отношений – важной составляющей общественной безопасности. В общем контексте понимания безопасности как «отсутствия опасности, угрозы и наличия сохранности, надежности» особый содержательный аспект представляет стабильность, конструктивность и перспективность этнических отношений.

Функциональная сущность этнической идентичности в ее конструктивной и деструктивной моделях имеет непосредственные проекции во все социальные и политические процессы. Этнич-

¹ Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999–2002 гг.): мастер-класс проф. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 2004.

² Шадже А.Ю. Этнические ценности как философская проблема. – Майкоп: ООО «Качество», 2005.

ность выступает краеугольным камнем безопасности и стабильности этнополитических отношений и «призывает» к ее сохранности и защите. Вместе с тем этническая идентичность может как стабилизировать, так и расшатывать общественные институты в их социальных, экономических, политических, морально-этических конструкциях, а ее гипертрофированное воплощение может приводить к противоречиям и конфликтам³.

«Участие» этнической идентичности в процессах обеспечения безопасности и стабильности этнических отношений проявляется в общих составляющих общественной безопасности. В полиэтничных регионах Северного Кавказа этническая идентичность выступает не только маркером, но и аргументом общественно-политических отношений⁴.

Современная этнополитическая ситуация на Северном Кавказе характеризуется обострением региональных рисков, среди которых выделяются терроризм и религиозный экстремизм, имеющие непосредственные проекции в сферу межэтнических отношений⁵. *Этнополитический таймаут* 2005–2007 гг., который отличался некоторой стабилизацией отношений, последовательно сменился *этнополитической стагнацией* с выраженным акцентированием этнополитических рисков.

В 2008–2011 гг. участились не только террористические акты, но и дерзкие вылазки незаконных вооруженных формирований, попытки захвата территорий и населенных пунктов, убийства знаковых лиц политической и управленческой элиты субъектов. Боевые столкновения проходят в населенных пунктах и столицах субъектов РФ СКФО (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Ставрополье, Чечня), убийства и взрывы осуществляются в центре муниципальных образований, в местах большого скопления людей (отдельные аулы, центральные улицы городов, рынки)⁶.

³ См.: Резников Е.Н. Теоретические и методологические проблемы этнической психологии. – Минск: Изд-во БГУ, 2006.

⁴ Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ИЭА РАН, 1999.

⁵ Койбаев Б.Г., Курбанов Р.Н. Противодействие экстремистской деятельности в Республике Северная Осетия-Алания: политико-правовые аспекты. – Владикавказ: Изд.-полигр. предприятие им. В. Гассиева. – 2010.

⁶ Санглибаев А.А. Этнополитические процессы и конфликты на Северном Кавказе. – Черкесск: Изд-во КЧИГИ, 2008.

Примечательно, что в отмеченный период «идейный терроризм» и «мировоззренческий экстремизм» всё чаще смыкаются с прямым бандитизмом, который имеет примитивные цели: грабеж, рейдерство, устранение конкурентов и неугодных, запугивание населения, упрочение влияния и расширение территории воздействия. Таким образом, терроризм становится феноменом не только современной политической, но и социальной реальности, социального сознания, что крайне опасно⁷.

«Сопутствующими товарами» терроризма и экстремизма в их «бандитской модели» выступают национализм, мигрантофобия, ксенофобия. Межэтнические и этноконфессиональные противоречия провоцируются социально-экономическими проблемами, конкуренцией этнических групп, низким уровнем жизни, безработицей. Эти проявления смешиваются с криминальными и коррупционными явлениями. Весомым фактором всей системы общественных отношений являются фамильные, клановые, тейповые, диаспорные связи, которые реализуются как в позитивных, так и в негативных проявлениях. Также проявляются факторы титульности, репрессированности некоторых народов, которые формируют определенную «иерархию» этносов, условную шкалу «престижной» и «непрестижной» этнической принадлежности.

Наиболее типичными являются межэтнические противоречия и локальные конфликты молодежи, которая в бытовых конфликтах группируется по этноконфессиональному признаку⁸. Проблемным остается социальное самочувствие русского населения в конкуренции с коренным и титульным населением. Проблемным является этнокультурное самочувствие некоторых коренных народов, а также диаспорных групп, имеющих неудовлетворенные потребности в части обучения, получения социальных услуг, приобщения к информационному полю на родном языке.

В 2008–2011 гг. в представлениях и коллективных мифах о Северном Кавказе на уровне России и самого региона наблюдается акцентирование негативных черт. Это напрямую связано с активизацией террористических групп и с ухудшением ситуации в Даге-

⁷ Боташева А.К. Терроризм как феномен современной политической реальности. – Ставрополь: Изд-во Ставролит, 2009.

⁸ Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Маслова Т.Ф. Социальное самочувствие молодежи Северного Кавказа // Социологические исследования. – 2008. – № 1. – С.91.

стане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ставрополье, Северной Осетии-Алании, Чечне. В общественном мнении населения других регионов применительно к Северному Кавказу акцентируются такие явления, как терроризм, религиозный экстремизм, а также межклановая борьба, криминальные «войны», коррупция⁹.

В последние годы вновь формируется образ кавказца как воплощение агрессии, жестокости, враждебности. Транслируется образ Северного Кавказа как образ чуждой России культуры, в которой сохраняются такие явления, как кровная месть, заложничество, похищения людей, набеговая система (хищничество) и др. Кроме того, коренные народы Северного Кавказа, в большинстве своем принадлежащие исламской культуре, воспринимаются как реальные или потенциальные приверженцы радикальных религиозных течений, в первую очередь ваххабизма¹⁰.

Эти образы вредоносны в силу их негативного содержания, а также неоправданно высокого уровня обобщений. Также эти образы рождают надежды и намерения сохранения и отстаивания одной этничности за счет ущемления и ущерба другой этничности.

Современные угрозы безопасности и стабильности в субъектах РФ СКФО развиваются в контексте новой этнизации и новой конфессионализации культурной традиции, социального, политического пространства и государственного аппарата. Происходит возрождение архаических форм этнической самоорганизации, отмечаются противоречия между этнокультурным и религиозным традиционализмом и модернизацией¹¹. В этой связи очевидны особенности Северо-Кавказского региона. Они состоят в том, что его социокультурные характеристики являются не просто факторами этнических отношений (т.е. факторами первого порядка), но и факторами обострения этнических отношений (т.е. факторами второго порядка). Как позитивно, так и негативно могут реализо-

⁹ Пути и средства обеспечения безопасности Северного Кавказа / Под общ. ред. Д.А. Еделева и Н.П. Петрова. – М.: Пятигорск: РИА КМВ, 2009.

¹⁰ Арухов З.С. Специфика северокавказского ваххабизма // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму. – Махачкала, 2007.

¹¹ Проблемы этнополитических отношений на Северном Кавказе / Под ред. М.А. Аствацатуровой. – Ростов-н/Д–Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2001.

вываться в общественных настроениях и коллективных мифах традиционность, консерватизм, полиэтничность, поликонфессиональность, мультикультурность. Детерминантами конфликтогенных ситуаций могут выступать демография, титульность, автохтонность, диаспорность, репрессированность, разделенность народов и этнических групп¹². Эти явления в большой степени включены в политический контекст и олицетворяют этнизацию политики и политизацию этничности.

Отчасти обеспечение безопасности и стабильности этнических отношений в субъектах Северного Кавказа базируется на этнотерриториальности и этногосударственности. Территория региона является не только территорией этногенеза, но и территорией политико-правового оформления интересов коренных народов России в границах республик. Такое оформление – значимый повод для объединения и выработки общей «этнической позиции» в противовес другим народам и этническим группам¹³. Несмотря на то что в правовом смысле республики являются формой государственности не только конкретных народов, а всех граждан – жителей данных республик, титульный фактор выступает значимым и непреложным в обеспечении этнокультурной безопасности именно коренного населения. Вместе с тем этот же фактор ставит под сомнение этнокультурную безопасность нетитульного населения, а соответственно, и реализацию общих социальных перспектив этого населения, равно как и достижение им общественной безопасности. Это тем более рискованно, чем более нетитульное население, прежде всего русские, казачество, диаспорные группы, связывает своё присутствие в регионе с масштабным вкладом их предков в освоение Северного Кавказа, в охрану и обеспечение безопасности южных рубежей России, в основание станиц и крепостей, в строительство городов, в развитие хозяйственных специализаций, культуры, традиций. Множество названий географических мест в СКФО детерминировано службой казачества, присутствием

¹² Социальные конфликты. Экспертиза. Прогнозирование. Технологии разрешения. Региональная конфликтология. Ставрополье / Гл. ред. Е.И. Степанов. – М.–Ставрополь, 2000.

¹³ Проблемы консолидации народов Северного Кавказа. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Современные этнополитические и этноконфессиональные процессы на Северном Кавказе: проблемы и пути их решения» 23–27 октября 2008 г. – Нальчик–Пятигорск: РИА-КМВ, 2008.

диаспор, внесших существенный вклад в становление региона как территории России.

Как показывает правовая и политическая практика, наличие национально-государственных образований не решает всех проблем системы этнических отношений, равно как и всех проблем титульного этноса данной республики.

Противоречия и конфликты, а также увлечение радикальными экстремистскими идеями отчасти связаны с этносоциальной и этнополитической стратификацией в субъектах Северо-Кавказского региона. Здесь важны роль и место индивида в системе клановых, фамильных, родовых, тейповых, джамаатовых отношений. Этносоциальная и этнополитическая стратификация осуществляется в условиях нового порядка наделения полномочиями руководителей субъектов РФ, который на нормативно-правовом уровне изменил баланс власти и повысил меру ответственности федеральных органов управления за ситуацию в регионе. Однако в практико-прикладном управленческом контексте федеральная власть налагает главную ответственность за возникновение проблем, противоречий и конфликтов на региональные и местные власти¹⁴. Возникает вопрос о мере ответственности руководителей субъектов РФ СКФО за усугубление ситуации в этнополитической сфере, приводящей к эскалации этнических противоречий, проявлениям в маргинальной среде экстремизма.

Каждый уровень власти имеет свою меру ответственности и собственные задачи, важность которых равнозначна¹⁵. Ситуация выборов, как федеральных, так и региональных и местных, как правило, актуализирует отношения между этническими сообществами и внутри них в связи с политическим позиционированием и обострением противоречий между региональными и местными отделениями политических партий, групп поддержки.

Симптоматичным явлением в некоторых субъектах Северного Кавказа (Дагестан, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария) в 2000–2011 гг. стало формирование противоборствующих полити-

¹⁴ Хопёрская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000–2005 гг. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005.

¹⁵ Регулирование социально-этнических процессов в условиях региональных рисков экстремизма. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 28 апреля 2010 г. – Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2010.

ческих группировок на базе этничности, прежде всего в ходе выборов главы субъекта и выборов в законодательные органы субъекта. Также противостояние проходит параллельно на базе институтов властных структур – законодательной и исполнительной власти, а также государственной власти и местного самоуправления. Отождествление властных полномочий и ресурсов власти с конкретной этнической принадлежностью зачастую приводит к разделению региональных сообществ на противоборствующие группы. Авангардом таких групп выступают конкретные личности – претенденты на высокий пост, а также заместители председателей правительств субъектов, а также главы муниципальных образований, этническая принадлежность которых воспринимается местным сообществом как дополнительный ресурс или помеха политическому и управленческому успеху.

Проблемы этносоциальной и этнополитической стратификации, хотя и неявно, проявились в ходе выборов в Государственную Думу РФ и Президента РФ в 2007–2008 гг. Вероятно, этнический фактор общественно-политических отношений проявится и в выборах Президента РФ в 2012 г., так как разные политические силы могут апеллировать к разным этническим сообществам и национально-культурным организациям, формируя «группы поддержки».

Безопасность/небезопасность и стабильность/нестабильность этнических отношений неявно, но проявляются в институте персонифицированной региональной власти. Этот уровень напрямую ассоциируется с личностью руководителя субъекта РФ как гаранта стабильности в регионе, в том числе стабильности этнических отношений¹⁶. При этом одной из характеристик управленцев высшего и первого звена в республиках РФ в СКФО выступает их этническая принадлежность. Аксиоматичным является тезис о том, что глава субъекта должен быть представителем коренного титульного народа, но не иной этнической группы. Также значима принадлежность к определенному клану, фамилии, тейпу, позиции которых в субъекте четко определены и известны.

Как подчеркивают А.В. Понеделков и А.М. Старостин, введение новых принципов вертикализации власти, новых принципов

¹⁶ См.: Этноэтатизм и этнократии на Юге России / Отв. ред. В.В. Черноус. Южнороссийское обозрение. № 37, 2006. – Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006.

определения составов органов законодательной власти и выдвижения персоналий изменило сложившуюся систему персонифицированного управления¹⁷. Система продемонстрировала существенную и организационную жизнеспособность. Последняя обусловлена ее соответствием: историческим традициям социального общения; региональным и местным приемам и обеспечению; современным ресурсам социальной коммуникации; содержанию и приемам этнических отношений; конъюнктурному политико-управленческому заказу федерального центра.

Современная демократизация общественных отношений, реформирование всех сторон жизни российского социума и начальные процессы модернизации придали этносоциальной и этнополитической стратификации населения новую динамику. Практические проекции этой динамики можно оценить с нескольких позиций – как со знаком «плюс», так и со знаком «минус».

В числе отрицательных тенденций необходимо выделить усилившуюся конкуренцию между и внутри сообществ, ужесточение социодемографических отношений, нарушение привычных норм половозрастных, семейнородственных связей. При этом объективные социально-экономические проблемы и противоречия часто субъективизируются в отношениях этнических групп и граждан как представителей конкретных этнических сообществ, что придает дополнительную остроту всей системе общественно-политических отношений. Поэтому вопрос оптимизации этносоциальной стратификации и стратификации идентичностей в этнических отношениях является важным как для организации, так и для самоорганизации северокавказского социума.

Угрозы безопасности и стабильности этнических отношений в СКФО обусловлены отдельными естественно-историческими, социально-экономическими, политическими детерминантами, а также частично обострены условиями и обстоятельствами реформирования, демократизации и модернизации российского социума. Комплекс модернизации активизирует личность в составе этнической группы и вместе с тем этнические группы в целом. При этом

¹⁷ Понеделков А.В. Политико-административные элиты России. Теоретический и прикладной аспекты анализа. – Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2005; Старостин А.М. Эффективность деятельности административно-политических элит. Критерии оценки и анализ состояния в современной России. – Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2003.

происходит известная политизация этнических интересов в соответствии с общей политизацией жизни российского общества. Помимо общероссийских факторов, такой политизации способствуют конкретные исторические и современные сюжеты регионального масштаба¹⁸. Эти сюжеты чрезвычайно разнообразны и отмечены как тенденциями тесного взаимодействия, так и фактами острого противостояния этнических групп¹⁹.

В период 2008–2011 гг. в субъектах РФ в СКФО с новой остротой обозначаются этнокультурные и этноконфессиональные, этнополитические интересы, выделяются явно сегментированные по этническому принципу сообщества, формируются новые этнодемографические зоны, которые различны по причинам образования, целям функционирования и методам достижения этих целей. В этот период проявляется этносоциальная и этнополитическая стратификация как закономерный процесс, исторически присущий полиэтничным сообществам вообще, и северокавказскому сообществу в частности.

В этой связи важным ресурсом обеспечения этнокультурной безопасности на Северном Кавказе является определение содержания и значимости системообразующих факторов современных региональных этнических отношений. Это: геополитический, внутривнутриполитический, экономический, культурный, миграционный, демографический, конфессиональный психологический факторы и др. При сходстве содержания этих факторов они имеют собственное наполнение в каждом субъекте СКФО²⁰. Налицо социально-экономические диспропорции субъектов региона, выраженная социально-экономическая, социокультурная неоднородность национально-государственных и административно-территориальных

¹⁸ Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра / Ред. В. Тишков, М. Устинова; Бергховский исследовательский центр конструктивного урегулирования конфликтов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2007.

¹⁹ См.: Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология. Концепты и российская практика / Под ред. М.К. Горшкова. – М.: Институт социологии РАН, ЮНЦ РАН, 2008.

²⁰ Юг России в первом десятилетии XXI века: итоги, проблемы и перспективы / Отв. ред. В.В. Черноус. Ч.1 и 2. Южный федеральный округ. Северо-Кавказский федеральный округ. – Южнороссийское обозрение. 2010. № 63, 64. – Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010.

образований. Она выражается в таких реалиях российского федерализма, как этносоциальная и этнополитическая стратификация, а также дифференциация меж- и внутрикультурных, меж- и внутриконфессиональных параметров.

Определенная эскалация и накопление конфликтогенных проявлений в субъектах РФ СКФО в 2008–2011 гг. расшатывают систему сотрудничества общества и власти, которая выстраивается в условиях динамического равновесия межэтнических отношений и этнополитических процессов²¹. Проявляются опасные факты этноцентризма, этноизоляции. Также современным межэтническим отношениям и этнополитическим процессам в определенной степени свойственны мифологизированность массового сознания, пропагандистская направленность негативных этнических стереотипов; деструктивное воздействие на сознание сообщества со стороны СМИ. В этом ключе распространяются взаимные страхи и недовольство этнических групп, взаимные обвинения, а также демонстративные националистические акции.

Большой конфликтогенный потенциал диагностируется в попытках экстремистских сил столкнуть две основные конфессии – православие и ислам. Так как конфессиональный комфорт является важнейшей составляющей этнокультурной безопасности, вандализм в храмах и мечетях, на кладбищах и в святых местах не только возмущает общественное мнение, но и создает базу для межэтнических конфликтов.

Вандализм в отношении православных храмов в Карачаево-Черкесии и Ингушетии в 2010 г. можно трактовать как действия, провоцирующие межэтнические и межконфессиональные противоречия. В этом же контексте крайне опасным конфликтогенным фактором являются убийства конфессиональных лидеров – имамов и муфтиев Духовных управлений мусульман субъектов РФ СКФО, руководителей и организаторов религиозного образования (Ставропольский край, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Дагестан).

Угроза этнокультурной безопасности в Северо-Кавказском регионе реализуется на разных уровнях, а именно:

²¹ Авксентьев В.А. Моделирование регионального конфликтогенного процесса: основные принципы и формирование банка данных // Современное состояние и сценарии развития Юга России. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006.

• **террористический** – проведение актов устрашения и уничтожения населения, захваты людей и значимых объектов, попытки захвата отдельных населенных пунктов, убийства руководителей органов власти и управления, правоохранительных структур, заложничество;

• **идеологический** – распространение радикальных религиозных учений (ваххабизм), трансляция идеи несправедливого государства и несправедливой власти, «неправильной» национальной политики государства, этнореваншизма, формирование образов ксенофобии в отношении отдельных народов и в то же время ложных образов героических «этнических партизан» как борцов за национальную независимость, за «этнополитическую справедливость»;

• **организационный** – формирование коалиций, движений, организаций, группировок антироссийской, экстремистской, радикалистской направленности, молодежных националистических групп, вербовка смертников-шахидов, попытки проникновения в высшие учебные заведения, организация провокационных акций в общественно-значимых местах.

При этом целесообразно рассматривать уровни этнокультурной безопасности в соотнесении с общепринятыми объектами и субъектами общественной безопасности: личность, общество и государство. Именно безопасность этих объектов составляет национальную безопасность как защищенность жизненно важных интересов граждан от внутренних и внешних угроз.

Угрозу безопасности в субъектах РФ СКФО составляют не только такие риски, как терроризм, экстремизм, национализм, ксенофобия, но также и клановость. Здесь клановость – не только закономерное использование сети родовых, фамильных, тейповых, земляческих, общинных, диаспорных связей для достижения социальных и политических целей. Также это криминальные действия на базе клановых сетей, сопряженные с межклановой конкуренцией в сфере отношений собственности, отношений власти и влияния, отношений руководства и подчинения²².

В этих условиях общественная безопасность выступает как актуальный политический проект на Северном Кавказе, позволяющий структурировать групповые интересы в политическом и

²² См.: Северный Кавказ в национальной стратегии России / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008.

геополитическом процессе, канализировать многие этнополитические противоречия²³.

Современная оценка угроз общественной безопасности целесообразна с точки зрения перспектив процесса общей стабилизации и развития в регионе. Целостность и целенаправленность процесса стабилизации нарушена в связи с участвовавшими актами террора, насилия, с вылазками незаконных вооруженных формирования, с распространением практики вооруженных захватов значимых объектов жизнедеятельности и структур власти, заказных убийств руководителей органов власти и местного самоуправления, силовых структур.

Также оценка угроз безопасности и стабильности осуществляется в контексте общероссийской ситуации, террористических актов и иных событий 2009–2011 гг., произошедших в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, в контексте российских и международных перспектив мультикультурализма, толерантности и политкорректности. Безусловными конфликтогенными факторами являются обострение отношений Российской Федерации и Республики Грузия, агрессия Грузии в Южной Осетии в 2008 г. и сохранение высокой степени напряженности на Южном Кавказе.

Основным направлением достижения безопасности и стабильности этнических отношений является нейтрализация такого риска, как этнизация политики, как и нейтрализация политизации этничности. Этот социальный идеал так же желаем, как и труднодостижим, особенно применительно к субъектам РФ СКФО в силу национально-государственной природы большинства субъектов. Сомнения в реальности этого идеала усиливаются в связи с превращением этнополитических рисков в «хронические явления». Их воплощателями становятся новые «поколения» незаконных вооруженных формирований, молодые комбатанты, пришедшие на смену уничтоженным, либо разоружившимся и сдавшим боевикам.

Также налицо новое качество коллективного самосознания этнических групп на базе общественных настроений, коллективных мифов и жалоб. Среди этих жалоб есть те, которые обусловлены известными историко-политическими обстоятельствами (Кавказская война XIX в., мухаджирство, депортации народов, переподчинение территорий, противоречия советского национально-

²³ Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформротех», 2007.

государственного строительства и др.). Закономерно, что среди жалоб есть те, которые обусловлены постсоветским политико-правовым и общественно-политическим контекстом (распад СССР, суверенизация субъектов РФ, угрозы целостности и суверенитету России, попытки сепаратизма, межэтнические конфликты в российском пространстве, этническая миграция и др.).

Самостоятельное место среди жалоб занимают те, которые спровоцированы современным политико-управленческим контекстом – ликвидация министерства РФ по делам национальностей, устарелость Концепции государственной национальной политики РФ 1996 г., отсутствие внятных и эффективных практик регулирования в сфере этнических отношений, предвзятость СМИ в освещении данной проблематики.

Новой и весьма опасной угрозой безопасности и стабильности в СКФО выступает вбрасывание в информационное пространство и общественный дискурс радикальных проектов. Среди них: Имарат Кавказ, реализации сценария «северокавказского Косово», выход Ставропольского края из состава СКФО, присоединение к СКФО Республики Адыгея, образование Ставропольской русской республики, создание казачьей республики, образование национальных районов, возможный исход русских и диаспор из субъектов РФ СКФО, «экспансия» Ставрополя северокавказскими народами.

Примечательно, что для распространения левых и правых «этнополитических» и «религиозно-политических» идей используется мобильная связь, интернет-пространство, в котором проводятся виртуальные игры националистического характера, голосования за радикальные проекты, сбор мнений, подписание деклараций и меморандумов и др.

Сомнительные идеи расширяют поле общественных противоречий и локальных конфликтов, которые при сходной общей природе имеют выраженный ситуативный характер. К числу таких акций, участвовавших в 2007–2011 гг., например, в Ставрополе, Пятигорске, Кисловодске, Георгиевске, Невинномысске относятся: националистические «принты» и надписи в публичных местах, этнические танцевальные флеш-мобы, этномузыкальные автопаралы, «русские марши», «антирусские марши». Эти акции имеют провокационный характер и вызывают ответную реакцию разных групп населения, в том числе реакцию в противоправных формах.

Новые вызовы терроризма, радикализма, экстремизма, национализма и ксенофобии опасны тем, что они ставят под сомне-

ние усилия власти по стабилизации межэтнических отношений, этнополитических процессов в СКФО. Частота и интенсивность этих вызовов в Грозном, Кисловодске, Махачкале, Магасе, Нальчике, Назрани, Ставрополе, Пятигорске, Черкесске наносят ущерб авторитету правоохранительных органов, органов власти и местного самоуправления. Также они ставят под сомнение возможности гражданского общества – национально-культурных, правозащитных, миротворческих общественных организаций, которые пытаются воздействовать на ситуацию, но не всегда способны к решительным своевременным действиям в целях нейтрализации общественных противоречий и этнополитических рисков.

Отношениям местных сообществ в СКФО наносят вред и так называемые внутриэтнические противоречия. Они затрудняют социальный прогресс этнического сообщества во взаимодействии с органами власти и управления. Внутригрупповые проблемы также осложняют диалог с иными субъектами этнокультурных и этнополитических отношений. Внутриэтнические противоречия могут формироваться на следующих уровнях:

1) **диахронное поле:** старшие и средние возрастные группы, старшие и молодые возрастные группы, средние и молодые возрастные группы; укорененные жители и мигранты; старые и новые миграционные потоки, новые и новейшие миграционные группы;

2) **синхронное поле:** сохраняющие этнопрофессионализм и включенные в новые профессиональные ниши; ведущие традиционный образ жизни и ассимилированные (нейтральные, русифицированные, вестернизированные); верующие (воцерковленные) – материалистически (атеистически) настроенные; имеющие благополучное этнокультурное самочувствие и отличающиеся «этнокритицизмом»; стремящиеся к ассимиляции и поддерживающие этнокультурную дистанцию; вовлеченные в общественно-политическую ситуацию и устранившиеся (устраненные) от социально-политического контекста.

Внутриэтнические противоречия на Северном Кавказе чаще всего выстраиваются по таким векторам, как:

- Модернизированные слои – консервативные слои.
- Старшие демографические группы (старейшины) – средние демографические группы (современные элиты и активисты власти, управления, бизнеса, управления, образования, науки).
- Средние демографические слои – молодежь.

- Благополучные, материально обустроенные, социально признанные группы – группы, находящиеся на низких и низших ступенях материального и социального обеспечения.
- Светски настроенные слои – слои, вовлеченные в систему религиозного мировоззрения и конфессиональную практику.
- Элита формальная (в том числе властная, управленческая, бизнес-элита) – фактическая элита (авторитетные этнические активисты, «держатели» ресурсов воздействия и влияния на местные и региональные сообщества).

Радикальным противоречием современных северокавказских сообществ выступает противоречие *широких слоев населения и экстремистски настроенных группировок*, отдельных представителей родов, фамилий, тейпов, сельских общин, которые «ушли в лес», т.е. стали участниками незаконных вооруженных формирований. Такие противоречия наблюдаются во всех субъектах РФ СКФО, в связи с чем актуален вопрос о гражданской зрелости и гражданской объективности родственников членов незаконных вооруженных формирований, комбатантов и иных субъектов террористической деятельности, а также вопрос об ответных защитных действиях населения в отношении террористов (например, в Кабардино-Балкарии), которые имеют противоправную природу, но поддерживаются частью населения. Формирование отрядов «народных мстителей» является новым прецедентом для обострения внутриэтнических противоречий, так как местные сообщества делятся в их оценке на «поддерживающие» и «осуждающие» группы.

Одной из основ меж- и внутриэтнического противостояния, противоречий и возможных конфликтов могут являться недостоверные интерпретации принципа национально-культурного самоопределения, который трактуется в зависимости от множества объективных и субъективных обстоятельств. Различия в понимании и реализации этого принципа, а также манипулирование им обуславливают противоречия между этническими группами, а также внутри этнических групп, между руководством этнокультурных организаций и основной массой этнической группы, между разноименными и одноименными национально-культурными общественными объединениями, между национально-культурными общественными организациями и органами власти и управления.

Закономерно, что противоречия меж- и внутри этнических групп являются социально-экономическими и политически детер-

минированными противоречиями; отражают экономическую, социокультурную и политическую дифференциацию этнических групп и конкуренцию между ними и внутри них за приобретение новых ролей и ниш жизнедеятельности; затрудняют обеспечение этнокультурной безопасности и межкультурной интеграции.

Причины современных межэтнических противоречий на Северном Кавказе а) детерминированы отчасти общественно-политическими проблемами советской и досоветской эпохи; б) связаны не только с кризисными явлениями в экономике и социальной сфере; в) включены в общероссийский контекст общественно-политических противоречий.

Участники этнических противоречий и конфликтов в СКФО группируются по следующим категориям: старожилы – мигранты, славяне – кавказцы; христиане – мусульмане; русские – нерусские. Также отмечаются противоречия и конфликты внутри исламского сообщества, как и внутри христианского. При этом на первый план выступает противоречие между старожилами конкретных мест и районов проживания и приезжими, мигрирующими в целях трудоустройства, организации бизнеса, предпринимательства, учебы²⁴.

Как показывает практика, на Северном Кавказе участниками конфликтов выступают различные социальные сообщества – мигранты, старожильческое население, казачество, «титульные» народы, молодежные этнические сообщества («студенческие землячества»), национально-культурные объединения, религиозные общины²⁵. В конфликтном поле и с негативной окраской используются такие статусы-стереотипы, как «мигрант», «коренной житель», «кавказцы», «славяне», «основной народ», «лицо кавказской национальности». Провоцирующими ситуациями часто являются: праздники, дискотеки, свадьбы, памятные даты, формирование новых хозяйств, усадеб, кошар, нарезка земельных паев, земельных угодий, выпас скота и др.

²⁴ Политическая миграциология. Вып. 1 и 2 / Под ред. Г.В. Косова и Ю.Г. Ефимова. – Ставрополь: СевКавГТУ, 2006.

²⁵ Экспертные оценки конфликтогенных процессов на Юге России. Информационно-аналитические материалы Игнатов В.Г. и др. – Ростов-н/Д – Горячий ключ, 2006; Оценка стратегии реконструкции и развития на Северном Кавказе. Экспертный доклад. Иванов А. и др. – М.: Форум по раннему предупреждению и раннему реагированию, 2005.

Этнические конфликты в СКФО отличаются следующими симптомами:

- участие больших групп молодежи (от 50 до 300 чел.);
- проявление провоцирующего стиля поведения «золотой молодежи» определенных этнических групп;
- использование оружия или подручных средств для причинения вреда здоровью и угрозы жизни (арматура, холодное оружие, травматическое оружие);
- привлечение соответствующих этнических добровольцев из соседних районов и регионов;
- распространение идеологии национализма в виде радикальных лозунгов, листовок, знамен, плакатов, надписей;
- ожесточение общественных настроений, распространение негативных этнических стереотипов, устрашающих слухов и провоцирующей мифологии;
- героизация участников со стороны родственников, кланов, некоторых общественных организаций;
- радикализация ситуации в СМИ краевых и районных с акцентированием этнической принадлежности участников конфликта.

Конфликты групп молодежи имеют бытовые причины, однако в ходе противостояния межличностные противоречия приобретают националистическую окраску, и группы молодежи в конфликтах формируются именно по этноконфессиональному признаку. Они применяют ксенофобскую националистическую риторику, прибегают к актам агрессии и насилия. Наиболее ярко это проявляется в межличностных отношениях молодежи на уровне бытового национализма, ксенофобии, которые при определенных условиях могут перерасти в противоправные действия.

Примечательно, что при общем демографическом спаде в России в СКФО отмечается высокая рождаемость и рост доли молодежи²⁶. На базе жизненных целей северокавказских сообществ формируется социальный заказ на получение высшего образования (или нескольких образований) по престижным специальностям. Поэтому в городах СКФО растет доля студенческой молодежи

²⁶ Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2010 г. № 1485-р.

жи, которая наиболее приближена к достижениям современной цивилизации и модернизирована в определенном смысле. Новым явлением, например, для Ставропольского края является формирование «студенческих этнических диаспор» армян, греков, даргинцев, карачаевцев, кабардинцев, чеченцев в таких городах, как Ставрополь, Пятигорск, Кисловодск. Эти группы тяготеют к консолидации, совместному времяпрепровождению, они активны в общественных акциях, а также в сфере развлечений. В частности, студенты из северокавказских республик используют свои этнокультурные навыки в пении и танцах (лезгинка) для проведения публичных танцевальных флеш-мобов, которые далеко не всегда с энтузиазмом воспринимаются местным населением. Исполнение лезгинки часто сопровождается стрельбой из оружия, фейерверками, громкой музыкой, а часто и ненормативной лексикой, громкими выкриками.

К сожалению, во многих случаях можно говорить о низком уровне общей культуры студенческой и иной молодежи, об отсутствии навыков межэтнического общения. Налицо стремление утвердиться в качестве приоритетной группы, обозначить свое присутствие на данной территории, в том числе и за счет привлечения этнических и конфессиональных аргументов. Эти процессы вызывают не только опасения, но и недовольство населения городов Ставрополья. В этой связи в массовом сознании присутствуют сомнения в безопасности идеи образования Северо-Кавказского федерального университета в связи с возможным увеличением студентов из республик РФ СКФО.

Конфликтующие группы часто обращаются с радикальными протестами к властям, адресуя им прямые обвинения в бездействии и некомпетентности. Закономерно, что молодежные выступления используются политическими силами в целях дискредитации первых лиц власти, в противоборстве ветвей власти, партийных сил и движений.

В качестве симптоматичного явления можно отметить *«конфликтогенную волну»*, т.е. процесс нарастания конфликта, как в экстенсивном, так и в интенсивном смысле. Если события в Москве декабря 2010 г. повлекли за собой схожие ситуации в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, то события в Ставрополе мая-июня 2007 г., Георгиевске 2009 г., Зеленокумске 2010 г. повлекли за собой напряжение общественной ситуации в Пятигорске, Кисловодске. Сильное напряжение создают террористические акты и убий-

ства мирных жителей, работников органов государственной власти и управления, представителей государственных силовых структур.

Опыт профилактики этнических конфликтов и противоречий показывает, что правоохранительные органы часто не готовы к исполнению своих прямых обязанностей как с технической, так и с содержательной стороны. Органы власти и управления также не всегда оперативно и скоординированно выступают со своевременной оценкой событий, запаздывают с реакцией на провокационные сюжеты, с публикацией официальной позиции власти в СМИ и в интернете.

Существенный ущерб безопасности и стабильности всей системе общественно-политических отношений наносит недооценка бытового национализма и ксенофобии, которые зачастую выражаются в публичных националистических надписях, в «заборном национализме». Также отмечаются недостоверность и предвзятость СМИ, консерватизм и штампы экспертных оценок. Типичными являются несогласованность и несвоевременность реакции национально-культурных организаций на противоречия и конфликтные ситуации.

В этой связи очевидна необходимость системного и комплексного антиконфликтного менеджмента этнических отношений как важнейшей составляющей общественно-политических процессов в СКФО.

Раздел 7. ЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: УПРАВЛЯТЬ, РЕГУЛИРОВАТЬ ИЛИ ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ?

Этнические отношения и этнополитические процессы в современной России отличаются новым содержанием и формами проявления. Особое воздействие на них оказывают факторы демократизации и модернизации российского общества. Сфера социальных, в том числе этнических и национальных отношений, в значительной мере подвержена эффекту социально-политических трансформаций. Это создает некоторый риск дестабилизации национальных и федеративных отношений в СКФО, как в других регионах России.

С начала 1990-х гг. на Северном Кавказе произошли этнополитические конфликты, приведшие к серьезным социальным, экономическим и гуманитарным последствиям. В этой связи управление этническими отношениями в регионе является важнейшим направлением национальной политики РФ в целях снижения противоречий, урегулирования конфликтных ситуаций, продвижения постконфликтной реконструкции.

В *Концепции государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г.* закреплены задачи, принципы и формы политического управления в области национальных отношений. Одним из приоритетных направлений реализации государственной национальной политики рассматривается стабилизация этнополитической ситуации в Северо-Кавказском регионе. Очевидно, что на нынешнем этапе особую значимость приобретает управление национальными, федеративными и этническими отношениями в их новейших проявлениях. Органы государственной власти в СКФО должны при этом руководствоваться знанием исторических тенденций, национальных отношений и национально-государственного строительства. Также важно изучать и понимать причины, факторы и признаки этнополитических конфликтов. Повышенное внимание к сфере межгрупповых отношений оправданно в связи с радикализацией общественно-политической обстановки, при которой происходят террористические вылазки, конфлик-

ты, акции на почве национализма и ксенофобии (драки, поджоги, вандализм на кладбищах, «заборный терроризм и экстремизм»).

При регулировании и воздействии на этнические отношения и этнополитические процессы эффективны такие приемы, как выявление возможностей институтов гражданского общества, в частности национально-культурных объединений, в сфере поддержания гражданского мира и согласия, профилактики межобщинной напряженности. Также важно усвоение главных тенденций и применение апробированных практик миротворчества и миростроительства, противостояния ксенофобии и распространения толерантности. Данные направления мягче, гибче и применяются в штатных ситуациях межэтнической конкуренции и противоречий.

Управление, регулирование и воздействие как способы повлиять на ситуацию актуальны для всех регионов СКФО. Национальная и этнокультурная политика является важнейшей частью общей социальной политики и подкреплена соответствующими нормативно-правовыми актами и политическими концепциями, прежде всего конституциями и уставом субъектов РФ в СКФО.

В течение 2000–2005 гг. осуществлялась процедура приведения в соответствие Конституции РФ конституций российских республик, в том числе ныне входящих в СКФО. При этом внесенные изменения подчеркивают демократический характер основных законов субъектов, их социальную направленность.

В Конституции Чеченской Республики (2003 г.) записано, что ее территория составляет неотъемлемую часть территории РФ (Гл.1, ст.1). Также подчеркивается, что «единственным источником власти в Чеченской Республике в пределах компетенции Республики является ее многонациональный народ» (Гл.1, ст.1). Также отмечено, что высшей ценностью является человек, его права и свободы, при том, что «гражданский мир и согласие в обществе, сохранение и защита исторического и культурного наследия народов, их национальной самобытности – высшие цели Чеченской Республики» (Гл.1, ст.1).

Конституция Республики Ингушетия (1994 г.) провозглашает многонациональность народа республики, а также констатирует уважение памяти предков, приверженность идеалам добра, справедливости и любви к Отечеству (Преамбула). Здесь подчеркивается, что в рамках республики народы Ингушетии реализуют свое право на национально-государственное самоопределение (Ст.1). Высшей целью государства является «обеспечение каждому чело-

веку достойной жизни, гражданского мира и согласия в обществе, сохранение и защита исторического и культурного наследия народов, их национальной самобытности» (Ст.3). Как и в конституциях других республик РФ в СКФО, Конституция Республики Ингушетия гарантирует «право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» (Ст.23). При этом декларируется, что «возвращение политическими средствами незаконно отторгнутой у Ингушетии территории и сохранение территориальной целостности Республики Ингушетия – важнейшая задача государства» (Ст. 11).

Конституция Республики Дагестан (1994 г.) прямо декларирует выражение воли и интересов всего многонационального народа Дагестана. «Республика основана на единстве равноправных народов Дагестана, единой и неделимой для всех дагестанцев Родине. Действия, нарушающие мирную совместную жизнь народов Дагестана, являются антиконституционными» (Гл.1, ст. 2). Также подчеркивается, что в республике «признается и уважается национально-культурная и историческая самобытность народов Дагестана, создаются условия для сохранения и развития культурных и исторических традиций народов Дагестана. Каждому из народов Дагестана гарантируется равное право на защиту жизненных интересов на конституционной основе».

Конституция Республики Северная Осетия-Алания (1994 г.) уделяет большое внимание сохранению осетинского языка в его диалектах. Отмечено, что «осетинский язык является основой национального самосознания осетинского народа. Сохранение и развитие осетинского языка являются важнейшими задачами органов государственной власти Республики Северная Осетия-Алания» (Ст. 15). В Конституции РСО-Алания прописаны отношения с Южной Осетией, которые строятся на «основе этнического, национального, историко-территориального единства, социально-экономической и культурной интеграции» (Ст.16).

Конституция Кабардино-Балкарской Республики (1994 г.) подчеркивает, что республика основана «на единстве равноправных народов Кабардино-Балкарии и неделима. Действия, нарушающие мирную совместную жизнь народов Кабардино-Балкарии, являются антиконституционными» (Гл.1, ст.3). В ст. 15 отмечается, что в республике запрещается «подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни». Конституция

КБР запрещает «любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» (Гл.3, ст. 22).

Конституция Карачаево-Черкесской Республики (1996 г.) фиксирует многонациональность республиканского сообщества, которое состоит из объединившихся в ходе исторического развития «абазин, карачаевцев, ногайцев, русских, черкесов и граждан других национальностей, в единую Республику». Также республика признается «неотъемлемой частью Российской Федерации и ее многонационального народа» (Преамбула), в которой «уважаются права и законные интересы каждого народа, охраняется самобытное развитие всех народов, обеспечивается их благополучие и процветание» (Преамбула).

Устав Ставропольского края (1994 г.) нацеливает на сохранение гражданского мира, социального и межнационального согласия. «В Ставропольском крае признаются и обеспечиваются неотъемлемые права проживающих в нем народов, казачества, малочисленных этнических общностей на сохранение самобытности, культуры, языка, обычаев и традиций» (Гл.1, ст.3).

Несмотря на многие сходные позиции, особенности этнических отношений, этнополитических процессов в каждом субъекте требуют особого содержания и индивидуализированных форм реализации управленческих стратегий и тактик. Очевидно, что национальная политика в Чеченской Республике и Республике Ингушетия имеет сходную направленность в силу практически моноэтничного состава населения, представленного титульными народами республик. Весомыми базовыми факторами национальной политики здесь является учет последствий сецессионных устремлений Чеченской Республики Ичкерия, а также последствий осетино-ингушского конфликта. Магистральной целью национальной политики выступают постконфликтная реконструкция, восстановление разрушенного социума Чеченской Республики: обеспечение безопасности, восстановление экономики и хозяйственного комплекса, подъем систем образования, здравоохранения, науки, культуры. Также для Чеченской Республики актуально проведение административной реформы и реформы местного самоуправления, демократизация принципов, методов и форм управленческой практики, формирование современного корпуса управленцев. В контексте этих задач руководством республики осуществляются попытки нейтрализации межтейповых противоречий, консолидации

чеченского сообщества на базе этнического и республиканского патриотизма. Также в республике проводится профилактика последствий таких обычаев, как кровная месть, умыкание невест, вводятся новые обычаи и обряды («День чеченского языка», «День чеченской женщины»), однако при этом обращается внимание на моральные и этические нормы ислама.

Вместе с тем важнейшей проблемой для Чеченской Республики остается проблема реконструкции полиэтнического республиканского сообщества. Однако возврат русского и иного населения сегодня представляется весьма далекой перспективой.

Применительно к Республике Ингушетия магистральной проблемой является преодоление последствий осетино-ингушского конфликта, который нанес существенный урон обоим этническим сообществам. Урон пролонгирован в настоящее время и проявляется в демонстрации межэтнического неприятия, противостояния осетин и ингушей, исторические судьбы которых сплетены во множестве политических, социальных и экономических сюжетов. Магистральным аспектом осетино-ингушских отношений является аспект спорной территории, которая находится в составе Республики Северная Осетия-Алания и защищена суверенитетом и Конституцией РСО-Алании. Вместе с тем возврат «незаконно отторгнутой территории» политическими методами конституционно закреплена в Основном документе Республики Ингушетия. Сопутствующими проблемами являются возврат беженцев-ингушей во Владикавказ и Пригородный район Северной Осетии-Алании, а также проблема общения и взаимодействия двух российских народов, объединенных общей историей.

Национальная политика в Кабардино-Балкарской Республике и Карачаево-Черкесской Республике имеет собственное содержание. Согласие между титульными народами республик крайне важно для поступательного экономического, политического развития¹. Проверкой отношений между титульными этническими сообществами на прочность становятся ситуации выборов, смены глав субъектов, а также ситуации экономических реформ и преобразований, образования новых муниципальных районов (в КЧР – Абазинского и Ногайского). Общественно-политическая стабиль-

¹ См.: Аккиева С.И. Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике (постсоветский период). – М.: ИЭА РАН, 2002.

ность нарушается в ходе электорально-избирательных циклов, в которых группы поддержки «этнических кандидатов» в органы власти и местного самоуправления часто формируются по этническому и по фамильно-клановому признаку.

Также важной целью национальной политики в этих субъектах выступает профилактика противоречий между «титულными» группами и русским населением, которое по численности во многих населенных пунктах занимает вторую позицию и широко представлено в социальной сфере – образование, наука, медицина, а также техника и технологии разного уровня и направления. Также в этих республиках важно сохранить полиэтничный состав и межкультурное взаимодействие за счет присутствия групп диаспор ближнего и дальнего зарубежья (армяне, азербайджанцы, грузины, греки, евреи, казахи, украинцы, туркмены, немцы), а также общин других российских народов (абазины, кумыки, ногайцы, татары и др.). В этой связи национальная политика должна быть направлена на обеспечение этнокультурных интересов всех этнических групп, на консолидацию их не только под республиканскими, но и под российским флагами.

В Республике Северная Осетия-Алания национальная политика нацелена прежде всего на ликвидацию последствий осетинингушского конфликта, который воспринимается осетинским обществом негативно. Политически значимой задачей в этой республике является уход от образа врага, от предрассудков «неприятия ингушей» как противников. Сложность решения этой задачи очевидна в связи с беспрецедентным террористическим актом в Беслане в 2004 г., а также в связи с неоднократными терактами во Владикавказе.

Актуальным вопросом национальной политики выступает единство осетинского сообщества, которое различается внутри лингвистическими и конфессиональными характеристиками, делаясь на иронцев, дигорцев и кударцев. Проблемы Южной Осетии в контексте идеи «всеосетинского единства» отражаются в общественных отношениях североосетинского сообщества.

Задачей иного порядка является сохранение в республике исторически сложившегося этнодемографического портрета, в котором проявляются черты в первую очередь русского населения, а также армянской, грузинской, греческой, еврейской, украинской, татарской, кабардинской и других этнических групп. Центром культурной интеграции республики всегда был Владикавказ –

главный город, отличавшийся особым обаянием кавказского полиса с выраженным городским стилем жизни, в который вовлекались представители различных этнических сообществ².

Специфическими принципами и формами отличаются этнические отношения в Республике Дагестан – самой многонациональной республике. Здесь очевидной проблемой национальной политики является согласие коренных народов в части их притязаний на представленность во власти, в управленческих кругах, на допуск к собственности, к престижным сферам социальной и экономической жизни. Приверженность этнических групп Дагестана соответствующим этническим кандидатам в структуры власти и управления, этническим профессионалам, специалистам очевидна и объяснима. Однако эта приверженность рождает некоторую ограниченность и изоляцию, равно как и напряженность в отношениях между аварцами, даргинцами, лезгинами, лакцами, кумыками и др.

Также существенной проблемой для дагестанского сообщества является этнокультурное положение малочисленных народов, ограниченные возможности сохранения их языков, традиций, самобытности. Эта проблема тем острее, чем активнее осуществляется этническое самоопределение жителей республики. В ходе Всероссийских переписей населения 2002 г. и 2010 г. заявившие о своей этнической идентичности группы требуют признания со стороны власти и общества и реализации по отношению к себе российских и международных обязательств, касающихся коренных малочисленных народов.

Существенной проблемой национальной политики выступает сохранение в Дагестане групп русских, отток которых из республики продолжается. Также важна реализация государственной политики по сохранению в республике групп армян, азербайджанцев, горских евреев, ногайцев, татов, чеченцев и др.

Особыми направлениями характеризуется национальная политика в Ставропольском крае, где более 80% составляет русское население, но где в то же время многочисленны армяне, даргинцы, кабардинцы, карачаевцы, ногайцы, греки, туркмены, черкесы, чеченцы. Многонациональность Ставрополя подверглась трансформациям в связи с распадом СССР, конфликтами на Южной Кавказе, конфликтами в Северо-Кавказском регионе. Массовая

² См.: Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.

миграция в край представителей отдельных групп привела к существенным проблемам этнических отношений. Насущными задачами национальной политики в крае является поддержание общественного согласия, достижение этнокультурного комфорта русского населения, численное доминирование которого не обеспечивает его этнического благополучия. Налицо необходимость профилактики противоречий и конфликтов между этническими группами в восточных районах края: ногайцами, даргинцами, туркменами, общая конфессиональная принадлежность которых не удерживает их от противостояния. Также в Ставропольском крае выражено структурирование казачества в рамках Терского казачьего войска, имеющего этнокультурные и этнополитические интересы. Отношения казачества и других этнических групп, вовлечение казачества в этнические конфликты, противоречия внутри самого казачества составляют важный объект внимания национальной политики в крае.

Общей проблемой для всего СКФО является защита прав граждан в сфере их этнокультурных и этноконфессиональных интересов, а также в сфере их безопасности. Здесь выделяются права на пользование родным языком и изучение родного языка, получение образования на родном языке, использование этнических имен и названий в местах компактного проживания, недискриминация по этническому признаку при приеме на работу и выстраивании карьеры, предоставление возможностей для отправления религиозных обрядов.

Закономерно, что в обеспечении этих прав проявляются институты гражданского общества – уполномоченные по правам человека, общественные палаты, межэтнические советы, советы старейшин, советы мира и дружбы, а также правозащитные, национально-культурные, миротворческие и мигрантские общественные организации.

Этнополитическая стабильность в регионе достижима при условии системного, комплексного и эффективного управленческого воздействия на сферу этнических, национальных и федеративных отношений. В этой связи представляется возможным обобщить основы политико-административного управления в сфере этнических отношений и этнополитических процессов в СКФО.

Концептами управления являются благополучие, социальная справедливость, стабильность, обеспечение безопасности, ликвидация северокавказских этнополитических рисков и нейтрализация их последствий.

Мировоззренческими посылками управления выступают: выделение индивидуального «этнокультурного и этнополитического лица» объектов управления, особой геополитической роли каждого субъекта, консолидация региональных сообществ на базе доминирования российской истории и российского национального характера при сохранении культурных традиций разных народов.

Доктрина власти и принципы управления могут в СКФО основываться на традиционности и умеренном консерватизме, а также и политическом центризме. Но более важны идеи развития таких объединяющих ценностей, как патриотизм, гражданственность, государственность, а также модернизация всех сторон жизни северокавказского сообщества.

В СКФО тенденция социальной и политической модернизации проявляется в сочетании с традиционными северокавказскими ценностями, что обеспечивается, в частности, активностью образовательных, культурно-просветительных учреждений, а также этнокультурных институтов гражданского общества – национально-культурных общественных организаций и национально-культурных автономий. Тем не менее на содержание и формы этнополитических процессов влияют проблемные ситуации и сюжеты. Так, отмечаются острые противоречия в приватизации средств производства, хозяйственных объектов, земли, уменьшение численности хозяйствующих субъектов, антропогенная и техногенная нагрузка, значительный уровень безработицы. Отношения собственности на земельные доли и способы реализации гражданами своих прав в отношении их являются острыми и имеют политический характер, связанный с участием в разделе собственности предпринимательских кругов, бизнес- и административных элит СКФО – Ставрополя, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чечни, Дагестана, Ингушетии, а также Москвы и зарубежных фирм и др. В сферу этнических отношений проецируются также проблемы качества воздушного бассейна, радиационной безопасности, утилизации отходов, ведомственной принадлежности объектов, рекреаций и территорий природно-хозяйственного комплекса.

Особым аспектом региональной политики является необходимость учета этнодемографических тенденций. В СКФО продолжается уменьшение численности определенных этнических групп, прежде всего русских, за счет миграции, превышения смертности над рождаемостью, старения населения, уменьшения детности семей. Отмечается не только естественная убыль, но и механическое

уменьшение русских как в республиках, так и в Ставропольском крае. Также численно уменьшаются в регионе греки, евреи, немцы, поляки. Вместе с тем продолжается миграция в СКФО, прежде всего в Ставропольский край, армян, азербайджанцев, даргинцев, карачаевцев, кабардинцев, чеченцев. Наряду с этим отмечается высокий уровень рождаемости чеченцев, ингушей, народов Дагестана, карачаевцев, увеличение в их среде доли молодежи (до 30% населения). В экономической, производственной, социальной сферах проявляются противоречия между старожильческим населением и мигрантами в ходе формирования новых этнодемографических и этнокультурных сегментов.

В этой связи стратегическим курсом политико-административного управления в СКФО является поддержание динамического равновесия, стабилизация общественно-политических отношений, развитие «демократии согласия». В управлении данной сферой общественных отношений целесообразно выявлять наиболее эффективные формы и методы реализации национальной и этнокультурной политики и обобщать эффективные направления деятельности по упрочению стабильности этнических отношений, достижению национальной безопасности.

Отмеченные процессы ставят перед властью и обществом новые задачи антиконфликтного менеджмента, решение которых возможно лишь в совместных усилиях власти, общества на базе традиционных северокавказских и российских ценностей. Задачей такого менеджмента является оперативное реагирование власти и общества на «новые – старые угрозы». Здесь очевидны широкие ресурсы, оперативное использование которых чрезвычайно важно для преодоления опасной тенденции «новой этнополитической напряженности». Так, Северный Кавказ объективно обладает множеством привлекательных свойств и характеристик. Это прежде всего особый природно-климатический комплекс, который присущ только этому региону. Природа Северного Кавказа – это мощный образ, не зависящий и не соотносимый с экстремистскими реалиями и террористическими актами. Значимым здесь выступает образ Эльбруса как воплощение величия, вечности, объединяющий все народы, все религии и возвышающийся над злом, жестокостью, агрессией.

Привлекательным позитивным фактором исключительно северокавказского происхождения, который может успешно использоваться в этнополитическом менеджменте, является многонациональность региона. Полиэтничность, поликультурность – это усто-

явшийся северокавказский образ, который эмоционально воспринимается жителями Северного Кавказа и может быть предложен жителям других регионов как конкурентный ресурс, ресурс межкультурного обмена, формирования взаимного интереса и симпатий.

Особую роль в повышении эффективности этнополитического менеджмента играет популяризация менталитета северокавказских жителей. Привлекательными чертами оказываются мужество, выносливость, уважение к старшим, верность данному слову, сохранение семейных ценностей. Северокавказский менталитет во многом имеет традиционную маскулинную природу, и эта особенность весьма заметна в условиях процветания современных феминистских идей и утверждения новых женских элит. Ключевой нотой здесь являются знаменитое кавказское гостеприимство, внимание к гостям, обряд застолья. Привлекательной идеей является ведение бизнеса, а также отдых, досуг и лечение на Северном Кавказе, прежде всего в регионе Кавказских Минеральных Вод и курортах республик. На курортах отдыхают представители многих регионов России, здесь царит настроение взаимного доверия, благополучия, умиротворения. Акцентирование этих возможностей закономерно в связи с Олимпиадой-2014, реконструкцией и строительством объектов спорта, туризма, отдыха, досуга.

Одной из доминант этнополитического менеджмента является декларация того, что Кавказ и кавказцы – это не чуждый российскому сообществу «элемент», а часть российского правового, политического, экономического и культурного пространства. Северный Кавказ является территорией общего исторического проживания русского населения, казачества, коренных народов Северного Кавказа, диаспор стран СНГ и Балтии, а также диаспор дальних зарубежных стран. Однако объективные процессы сотрудничества народов, тем не менее, ведут к обострению конкуренции в сферах занятости и собственности, в наибольшей степени она ощущается в области бизнеса, предпринимательства, услуг и торговли.

Этнические противоречия и конфликты в СКФО, как ни странно, имеют и некий опосредованный результат, так как обуславливают поиск эффективных форм социального творчества и активности; акцентируют необходимость плюралистического характера внутриобщинного дискурса и навыки демократии согласия.

Достижение безопасности и стабильности этнических отношений и этнополитических процессов в региональном контексте СКФО осуществляется соответствующими субъектами, среди ко-

торых выделяются: органы законодательной власти, органы исполнительной власти, органы судебной власти, органы местного самоуправления, институты гражданского общества и сами граждане. В связи с этим управление в сфере национальных, федеративных и этнических отношений прямо нацелено на их стабилизацию в российском правовом поле³. Такое управление реализуется в большинстве случаев в системе реагирования на этнические противоречия и конфликты.

В связи с этим крайне важен не только факт признания этнических противоречий и конфликтов, но и дифференциация их долговременных и моментальных причин, факторов и проявлений, которые взаимосвязаны, но не идентичны. Такой подход предоставляет широкие возможности для разработки практических мер антиконфликтного менеджмента, для построения и применения региональных и местных профилактических моделей на внутрисистемном, межсистемном и надсистемном уровнях⁴.

С учетом современного содержания этнических отношений и этнополитических процессов в СКФО в их стабилизации наиболее эффективным выступает моделирование основных видов противоречий с целью снижения их остроты. Соответственно последовательным и логичным видится выделение системообразующих компонентов и механизмов урегулирования кризисных ситуаций в сфере этнических отношений. В этой связи оправданны многогранные и разносторонние трактовки кризисных ситуаций этнических отношений в соотнесении с разными сферами общественного сознания и общественной деятельности: экономической, социальной, культурной, конфессиональной⁵.

Обращение к исторической и политической динамике, а также к социальной синергетике этнических сообществ СКФО позволяет наиболее полно интерпретировать кризисные ситуации этнических отношений, в том числе кризис этнокультурной безопасности,

³ Абдулатипов Р. Управление этнополитическими процессами. Вопросы теории и практики. – М.: Славянский диалог, 2002.

⁴ Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хопёрская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010.

⁵ Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. – М.: ИЭА РАН, 2002.

кризис межкультурной толерантности⁶. Опираясь на признанные трактовки кризисных ситуаций можно пополнить их номенклатуру за счет явлений и факторов региональных и местных ситуаций. Эти явления и факторы характеризуются существенной динамикой, разнонаправленной активностью субъектов этнических отношений, которые зачастую открыто заявляют о своих интересах и стремятся к их обеспечению.

Прежде всего важно уточнить состав участников кризисных ситуаций, понять происхождение лозунгов и слоганов публичных «этнических акций». Также важны такие симптомы, как частота проявлений межэтнических противоречий, место и время проведения националистических акций, а также реакция на них общества и власти⁷. Опыт такого реагирования демонстрирует эффективные формы и методы влияния, во-первых, на локальные ситуации, а во-вторых, на пролонгированную перспективу. Среди них:

- позиционирование политического и управленческого истеблишмента в отношении феноменов «русской идентичности», «гражданской идентичности», «многонационального народа», «модернизации северокавказского сообщества»;
- легализация этнокультурных интересов, признание миротворческого ресурса межкультурного взаимодействия и обмена;
- осознание на уровне законодательных инициатив и политических доктрин таких явлений, как этническая самобытность, этнокультурная институционализация, национально-культурное самоопределение;
- понимание социальной и политической детерминированности этнической миграции, разработка приемов нейтрализации последствий массовой миграции, адаптация и интеграция мигрантов;
- организация политико-правового и бытового дискурса в отношении основ и перспектив единства северокавказского сообщества как мультикультурного и поликонфессионального;

⁶ Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Отв.ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. – М.: Изд-во РУДН, 2002.

⁷ Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хопёрская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. – М.: ФГНУ «Росинформгротех», 2010.

- проведение этнологического, этнополитологического и этноконфликтологического мониторинга, теоретического и практико-прикладного проецирования состояния этнических отношений и этнополитических процессов;
- осуществление PR-обеспечения управленческих техник и технологий в сфере этнокультурных, этноконфессиональных отношений;
- презентация этнополитических и этнокультурных интересов граждан и этнических сообществ в диалоге властей и общества;
- популяризация специальных исторических и современных сюжетов общественного сотрудничества, взаимопомощи и взаимных симпатий.

Практика антиконфликтного менеджмента предполагает формирование системы конструктивной деэскалации этнических противоречий, принципы, направления и векторы которой должны соответствовать содержанию социально-экономических, общественно-политических трансформаций современности. Основа практики антиконфликтного менеджмента и самоменеджмента формируется и эволюционирует под воздействием многочисленных северокавказских социокультурных реалий. Среди последних целесообразно выделить политическое и административное управление, которое предусматривает достижение стабильности этнических отношений и является «искусством возможного»⁸.

Совершенствованию такого искусства, воплощению его в социальных практиках и популяризации его в общественном сознании способствуют стратегия и тактика «обращения» с межэтническим конфликтом, которые дрейфуют от жестких догм социально-классового и политического детерминизма к пластичным социокультурным ситуативным руководствам. В этом плане закономерна содержательная эволюция, включающая ***разрешение конфликтов, управление конфликтами, урегулирование конфликтов, деэскалацию конфликтов, воздействие на конфликты, постконфликтную реконструкцию.***

⁸ Аствацатурова М.А., Бурцев Ю.Д. Управление этническими отношениями и этнополитическими процессами в региональном пространстве. – Ростов-н/Д–Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2009.

Профилактика этнических противоречий и конфликтов чрезвычайно важна на региональном уровне СКФО⁹. Этот уровень является оптимальным с точки зрения перспектив его проецирования на федеральный и местный уровни, тем более что регион предоставляет возможность рассмотрения разных моделей и модификаций общественных противоречий. Нейтрализация таковых тем более достоверна, чем более точно определены причины и поводы, субъекты и заинтересованные стороны, группы влияния, группы поддержки. Методы анализа этнических противоречий могут быть эффективными при целостной комплексной оценке региональных рисков и конфликтогенных факторов, а также сепаратном накопительном анализе ситуативных противоречий и конфликтогенных факторов.

Анализ ситуативных противоречий этнических отношений позволяет применять в СКФО *этноконфликтологическую локалистику*, прежде всего в ее практическом выражении¹⁰. Здесь особое внимание должно быть уделено ситуациям местного уровня. При этом местный уровень определяется как количественными, так и качественными параметрами и предоставляет широкие возможности для сравнений, сопоставлений, выявления дифференцированных обстоятельств, абстрагирования, обобщений.

Параметрами, которые определяют местный уровень моделирования этнических противоречий и конфликтов применительно к этническим группам Северо-Кавказского региона являются: численность, динамика механического и естественного прироста, степень укорененности и ассимиляции, доля межэтнических браков, степень владения родным языком, уровень конфессиональной приверженности, уровень поддержания этнопрофессионализма¹¹.

Также это представленность в новых и новейших социально-профессиональных сферах, степень доступа к формам собственности, интенсивность включенности во властно-управленческие и политические отношения, уровень общественного авторитета, степень признания и симпатии (или антипатии) извне. Особыми показателя-

⁹ Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хопёрская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010.

¹⁰ Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения / Отв. редактор В.Г. Игнатов. – Ростов-н/Д: СКАГС, 2003.

¹¹ Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции (ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков). – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009.

ми являются участие представителей этнических групп в конфликтах, террористических актах, этносепаратистских движениях, акциях ксенофобии и национализма. Данные параметры целесообразно учитывать для разработки механизмов предотвращения противоречий как между этническими группами, так и внутри них.

Как уже отмечалось, важнейшим актом в отношении этнических противоречий и конфликтов является их признание со стороны государства и общества¹². Такое признание позволяет включить систему воздействия на правовом, политическом, экономическом, социальном, нравственно-духовном уровнях. Признание конфликта обуславливает целевую работу по его урегулированию со стороны органов государственной власти, местного самоуправления, а также институтов гражданского общества – общественных объединений и движений.

В определении предконфликтной ситуации существенную роль играет мониторинг – этнологический, этнополитологический, этноконфликтологический. Мониторинг составляет основу системы диагностики конфликта – сущность которой состоит в выявлении рейтинга конфликтности¹³. Методами выявления выступают: включенное наблюдение, анкетирование, беседы, интервью, опросы, непосредственное участие в ситуации, анализ СМИ, анализ нормативно-правовых документов, анализ политических документов, изучение обращений, заявлений, лозунгов, надписей и др. Симптоматичным при анкетировании и интервью является вопрос **«Чувствуете ли Вы себя в безопасности?»**

Процедура мониторинга осуществляется в процессе аналитико-экспертной деятельности и состоит в выделении стандартной системы параметров для установления тенденций нарастания межэтнических противоречий. Важнейший инструмент – набор специальных показателей – индикаторов конфликтности, которые позволяют выделить достоверные и актуальные реалии этнополитической ситуации¹⁴.

¹² Аствацатурова М.А., Тишков В.А. Хопёрская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Рейтинг конфликтности государств и регионов // Ежегодные доклады Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и

Закономерно, что система индикаторов варьирует в зависимости от этнополитической конъюнктуры на местах. Так, в Северо-Кавказском регионе важнейшими индикаторами являются такие, как государственно-административный статус, доктрина и режим власти, этническое представительство, отношения «центр – периферия», права человека и коллективные права, религиозная жизнь, изменения в самосознании, мифы, наличие групповых идей и идеологии, уровень толерантности, наличие и влияние диаспор, стабильность соседних регионов, территориальные претензии и проблема границ¹⁵.

В шкале этнологического мониторинга можно выделить частные стадии нарастания этнических противоречий: обстановка стабильная; периодическая напряженность, систематическая напряженность, отдельные конфликтные ситуации, заметные конфликты, частые конфликты, общество в состоянии конфликта. В этой связи важной является профилактика конфликта на основе выявления его нарастания по схеме: этническая напряженность (латентная стадия); противоречия (латентная и манифестная стадии); конфликт (манифестная стадия).

В целом политико-управленческая стратегия применительно к этническим, национальным и федеративным отношениям России как федерации предусматривает, с одной стороны, усиление федерального центра, с другой стороны, повышение роли субъектов.

Здесь необходимо обратиться к теме укрупнения субъектов РФ. Процесс объединения субъектов имеет несколько составляющих: социально-экономическую, политико-правовую, этнокультурную и морально-этическую. Процесс объединения субъектов является в известном смысле стратегической целью политического управления в связи с необходимостью укрепления вертикали власти, а также успешного решения задач социально-экономического развития и организационных задач.

Однако применительно к СКФО не исчерпаны все возможности и ресурсы современной модели конституционно-договорной федерации. Субъектам РФ Северного Кавказа нужно пройти не-

Балтии / Под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой, В.В. Степанова – М.: ИЭА РАН, 2005–2009 гг.

¹⁵ См.: Ежегодные доклады Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии / Под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой, В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2005–2010 гг.

сколько стадий социально-экономического развития, дабы достигнуть определенной гомогенности – политической, правовой, социально-экономической, этнокультурной. При этом важен учет уровня конфликтной и постконфликтной готовности части населения, которая проявляется по-разному в регионах Северного Кавказа и вызвана историческими реалиями, конфликтами нового и новейшего времени – теми институциональными конфликтами, которые состоялись в регионе на уровнях: федеральный центр – субъект, субъект – субъект, этническая группа – этническая группа. Экспертные оценки конфликтогенных процессов свидетельствуют о том, что качество противостояния или взаимодействия этнических групп проецируется на содержание отношений регионов федерального округа, а также на содержание СКФО и федерального центра¹⁶.

Магистральной проблемой управления в сфере этнических, национальных и федеративных отношений является модернизация национальной политики, содержательное обновление *Концепции государственной национальной политики РФ* (1996 г.). Приоритетным выступает формирование достоверной нормативно-правовой базы этнических отношений, которая соответствует изменяющимся реалиям общественно-политических отношений. Важной проблемой является разработка адекватных методов ситуативного антиконфликтного менеджмента и моделей миротворчества. Решение данных проблем осуществляется в контексте перехода от реактивной политики к проективной политике, которая обеспечивает профилактику этнических противоречий¹⁷.

Применительно к проблемам и противоречиям национальных отношений в СКФО политическое и управленческое значение имеют такие политико-правые декларации, как «единство многонационального народа Российской Федерации» и «территориальная целостность Российской Федерации».

Однако в сравнении с концептом гражданской нации на уровне федерального и регионального законотворчества большее ис-

¹⁶ Экспертные оценки конфликтогенных процессов на Юге России. Информационно-аналитические материалы. Игнатов В.Г. и др. – Ростов-н/Д – Горячий ключ, 2006.

¹⁷ Авксентьев В.А. Моделирование регионального конфликтогенного процесса: основные принципы и формирование банка данных // Современное состояние и сценарии развития Юга России. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006.

пользование имеет концепт единого многонационального народа Российской Федерации» не только как конституционный, но и как продуктивный, с точки зрения его распространения в сознании граждан. Этот концепт является эффективным в политическом и административном управлении на федеральном, региональном уровне и на уровне местного самоуправления. Однако этот концепт не стоит полностью отрывать от *концепции гражданской нации*, который является перспективным в плане акцентирования общегражданских, надэтнических, патриотических начал¹⁸. Трактовка В.А. Тишковым населения Российской Федерации как «нации наций» является закономерной в плане позитивного воздействия государства на этнические отношения и этнополитические процессы.

Соотнесение осуществляется в региональных законодательных актах и политических доктринах, которые опосредованно или непосредственно имеют отношение к сфере этнических отношений и этнополитических процессов. Регионы СКФО прошли несколько стадий разработки проектов и принятия концепций региональной национальной политики или политики в сфере этнических и этноконфессиональных отношений. Насущным потребностям северокавказского процесса отвечают законы субъектов о казачестве, о миграции (Ставропольский край), о культуре, о СМИ, об образовании, о языке, об уполномоченном по правам человека, о молодежной политике, об общественной палате. Особую группу составляют законы субъектов РФ СКФО и указы глав субъектов РФ СКФО о противодействии терроризму, религиозному и политическому экстремизму (например, Республики Дагестан, Карачаево-Черкесской Республики, Чеченской Республики). Законы и политические доктрины субъектов РФ СКФО прямо или косвенно направлены на введение в правовое поле разных аспектов этнокультурных, этноконфессиональных и этнополитических процессов, на презентации интересов граждан и этнических групп, на диалог властей и общества.

В свете тенденций этнополитических процессов целесообразным представляется креативное обновление – структурное и существенное – деятельности органов власти и управления. Важным на-

¹⁸ Единство и многообразие России. Материалы Комиссии Общественной палаты РФ по вопросам толерантности и свободы совести / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: Общественная палата РФ, 2007.

правлением такого обновления является формирование специальных структур региональных органов исполнительной власти – министерств и комитетов.

В отсутствие федерального министерства по делам национальностей региональные комитеты и министерства берут на себя масштабные полномочия по управлению в сфере этнокультурных и этноконфессиональных процессов, по реализации доктринальных документов, а также соответствующих программ¹⁹.

Эффективными субъектами системы реализации национальной политики на местном уровне могли бы стать специалисты, непосредственно отвечающие за этнические отношения в структуре администраций МСУ, на уровне городских и районных муниципальных округов.

Реализация национальной политики в СКФО имеет несколько опробованных направлений. Согласно *Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г.* в рамках общих социальных программ усиливается значимость отдельных зон и территорий – зон территориального развития (ЗТР), им придается особый статус и самостоятельная динамика развития. Стратегия, во всяком случае как документ, учитывает этнокультурный портрет региона, этнодемографические и этносоциальные характеристики субъектов общественных отношений²⁰.

Как показывает опыт, управление в сфере этнических отношений может быть эффективным при системном взаимодействии органов государственной власти, местного самоуправления и институтов гражданского общества – общественных объединений и движений. Такое взаимодействие предоставляет большие возможности для выстраивания разветвленных систем горизонтальных и вертикальных объектно-субъектных связей и коммуникаций, которые в конечном итоге способствуют поддержанию социального мира и консолидации российского общества.

¹⁹ Материалы межрегионального совещания «Актуальные вопросы реализации государственной национальной политики на Юге России». Кисловодск. 9–10 ноября 2009 г. – *Архив автора*.

²⁰ См.: Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 6 сентября 2020 г. № 1485-р.

Раздел 8. СЕВЕРО-КАВКАЗСКАЯ ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Укрепление демократического государства, формирование новых институтов власти и развитие местного самоуправления непосредственно зависят от уровня развития гражданского общества. Формирование институтов гражданского общества является одним из ключевых процессов в современных общественно-политических отношениях России. Гражданское общество как конструкция общественно-политических отношений вызывает множество споров и дискуссий. Гражданское общество – это свободное демократическое правовое общество, ориентированное на конкретного человека – независимого труженика, создающее атмосферу уважения к правовым традициям и законам. Гражданское общество воплощает общегуманистические идеалы, обеспечивает свободу творческой и предпринимательской деятельности, создает возможность достижения благополучия и реализации прав человека и гражданина, органично вырабатывает механизмы ограничения и контроля над деятельностью государства.

Гражданское общество России находится в состоянии становления, что провоцирует тезисы о его незрелости, неэффективности, и даже о его полном отсутствии. Вместе с тем в России присутствует важнейший показатель гражданского общества – самоорганизация граждан. Полноправными представителями гражданского общества выступают созданные и активно функционирующие общественные объединения – неправительственные, некоммерческие организации. В РФ созданы вертикальные и горизонтальные сети общественных организаций – миротворческих, правозащитных, ветеранских, молодежных, женских и иных. Созданы и действуют также многочисленные общественные советы, творческие союзы. В роли «несущих конструкций» гражданского общества в РФ выступают именно общественные некоммерческие организации как субъекты и акторы «третьего сектора».

Для России деятельность НКО, НПО, самоорганизация, самопомощь ассоциированных граждан являются главным признаком дееспособного гражданского общества. При этом сложилась система взаимодействия органов государственной власти и управле-

ния и общественных организаций, объединений и движений. Чем теснее и плодотворнее контакты государства с «третьим сектором», тем лучше взаимопонимание власти и общества и тем менее вероятно их взаимное отчуждение.

Помимо традиционных целей и задач функционирования, общественные объединения играют роль противовесов, как государственной власти, так и разного рода социальным образованиям корпоративного, кланового, узкогруппового характера. Они стремятся быть достаточно сильными, чтобы препятствовать любым проявлениям как тирании, так и анархии¹. В этой связи была бы уместной ориентация внутренней российской политики не только на выработку реальных механизмов развития гражданского общества, но и на интенсификацию разноуровневого диалога власти и общественных организаций².

Формирование гражданского общества в современной России имеет свои особенности, сложности и внутренние противоречия. В стране в целом и в отдельных ее регионах, в последние десятилетия традиционные связи общественной жизни подверглись ограничениям, трансформировались традиционные принципы и формы социального взаимодействия в новые, менее привычные для участников общественного диалога. Государственные структуры, охватывающие своей деятельностью общество по «вертикали» и по «горизонтали», оказались в этой ситуации единственным соединяющим его основанием. В то же время складываются вертикальные и горизонтальные связи нового типа, т.е. связи внутри гражданского общества, формируются сетевые структуры общественных объединений³.

Внушает оптимизм, что в системе современных российских социальных и политических отношений воплощаются эффективные тенденции, апробированные в мировой практике:

- становление демократического механизма политической власти на основе четкого разделения ее функций, выражающего интересы разнообразных слоев населения;

¹ Гражданское участие. Ответственность, сообщество, власть / Под ред. Р.Г. Апресян. – М.: Аслан, 1997.

² Алексеева О. А. и др. Государственная политика в области содействия гражданским инициативам: позиция неправительственных организаций. – М.: НОРМА, 2000.

³ См.: Доклады о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. – М.: 2007–2009 гг.

- создание необходимых условий для перехода к рыночной многоукладной экономике;
- разгосударствление собственности в самых разных формах и образование различных равноправных экономических субъектов;
- подчинение государственных, хозяйственных органов, политических партий и общественных объединений закону, обеспечение его верховенства;
- достижение высокого уровня гражданской культуры, формирование навыков социально-политической деятельности в демократических условиях.

Анализируя социально-политические тенденции последних полутора десятка лет можно сформулировать и определить основные детерминанты и факторы становления гражданского общества в России. Это наличие исторических традиционных предпосылок, таких как коллективизм, «коммуналистическая мораль». Также это воплощение новационных политических реалий эпох перестройки и постперестройки, реформирования и демократизации, таких как разделение властей, гласность, многопартийность, правозащитные организации, независимые СМИ. Осуществляется апробация таких форм общественного ассоциирования, как общности, основанные на доверии, товариществе, профессиональные и творческие союзы, фонды, центры, клубы и проч. Важными составляющими гражданской институционализации выступают местное самоуправление, Общественная палата РФ, Гражданский форум, Уполномоченный по правам человека в РФ, Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, Московское бюро по правам человека, Союз диаспор России, Институт современных диаспор и др. Соответствующие структуры организованы на уровне регионов, где проблема прав человека является подчас еще более острой, чем в столичном мегаполисе.

Выраженным трендом гражданской институционализации является учреждение организаций по этнокультурному признаку, создание национальных общественных объединений, союзов, ассоциаций, центров, конгрессов, советов⁴. В условиях полиэтничности и поликонфессиональности гражданское структурирование российского общества невозможно без национально-культурных

⁴ См.: Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. – М.: Юридический дом «Юстицинформ», 2003.

объединений. Этнокультурное ассоциирование внутри гражданского процесса является одним из отличительных признаков формирования гражданского общества в России на федеральном, региональном и местном уровнях. В формировании и строительстве основ гражданского общества в России неизбежно проявляется полиэтничный и поликонфессиональный состав страны. Основой гражданского ассоциирования в многонациональном федеративном государстве являются:

- национальное и конфессиональное разнообразие, которое обеспечивается сочетанием культур Запада и Востока, Европы и Азии, сочетанием черт оседлого, кочевого, промыслового архетипов;
- особенности национально-государственного строительства, которые обусловлены не только историческими и политическими процессами, территорий расселения этнических групп, но и целями государственной национальной политики;
- бесконфликтное взаимодействие основного по численности русского народа, который обеспечивает культурное объединение, с меньшими по численности народами;
- асимметричность устройства России, которая является федерацией смешанного типа, сочетающей субъекты административно-территориального, национально-государственного и национально-территориального типа.

В условиях полиэтничного и поликонфессионального российского общества гражданское структурирование невозможно без деятельности национально-культурных общественных объединений (НКОО) и национально-культурных автономий (НКА). В РФ осуществляется не только этнокультурная самоорганизация как таковая, но и регламентации национально-культурного самоопределения наряду с административно-территориальными, национально-государственными и национально-территориальными формами самоопределения⁵.

Этнокультурное ассоциирование является важнейшим вектором объединения гражданских групповых интересов. Органы вла-

⁵ Развитие и поддержка диалоговых механизмов между властью и гражданским обществом / Под ред. М. А. Аствацатуровой. Программа сотрудничества ЕС и России (Тасис). Улучшение межэтнических отношений и развитие толерантности в России. – Ростов-н/Д–Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2004.

сти и управления должны учитывать участие НКОО и НКА в формировании гражданского общества, социального и политического имиджа региона и страны. В этой связи политически значимой проблемой является взаимодействие органов власти и управления с НКОО и НКА, вовлечение национально-культурных объединений в систему общественных мероприятий и акций, участие национально-культурных организаций в процессе принятия значимых решений в области национальных отношений, национально-государственного и национально-культурного самоопределения.

В современной России, и в частности в СКФО, НКОО и НКА выступают акторами социального и политического имиджа регионов и страны в целом. В этой связи политически значимой проблемой является степень вовлечения национально-культурных организаций в систему общественных мероприятий и акций, уровень их участия в процессе принятия значимых решений в области этнических, национальных, федеративных отношений, национально-государственного строительства и национально-культурного самоопределения.

Объединение граждан по этнокультурным интересам, развитие их социальной инициативы, уровень гражданского самоуправления и самоорганизации в достижении этнокультурных интересов активно осуществляется в регионах СКФО. Здесь национально-культурные объединения и движения, возможно, наиболее активны и популярны, чем где-либо.

Этнические группы СКФО реализуют свои социальные интересы различными путями, в том числе и посредством создания национально-культурных объединений. Таким образом, они включены в общую систему общественно-политических отношений, что вызвано как историческими традициями самоуправления в местных сообществах, так и современными общественными потребностями в Северо-Кавказском регионе. Как организации «третьего сектора» они прошли несколько этапов статусного, нормативно-правового оформления интересов и «естественного» отбора. Наиболее полно НКОО и НКА представлены в Ставропольском крае (около 80 организаций и 15 НКА), в Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках, в Республике Северная Осетия-Алания.

Примечательно, что организационные формы национально-культурного самоопределения развивают представители всех этнических сообществ СКФО. Самоопределение реализуется рус-

скими, причем не только на территориях, где они в меньшинстве, но и там, где они составляют более 80% населения (Ставропольский край). Также формы культурного самоопределения развивают представители диаспор – выходцы и их потомки из стран ближнего и дальнего зарубежья (армяне, азербайджанцы, афганцы, болгары, белорусы, греки, грузины, евреи, казахи, немцы, туркмены, украинцы, эстонцы). Также к формам этнокультурного самоопределения прибегают представители таких сообществ, как ассирийцы, курды, ногайцы, цыгане. К этнокультурной практике широко обращаются также и представители титульных народов РФ – адыгейцы, аварцы, балкарцы, даргинцы, ингуши, кабардинцы, карачевцы, осетины, чеченцы и др.

Деятельность национально-культурных организаций, национально-культурных автономий в рамках региональных концепций национальной политики в СКФО и соответствующих комплексных программ гармонизации этнических отношений отличает собственное содержание. Важнейшим направлением этой работы является стабилизация общественно-политических отношений. В этой связи развивается взаимодействие органов власти и управления с национально-культурными общественными объединениями как с институтами гражданского общества. Это в полной мере соответствует демократизации этнических, национальных и федеративных отношений в условиях модернизации всех сторон жизни общества. Также такое взаимодействие предохраняет данную сферу жизнедеятельности местных сообществ от обезличивания, утраты традиционных культурных черт.

Главной целью институтов гражданского общества на Северном Кавказе является достижение общественной безопасности, а также – благополучного этнокультурного самочувствия и этнокультурного комфорта для всех граждан. В СКФО важной целью является сохранение этнической идентичности граждан в контексте диалога между властью и обществом, но при этом необходимо выработать «либеральную культуру споров», защиты индивида от произвола властей, дискриминации по этническому и конфессиональному принципу.

В СКФО осуществляется собирание и достижение групповых интересов «снизу» в виде инициатив национально-культурных объединений. В поле реализации этнокультурных интересов создаются институты социальной демократии, выполняющие важнейшие для региона функции достижения человеческой безопас-

ности. Именно добровольная, коллективная деятельность по достижению взаимной безопасности является особым содержанием гражданских инициатив на Северном Кавказе. Перспективной представляется северокавказская модель гражданского общества, в которой преобладает стремление этнических коллективов к этнокультурной безопасности. Главной задачей в этих условиях является поиск содержательных идей, актуализирующих гражданское общество не только в поддержании этнических ориентиров (культура, традиции, обрядность, язык), но и в формировании российской идентичности, распространении объединяющих российских ценностей.

На фоне многочисленных общественных организаций – женских, ветеранских, правозащитных, мигрантских – национально-культурные организации и автономии играют важную роль. Северокавказская ментальность, которая составлена из социокультурных компонентов всех проживающих в регионе сообществ, предусматривает объединение, взаимную поддержку на базе этнокультурных сообществ. Примечательно, что в ходе складывания и функционирования национально-культурных общественных объединений преодолеваются исторические и современные политические факторы, которые по своей сути препятствуют компромиссным практикам. Среди них – иерархизм общества, исторически сложившегося на строгих принципах отношений в статусной и половозрастной сферах. Также это консерватизм – фамильный, клановый, «ущельский», тейповый, общинный, земляческий, диаспорный. Развитию системы гражданского ассоциирования в регионе также мешают приверженность к авторитарным методам управления, противоречия между этнокультурным и религиозным традиционализмом и модернизацией и другие очевидные и скрытые обстоятельства.

Процесс этнизации общественной жизни в СКФО, наряду с другими проявлениями, выразился в тенденции к созданию равноуровневых общественных объединений – национально-культурных общин, центров и автономий. Они играют важную роль в формировании новых социальных стандартов, в демократизации национальных отношений, в защите прав и свобод граждан. Заметным становится их вклад в решение острых социальных и политических проблем. Среди них выделяются акции НКОО и НКА, направленные в первую очередь на формирование у подрастающего поколения нравственных убеждений, чувства уважения и

доверия ко всем согражданам без различий национальности. Они активно участвуют в решении региональных и местных задач, связанных с реформированием экономики, социальной защитой населения, формированием и укреплением общероссийского патриотизма.

Общественные объединения в определенной мере отражают групповые настроения этнических сообществ, и сами влияют на них. Эффективность влияния национально-культурных объединений на социально-политическую ситуацию в регионе и на местах во многом зависит от трансляции в среде сообществ общероссийских интегративных ценностей как составляющих идеологического обеспечения модернизации всего российского общества. Национально-культурные общественные объединения как институты гражданского общества в его этнокультурной модели способны заниматься профилактикой национализма, экстремизма и сепаратизма в целях предупреждения этнической напряженности, урегулировании этнополитических конфликтов и постконфликтной реконструкции.

В этой связи идеологическое обеспечение модернизации регионов СКФО предполагает учет функциональной сущности и основных принципов национально-культурного самоопределения. Эффективное достижение интересов сообществ осуществляется в системе этнокультурного структурирования, которое отражает как личностные, так и групповые интересы, детерминированные этнической идентичностью, включенной в комплекс идентичностей наряду с гражданской, этнической, региональной, местной⁶.

Для СКФО чрезвычайно актуальна проблема преодоления террористического воздействия, которая на нынешнем этапе во многом определяет имидж региона. Предубеждения в отношении этнической миграции, образы ксенофобии, проявления бытового национализма, конкуренции представителей этнических групп – все эти проблемы также оказывают воздействие на групповое сознание. Этим предубеждениям может противостоять этнокультурный вектор, обеспечивающий перевод межгруппового «спора» в сферу культуры. При этом реализуются такие эффективные механизмы, как:

⁶ В поисках России: Серия публикаций к дискуссии об идентичности / Под ред. В.В. Рудого, А.В. Понеделкова, Р. Крумма. Том 2. Юг России – Северный Кавказ. – Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2010.

- поддержка органами местного самоуправления советов старейшин, этнических советов, домов и центров дружбы, НКОО и НКА различных этнических групп в совместной работе по предупреждению этнической напряженности, предотвращению этнических конфликтов, поддержанию стабильности;

- привлечение этнокультурных НПО к разработке нормативно-правовых актов по вопросам национальных отношений и к реализации региональных комплексных программ гармонизации этнических отношений;

- вовлечение этнокультурных НПО в систему практического миротворчества, включающую предупреждение этнических противоречий, урегулирование этнических конфликтов и постконфликтную реконструкцию;

- повышение квалификации руководителей и представителей НКОО, НКА, работников СМИ, молодежных общественных объединений в плане расширения информированности, воспитания терпимости, толерантности, распространения компромиссных, диалоговых практик.

Диалог общества и власти содействует урегулированию этнических противоречий, профилактике этнической напряженности, распространению идей ненасилия, миротворчества, внедрению компромиссных, переговорных практик, а в целом направлен на упрочение факторов безопасности. Конкретные направления такого урегулирования предполагают соотнесение интересов личности и групповых интересов традиционных социальных институтов. Также эффективна профилактика ксенофобии в этнических отношениях и распространение интегративного гражданского патристического мышления.

Важнейшим следствием развития гражданского общества является создание общественных консультативных, совещательных структур как при органах законодательной и исполнительной власти и местного самоуправления, так и самостоятельных общественных объединений. Советы старейшин, советы по вопросам этнических отношений, советы профессиональных деятелей, советы мира и дружбы вносят свой вклад в обсуждение острых проблем общественных отношений, выработку практических рекомендаций как для органов государственной власти и местного самоуправле-

ния, так и для национально-культурных объединений. Создание подобных институтов представляется закономерным результатом согласования интересов органов власти, местного самоуправления, национально-культурных общественных объединений и казачества. Общественные институты являются информационно-методической и организационной площадкой взаимодействия органов власти и общественных объединений. На их базе проводятся семинары, тренинги, деловые игры, направленные на развитие навыков общественного диалога. Осуществляется построение моделей пресс-конференций, интервью, переговоров, посредничества в конфликтах. Акции сопровождаются разработкой и распространением информационного, справочного и методического материала.

Указанная практика распространена в Ставропольском крае, Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Северная Осетия-Алания. В ходе широких общественных обсуждений насущных проблем жизнедеятельности местных сообществ выявляются проблемы этнических отношений в регионах. Участники общественных советов, центров, домов национальных культур, как правило, провозглашают консолидированную негативную позицию в отношении терроризма, политического и этнонационального, религиозного экстремизма, этнических конфликтов. Закономерно, что эти проблемы рассматриваются в свете взаимодействия общественных объединений с органами государственной власти и местного самоуправления, со СМИ. При этом руководители и члены национально-культурных объединений, казачьих обществ готовят предложения в разработку современных направлений государственной национальной политики РФ и соответствующих региональных концепций, а также в проблематику профессиональной переподготовки государственных служащих органов исполнительной власти и муниципальных служащих органов местного самоуправления.

Национально-культурное самоопределение получило импульс после создания СКФО и выступает необходимым условием инициации дальнейшего гражданского структурирования как «снизу», так и «сверху», что отражает особенности гражданского ассоциирования в России. Политическая практика взаимодействия НКО и НКА с органами государственной власти и местного самоуправления и общества в СКФО свидетельствует, что наиболее продуктивным является взаимодействие общественных организаций со следующими структурами:

- министерствами или комитетами по делам национальностей или национальных отношений; министерствами или комитетами по печати, СМИ, информатизации; отделами соответствующих структур исполнительной власти по связям с общественностью и СМИ;
- отделами по работе с национально-культурными, религиозными объединениями советов по экономической и общественной безопасности; министерствами или комитетами по работе с молодежью;
- домами и центрами дружбы, этническими советами, советами старейшин; уполномоченными по правам человека, общественными палатами и общественными советами, комитетами солдатских матерей и женскими советами, молодежными объединениями, казачьими обществами;
- заместителями глав администраций по связям со СМИ и общественностью, с отделами администраций по работе с молодежью, по культуре и образованию.

Особенно важно сотрудничество НКОО и НКА с советами по экономической и общественной безопасности, с антитеррористическими комиссиями как на уровне регионов, так и на уровне администраций муниципальных образований, поскольку природа местного самоуправления соотносима с природой общественного самоуправления. Такое сотрудничество предоставляет инновационные и креативные возможности для оптимизации межэтнического взаимодействия, предупреждения общественной напряженности. В этом сотрудничестве НКОО и НКА выступают активными проводниками миротворчества.

Важнейшим направлением деятельности национально-культурных общественных объединений выступает стабилизация этнических отношений и предотвращение этнических конфликтов. Именно в этом во многом и состоит назначение национально-культурного самоопределения. Среди наиболее популярных форм деятельности НКОО и НКА в упрочении этнических отношений, профилактике напряженности и конфликтов выделяются разработка предложений в законы и нормативные акты, концепции, доктрины и программы по проблемам национальных и этнических отношений. Также эффективно участие в согласительных процедурах, переговорном процессе и подготовке совместных публичных обращений, заявлений. Популярно издание специальных номеров газет – орга-

нов НКОО и НКА, сбор гуманитарной помощи, добровольчество, милосердие, меценатство и прочие инициативы. НКОО и НКА проявляют активность по следующим направлениям:

- реализация международных, российских, региональных и местных целевых проектов по профилактике ксенофобии, национализма, этнических конфликтов, проектов по распространению толерантности;
- создание системы «этнологического всеобуча» – расширение информированности, воспитание терпимости, толерантности распространение компромиссных диалоговых практик.

Принципам гражданского ассоциирования в полной мере соответствует участие НКОО, НКА в общественно-депутатских и межведомственных комиссиях, экспертно-консультативных советах при органах законодательной, исполнительной власти, при советах общественной и экономической безопасности, при местных администрациях. Общественный диалог с участием НКОО зачастую приобретает межрегиональный и международный характер, так как осуществляется участие представителей этнических групп в делегациях регионов и стран в межрегиональных и межгосударственных переговорах.

Гражданское ассоциирование на основе этнокультурной общности отвечает социокультурным особенностям северокавказских сообществ, где этническая и этноконфессиональная принадлежность выступают значимыми личностными и групповыми характеристиками. Несмотря на различия в этнокультурных установках, общественные объединения ориентированы на общегуманистические, общегражданские социальные цели – стабильность, благополучие, общественный компромисс, культурный плюрализм и толерантность. Важнейшей задачей своей деятельности общественные организации видят предупреждение межэтнических конфликтов, урегулирование конфликтных ситуаций путем переговоров, достижение человеческой безопасности и упорочение национального единства⁷.

Общественные организации имеют собственный ресурс общения с членами соответствующей этнической группы и собственные аргументы для убеждения в пользе и необходимости гражданского мира.

⁷ Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа / Отв. ред. Г.Г. Матишов, В.А. Авксентьев. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008.

НКОО и НКА являются участниками формирования гражданского общества, социального и политического имиджа регионов и страны в целом. В этой связи политически значимой проблемой является вовлечение НКОО, НКА в систему мероприятий и акций, которые являются общероссийскими.

Нет сомнений, что к этнокультурным объединениям применимы характеристики объединений некоммерческого сектора, а именно: самоуправляемость, самодеятельность, добровольность, институализированность. В осуществлении широких социальных связей национально-культурные объединения двигаются от традиционной этнокультурной деятельности к целям широкого спектра. Это – патронирование своих членов; адаптация этнических мигрантов. Также это участие в региональных и общероссийских мероприятиях; презентация групповых интересов и создание положительного имиджа; сотрудничество со СМИ.

Наиболее типичным и эффективным направлением деятельности НКОО и НКА является самопрезентация – представление положительного имиджа этнических сообществ. Это осуществляется через проведение культурно-просветительских акций, посвященных памятным датам и дням, а также через организацию культурных центров.

Действенной формой самопрезентации этнических сообществ и национально-культурных объединений является издание книг, которые рассказывают о данной этнической группе, о ее роли в региональном процессе. Издание таких книг, бюллетеней, буклетов распространено практически во всех субъектах региона.

В функционировании национально-культурных гражданских ассоциаций важным направлением является диалог с органами власти и управления. В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что в субъектах региона, в частности в Ставропольском крае, Республике Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, сложилась традиция взаимодействия НКОО, НКА и власти. «Третий сектор» в его этнокультурной модели занимает все более определенное место в диалоге с губернаторами, с главами республик, с законодательными органами. Целевыми направлениями деятельности НКОО и НКА выступают вхождение их руководителей в органы местного самоуправления; взаимодействие с органами власти и структурами местного самоуправления через этнические, конфессиональные советы, советы старейшин, общественные советы, экспертно-консульта-

тивные совещательные органы при различных структурах (администрации глав республик и губернаторов, администрации городов и районов и др.). Закономерно, что НКОО и НКА, сотрудничают с органами местного самоуправления, прежде всего в реализации целевых и точечных социальных проектов. Это проекты домов и центров дружбы, домов национальных культур, проекты для молодежи, проекты для беженцев и переселенцев и др.

Продуктивно развивается сотрудничество НКОО, НКА с такими важными институтами гражданского общества, как общественные палаты, уполномоченные по правам человека, уполномоченные по правам ребенка. Также национально-культурные организации взаимодействуют с международными общественными организациями, движениями, фондами.

Новым перспективным направлением выступает сотрудничество неправительственных организаций с конфессиональными институтами, которые активно проявляются в социальном служении и миротворчестве на Северном Кавказе. Если законодательно в политико-правовом смысле церковь отделена от государства, то от общества она отделена быть не может. Представители практически всех конфессий, прежде всего православия и ислама, тесно сотрудничают с НКОО и НКА в культурно-просветительских, миротворческих акциях. Зачастую культурные центры общин и диаспор организуются в одном комплексе с храмом или находятся вблизи от него, как, например, в Ставрополе, Будённовске, Нальчике, Владикавказе, Моздоке, Черкесске, Пятигорске, Кисловодске. Посетители центра национальной культуры могут также посетить храм, мечеть, синагогу, костёл. В свою очередь прихожане имеют возможность посетить центр культуры. В этой связи очевидно единство интересов общественных организаций и церкви в плане стабилизации ситуации на Северном Кавказе.

Также новым направлением деятельности НКОО и НКО выступает сотрудничество с экспертным сообществом, т.е. с университетами и вузами региона, научными центрами федерального уровня, в частности Институт этнологии и антропологии РАН, Институт социологии РАН, Южный научный центр РАН, Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Такое сотрудничество позволяет соотносить теорию с практикой, корректировать научное знание и оптимизировать практические инициативы.

Вовлечение НКОО, НКА в практическое миротворчество, в предотвращение межэтнических противоречий соответствует по-

ложениям *Концепции государственной национальной политики РФ 1996 г.*, равно как и положениям соответствующих региональных политических доктринальных документов, и возможно лишь при тесном взаимодействии с органами власти и управления. В этом плане эффективно сотрудничество НКОО и НКА также с советами по экономической и общественной безопасности, с миграционными службами, а также с правоохранительными органами. Такое сотрудничество предоставляет инновационные, креативные возможности для оптимизации межкультурного взаимодействия, предупреждения этнической напряженности.

Взаимодействие институтов гражданского общества и органов местного самоуправления чрезвычайно важно для успешного социального и политического развития регионов. В этой связи представляется уместным учет этнокультурных интересов, транслируемых НКОО и НКА. Подобный учет интересов осуществляется следующим образом:

- поддержка органами государственной власти и местного самоуправления, этнических советов, домов и центров дружбы и НКОО с использованием административного, организационного ресурса;
- привлечение НКОО и НКА к разработке региональных законов, нормативных актов и политических концепций национальных отношений, а также к реализации комплексных региональных программ гармонизации межэтнических отношений;
- участие НКОО и НКА в переговорном процессе, в предупреждении межэтнической напряженности, предотвращении межэтнических конфликтов, поддержании стабильности;
- презентация НКОО культуры, традиций, обрядов этнических групп в рамках общих региональных акций, направленных на расширение информированности, воспитания терпимости, толерантности, распространение компромиссных, диалоговых практик.

Деятельность НКОО, НКА в диалоге с органами власти и управления служит повышению качества социальных услуг населению. Это возможно прежде всего в ситуации постоянного и тесного контакта органов власти с населением, в случае достоверного знания органами власти потребностей и интересов общества. Такое знание во многом достигается за счет выявления интересов этнических групп общественными объединениями.

В этом плане целесообразно подчеркнуть важнейшие и перспективные задачи НКОО и НКА. Это, в частности, аккумуляция и агрегирование интересов группы (в данном случае этнокультурного сообщества); представление групповых интересов перед органами государственной власти и местного самоуправления; участие в поиске решения проблем и путей удовлетворения социальных потребностей местных сообществ, а также национальных проектов России.

Развитые формы этнокультурного самоопределения позволяют говорить о том, что в регионе уже сложилась и действует *система антиконфликтного самоменеджмента*. Эта система базируется на усилении этнокультурного вектора групповых интересов, на межкультурной интеграции, на самостоятельной инициативе общественных структур по урегулированию межгрупповых конфликтов.

Положительная динамика гражданского структурирования на базе национально-культурного интереса влияет на качество законодательного процесса, на повышение уровня публичности законодательной власти, на интенсификацию диалога власти и общества. В соответствии с принципами административной реформы, реформы местного самоуправления повышается уровень открытости власти и контроля населения, в данном случае через контроль НКОО и НКА над качеством предоставляемых обществу услуг со стороны государства. Этому служат общественные, консультативные и гражданские институты, формирование которых состоялось и далее проходит в регионе. Это центры мониторинга права, политики и экономики; экспертно-консультативные советы при органах законодательной власти; институт помощников глав субъектов на общественных началах; институт уполномоченных по правам человека. Это и общественные палаты, политические советы, советы по вопросам межэтнических и этноконфессиональных отношений при главах субъектов, межведомственные комиссия по вопросам реализации государственной национальной политики и государственно-конфессиональных отношений. Также это этнические советы, советы мира и дружбы, дома национальных культур и др.

Общие тенденции образования и функционирования НКОО как институтов гражданского общества в субъектах РФ СКФО свидетельствует о нескольких обстоятельствах. Во-первых, гражданское этнокультурное ассоциирование перспективно в условиях административной реформы и реформы местного самоуправления

в силу возможности представить органам власти и управления этнокультурные интересы местных сообществ. Во-вторых, национально-культурное самоопределение, несмотря на различия в этнокультурных установках конкретных групп, предполагает воплощение интегративных ориентиров в силу общегуманистических, общегражданских социальных целей – стабильность, благополучие, общественный компромисс, культурный плюрализм и толерантность. В-третьих, важнейшей задачей деятельности НКОО в полиэтничных и мультикультурных регионах СКФО является предупреждение межэтнических конфликтов, урегулирование конфликтных ситуаций путем переговоров, достижение человеческой безопасности и упрочение общенационального единства. В-четвертых, национально-культурные объединения призваны вырабатывать общие позиции для достижения взаимного согласия и совместного позитивного влияния на этнополитическую обстановку в СКФО.

Самостоятельной, но связанной с национально-культурным самоопределением тенденцией на Северном Кавказе является *становление миротворчества как системы целевых комплексных действий по поддержанию мира и профилактике межэтнических конфликтов*. Миротворчество предусматривает режим общественных дискуссий, интерактивного обсуждения принципов и форм сотрудничества национально-культурных объединений и органов государственной власти и местного самоуправления.

Эффективными формами практического миротворчества являются общественно значимые мероприятия, семинары, тренинги, деловые игры, «круглые столы», построение моделей лоббирования, диалога с властями, разработка технологий посредничества в конфликтах, обеспечение информационным и методическим материалом. В ходе реализации моделей миротворчества выявляются социальные и культурно-психологические условия межэтнического диалога, международные подходы и стандарты, российский управленческий опыт гармонизации межэтнических отношений.

Миротворчество является важнейшим направлением деятельности НКОО, которые обладают собственными ресурсами «убеждения в необходимости мира». В этом плане НКОО реализуют главную задачу национально-культурного самоопределения – снижение риска межэтнической напряженности через наиболее полное удовлетворение этнокультурных потребностей граждан

РФ. Практическое миротворчество выступает насущной социальной потребностью институтов гражданского общества в рамках национально-культурного самоопределения. Это в высшей степени соответствует доктринальным основам государственной национальной политики РФ, а также региональным направлениям национальной политики субъектов РФ СКФО.

Наиболее эффективная форма миротворчества, реализуемая в системе гражданских инициатив НКОО, – это участие в переговорах конфликтующих сторон и согласительных процедурах. Такое участие НКОО и НКА, как правило, сопровождаются подготовкой обращений и заявлений с осуждением национализма, религиозного экстремизма, терроризма. Такие документы после их опубликования обладают существенным воздействием на местные сообщества и способствуют предотвращению ксенофобии.

Также эффективно и чрезвычайно популярно в общественном мнении оказание гуманитарной помощи пострадавшим в общественных конфликтах, терактах, природных катастрофах (например, во время наводнения на Юге России в 2002 г.). Обществом всегда позитивно воспринимается участие НКОО во всевозможных официальных делегациях. Важным направлением выступает деятельность по адаптации мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев, что остается актуальным на Северном Кавказе.

В миротворчестве используются такие формы и механизмы, как «демократия согласия», «народная дипломатия», добровольчество, благотворительность, авторитет старейшин и старших, клановые и фамильные связи. Инициативы НКОО и других некоммерческих организаций, направленные на стабилизацию этнических отношений, в большинстве случаев активно поддерживаются органами государственной власти и органами местного самоуправления. Эта поддержка выражается в привлечении административного ресурса, организационных возможностей органов власти и управления.

Большой миротворческий потенциал заложен в региональных культурно-просветительских акциях, содержание которых обусловлено танцевальной, певческой культурой, культурой жилища, пищи, костюма, а также культурой спорта. Эти мероприятия имеют широкие возможности для презентации этнических традиций, популяризации социального опыта, исторических сюжетов и проч. Подобные акции отличаются высоким уровнем коммуникативных возможностей и эмоциональности.

Они объединяют разные социальные, профессиональные, демографические группы в поле общего оптимизма, настроений миротворчества, доброжелательности. В мероприятиях принимают участие НКОО, НКА, казачьи общины, танцевальные ансамбли, творческие художественные коллективы, в том числе ветеранские, детские и молодежные.

Особым направлением является расширение системы миротворчества как совместной деятельности органов власти и институтов гражданского общества, высших законодательных органов субъектов Северо-Кавказского региона и национально-культурных общественных объединений. Эта сфера получила развитие именно в связи с этнополитическими вызовами современности, которые актуализировали сотрудничество власти и управления, бизнеса, некоммерческого сектора, а также экспертного сообщества. При таком сотрудничестве особенно важно достижение общей цели – стабильности этнических отношений, поддержание диалога общества, органов власти и НПО⁸.

В СКФО сложилась *система миротворческих организаций*, среди которых выделяется Миротворческая миссия на Северном Кавказе им. генерала А. Лебеда. Помимо розыска пропавших и реабилитации пострадавших в террористических актах, помощи беженцам и вынужденным переселенцам, миссия занимается формированием общественного мнения по проблемам терроризма, экстремизма, выполнением функций общественного наблюдателя в переговорах конфликтующих сторон, оказанием помощи и содействия органам власти и управления в осуществлении мер миротворческого характера⁹. Новым шагом в практике миротворчества является *гуманитарный диалог*, который нацелен на организацию встреч делегаций субъектов Северного Кавказа, взаимодействие с северокавказскими и международными неправительственными организациями. Гуманитарный диалог проявляется в сферах этно-

⁸ Развитие и поддержка диалоговых механизмов между властью и гражданским обществом. Информационный бюллетень. Программа Сотрудничества ЕС и России (Тасис) Улучшение межэтнических отношений и развитие толерантности в России / Отв. ред. М.А. Аствацатурова. – Ростов-н/Д–Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2004.

⁹ Оценка стратегии реконструкции и развития на Северном Кавказе. Экспертный доклад. Иванов А., Мукомолов А., Нихайм Д. и др. – М.: Форум по раннему предупреждению и раннему реагированию, 2005.

культурной, конфессиональной, образовательной, информационной, гендерной и др.¹⁰

Вместе с успехами «третьего сектора» на Северном Кавказе должны быть названы и проблемы. Среди них первая – проблема финансового обеспечения, которую можно назвать сколь масштабной, столь и острой.

Деятельность НКОО и НКА далека от идеала, прежде всего в силу ограниченности ресурсов. Поэтому такие организации не имеют широкого, а подчас и прямого воздействия на членов этнического сообщества. Известно, что многие представители этнических групп не признают авторитета лидеров НКОО и НКА и критично относятся к национально-культурным практикам.

Как правило, заинтересованность в акциях НКОО и НКА проявляют люди старшего и среднего возраста, а молодежь остается в стороне. Причинами этого является непопулярность проблематики и форм проводимых мероприятий у молодежи, равнодушной к этнокультурной «архаике», в которой зачастую презентуют себя национально-культурные организации.

Редко авторитету НКОО и НКА противопоставляется авторитет альтернативной группы этнических активистов, которые выражают непонимание и недовольство содержанием и формами работы, а также стилем руководства и социальными приемами активистов организаций. Негативной тенденцией являются противоречия между руководителями национально-культурных объединений, равно как и между этническими активистами и «рядовыми» членами сообщества. В этом контексте актуальным и острым становится вопрос о полномочиях руководителей НКОО и НКА и о достоверном представительстве интересов этнической группы.

В поле национально-культурного самоопределения проявляется внутригрупповая конкуренция, борьба за лидерство, за популярность, за верховенство в диалоге с властью, за допуск к значимым позициям в экономических, хозяйственных, социальных нишах. Настораживают такие явления, как противоречия между этнокультурными организациями, создание одноименных альтернативных организаций, которые ведут взаимную борьбу и выступают конкурентами во взаимодействии с властью и за «ресурсы власти».

¹⁰ См.: Миротворческая миссия им. генерала А. Лебеда. Материалы конференций, «круглых столов» и информационных семинаров. – Пятигорск, 2003–2011 гг. – *Архив автора.*

На Северном Кавказе отмечаются противоречия между региональными отделениями национально-культурных организаций общероссийского уровня и местными национально-культурными организациями соответствующих этнических групп, диаспор. Не всегда эти организации находят точки соприкосновения, и это также мешает реализации социальных программ. Наиболее ярко отмеченные проблемы и противоречия проявляются во время местных выборов. Избираясь в органы местного самоуправления, кандидаты зачастую используют как политический ресурс принадлежность к определенной этнической группе и национально-культурному объединению. При этом возникает конкуренция между представителями одноименной этнической группы, которая выражается в противоречиях, противостоянии «групп поддержки», борьбе родственных, клановых кругов и др. Такое противостояние часто приводит к снижению качества выборных технологий, использованию «черного» информационного обеспечения. Это наносит урон имиджу этнической группы и ее конкретных представителей в ходе предвыборного процесса. В то же время представительство в органах местного самоуправления, в региональных органах власти для этнических сообществ является чрезвычайно значимым.

Также отмечается конкуренция между НКО за влияние на членов общины и диаспоры в целом, вхождение в сферы этнических элит; воздействие на принятие значимых решений политического, социального и экономического характера. НКО, НКА конкурируют между собой и за включенность в сферу экономических отношений, раздела и передела собственности; за «узурпацию» ситуаций этнических противоречий и конфликтов.

Таким образом, налицо конкуренция между общественными объединениями как разной, так и одной этнокультурной принадлежности. Такая конкуренция зачастую мешает гражданской интеграции, особенно в периоды социальных и политических кампаний – выборы, презентация, диалог с властями, сотрудничество с учреждениями и институтами соответствующей суверенной страны или республики в составе РФ, сотрудничество с международными организациями и движениями (ООН, Совет Европы, Страсбургский суд, Международная амнистия, ЮНЕСКО и др.).

В регионах СКФО наблюдается процесс политизации национально-культурных объединений, стремление войти в тот или иной общественный конфликт не на правах миротворца, но как

участника или сочувствующего одной из противоборствующих сторон. Типичной тенденцией является определенный контроль над гражданским обществом со стороны государственной власти и высокая степень зависимости гражданского структурирования от позиции глав регионов и глав муниципальных образований. Также вовлеченность общественных организаций в систему околоставных отношений бюрократизирует деятельность этнических советов, советов старейшин, советов НКОО и НКА.

Существует проблема неоднозначного восприятия общественными организациями европейских подходов к правовой и политической защите прав человека и гражданина в части этнокультурных интересов. Также встречается искаженное понимание содержания национально-культурного самоопределения и назначения национально-культурной автономии.

Типичными проблемами выступают слабая координация действий общественных объединений; недостаточная правовая и политическая осведомленность организаций и их лидеров; недооценка сотрудничества с органами власти и управления; высокая зависимость деятельности общественных организаций от субъективного фактора, персонифицированного в руководителях НКОО, НКА, а также в лицах органов государственной власти и местного самоуправления.

Активная деятельность по преодолению названных проблем будет способствовать повышению качества этнокультурного процесса и национально-культурной самоорганизации, повысить роль НКОО и НКА в распространении и упрочении идеалов гражданского мира в СКФО. Кроме того, выявление проблемных сторон национально-культурного самоопределения позволяет наметить перспективные направления его развития с учетом потребности модернизации всех сторон жизни регионального сообщества.

НКОО, НКА в сотрудничестве с экспертным сообществом, с международными организациями, конфессиональными институтами могут продвинуться вперед в реализации национальных проектов в части образования, здравоохранения через некие точечные проекты. В этих проектах могут реализовываться компоненты этнокультурного образования, религиозного просвещения, традиционного семейного воспитания.

НКОО, НКА могут принять участие в реализации развития зон территориального развития (ЗТР), которые определены *Стратегией социально-экономического развития Северо-Кавказского феде-*

рального округа до 2025 г.¹¹ В этой работе национально-культурные организации и автономии могут сотрудничать с министерствами, комитетами, ведомствами, организациями и учреждениями в таких направлениях, как сохранение этнопрофессионализма, традиционных промыслов и ремесел, создание «этношопов», национальных подворий и деревень, центров национальных культур, домов и центров дружбы.

В каждом регионе выделяется какой-то отдельный аспект, где национально-культурные организации могут сыграть свою роль. Для Ставропольского края, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии это прежде всего развитие туристско-курортного кластера, сферы услуг и досуга – в регионе Кавказских Минеральных Вод, в районе Долинска, Домбая, Теберды, Терскола, Иткола, Чегета и др. Также общественные организации способны принять активное участие в реализации программ адаптации мигрантов с учетом миграционной емкости регионов и этнокультурных интересов как старожильского населения, так и мигрантов.

НКОО и НКА должны развивать инициативы в практическом миротворчестве и не запаздывать в своей реакции на острые конфликты. Реакция общественности на факты ксенофобии, национализма должна быть консолидированной, оперативной и адекватной политико-правовым реалиям РФ и регионов. Зачастую национально-культурные объединения дистанцируются от оценки тех или иных событий и не выражают своего отношения. Они как бы передают общественные и миротворческие полномочия профессиональным лидерам. В то же время очевидно, что лучший вариант – не передача «полномочий» и не взаимная конкуренция, а выработка и обнародование общих позиций по наиболее проблемным и актуальным вопросам. Такой подход, как уже не единожды доказано, воздействует на конфликтную ситуацию намного более эффективно, чем усилия властей.

Эффективными возможностями для НКОО и НКА может быть участие в конкурсах на исполнение социального заказа, муниципального гранта, которые отражают конкретные потребности обществ. Такие заказы касаются распространения толерантных

¹¹ См.: Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2010 г. №1485-р.

настроений среди молодежи и профилактики ксенофобии, решения экологических проблем, развития информационного поля, адаптации переселенческих групп, помощи группам лиц с пониженными возможностями и нуждающимся в социальном патронаже.

Нет сомнений, что общий процесс стабилизации ситуации на Северном Кавказе в определенной мере связан с активным включением в общественные отношения национально-культурных организаций как институтов гражданского общества. Это обязывает власть, экспертное сообщество и сами организации «третьего сектора» к постоянному анализу ситуации в гражданском ассоциировании и к выработке общих позиций.

В этой связи целесообразным представляется создание в регионе координационного центра по содержательному, информационному, методическому обеспечению деятельности национально-культурных объединений. Деятельность такого центра оптимизирует сам процесс этнокультурного ассоциирования и включения его в общий гражданский процесс.

Можно надеяться, что национально-культурная институционализация будет способствовать не только сохранению традиции саморегуляции отношений этнических сообществ, но и смягчению вызовов модернизации социально-экономического и общественно-политического пространства СКФО.

Раздел 9. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИЙ: КРЕАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД

Стабилизация этнополитических и этнокультурных процессов осуществляется как в СКФО в целом, так и в его конкретных территориях. Это соответствует идее зон территориального развития, зафиксированной в Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г. Среди таких зон фаворитом является особо охраняемый эколого-курортный регион Кавказских Минеральных Вод (далее – КМВ) (около 900 400 чел.). Регион является территорией с уникальными лечебными и оздоровительными факторами, историко-архитектурными и культурными памятниками¹.

В целях сохранения природных свойств курортов КМВ Указом Президента Российской Федерации от 27 марта 1992 г. № 309 данной территории придан статус особо охраняемого эколого-курортного региона Российской Федерации, имеющего федеральное значение.

Действуют также Постановление Правительства РФ от 6 июля 1992 г. № 462 «Об особо охраняемом эколого-курортном регионе Российской Федерации – Кавказских Минеральных Водах», «Положение об особо охраняемом эколого-курортном регионе Российской Федерации – Кавказских Минеральных Водах», Постановление Правительства РФ от 29 декабря 1994 г. № 1430 «Об особой экономической зоне в границах особо охраняемого эколого-курортного региона Российской Федерации – Кавказских Минеральных Вод (с изменениями от 8 января 1998 г.), Указ Президента РФ от 7 сентября 1995 г. № 904 «О мерах по рациональному использованию природных минеральных лечебных ресурсов курортного региона Кавказских Минеральных Вод». Также принято Постановление Правительства РФ от 17.01.2006 г. № 14 «О признании курортов Ессентуки, Железноводск, Кисловодск и Пятигорск,

¹ Здесь и далее данные Всероссийской переписи населения 2002 г.

расположенных в Ставропольском крае, курортами федерального значения» и ряд других документов².

Уникальные рекреационные характеристики, широчайший спектр бальнеологических свойств и номенклатура источников составляют непререкаемые характеристики приоритета КМВ. По инициативе правительства Ставропольского края и администрации КМВ в связи с поручением Президента РФ В.В. Путина от 12 августа 2004 г. разработана «Стратегия социально-экономического развития эколого-курортного региона Кавказских Минеральных Вод до 2020 года». Также разработаны стратегии социально-экономического развития городов КМВ до 2020 г. – Пятигорска, Кисловодска, Железноводска. Все проекты предусматривают целевое развитие этнокультурной сферы и сферы межкультурного диалога с широким участием органов власти и управления, национально-культурных организаций, домов национальных культур и центров дружбы.

Регион КМВ отличает значительная *территориальная интеграция северокавказских сообществ*. КМВ объединяет территории Ставропольского края (58%), Карачаево-Черкесии (33%), Кабардино-Балкарии (9%) и является уникальным за счет включения в него сопредельных территорий трех субъектов Северного Кавказа. КМВ объединяют территории с гомогенным в этнокультурном плане населением, которое объединено историческими традициями взаимодействия. Несмотря на некоторые проблемы этого взаимодействия, население региона осознает свою общность, которая в большей степени проявляется в ставропольском сегменте КМВ. Вместе с тем жители сопредельных со Ставропольским краем республик – Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии-Алании – воспринимают КМВ как общее северокавказское и российское достояние³.

В состав КМВ входят: в Ставропольском крае – города Георгиевск, Минеральные Воды, Железноводск, Пятигорск, Ессентуки, Кисловодск, Лермонтов, районы Минераловодский, Георгиевский и Предгорный; в Кабардино-Балкарской Республике – Зольский

² См.: Информационный бюллетень. Нормативно-правовые акты. Законы. Указы. Постановления. № 2. Администрация особо охраняемого эколого-курортного региона РФ – КМВ. – Ессентуки, 2001.

³ Федеральный курортный регион: опыт и перспективы. 1992–2008 гг. Коллектив авторов. – Пятигорск: «Вестник Кавказа», 2009; Кавказские Минеральные Воды / Гл. ред. М. Тарунов. – М.: Научно-информационный издательский центр, 2003.

район; в Карачаево-Черкесской Республике – Малокарачаевский и Прикубанский районы.

Города КМВ Пятигорск, Кисловодск, Минеральные Воды, Железноводск, Ессентуки, Георгиевск (за исключением г. Лермонтов) своим образованием обязаны социально-экономическим и политическим процессам конца XIX – начала XX в. Складываясь как центры лечения и оздоровления, они отличались усиленным развитием ремесел, торговли, сферы обслуживания, сферы организации досуга. Эти отрасли по своей сути и социальному предназначению интернациональны и привлекают к участию представителей разных этнических групп. В социально-экономической структуре городов КМВ этническим сообществам предоставляются широкие возможности для осуществления этнокультурных интересов, а в широком плане – для эффективного межкультурного общения. В этой связи создаются широкие возможности для профилактики этнических противоречий, для формирования взаимных межгрупповых симпатий.

КМВ отличаются развитой городской инфраструктурой, разнообразной социальной палитрой, широким этнокультурным ландшафтом. Престиж дальнейшего развития КМВ связан с общими направлениями развития нового ФО в соответствии с целевыми федеральными программами, концепцией ЗТР – зон территориального развития. В городах КМВ сложился особый тренд городской жизни, которая сродни европейским курортам, что подтверждается расширяющимися возможностями для спорта, отдыха, развлечений, целевых и адресных программ релаксации и восстановления не только физического, но и душевного здоровья, эмоционального настроения. В этой связи перспективным является понимание региона КМВ не только как агломерации, но и как поликультурного полиса, в котором проявляются этнокультурные черты многих народов.

Города КМВ – курорты федерального, международного значения, центры досуга, отдыха, туризма, развлечений. Также очевидно их оригинальное историко-культурное наследие, культурный ценз которого имеет международное признание.

Для КМВ характерен *межэтнический и межкультурный диалог*. Регион характеризуется особым социокультурным обликом, отличается не только исключительными природно-климатическими, рекреационными характеристиками, но и самобытной поликультурной целостностью.

Цивилизационный облик КМВ составлен из культур многих народов и этнических групп, которые сложились в органичное

единство. В то же время этнический состав КМВ отличается пестротой, наличием множества этнокультурных сообществ, которые сохраняют этническое своеобразие и самобытность⁴. КМВ отражают общее разнообразие этнического состава Северного Кавказа, который исторически сложилось как полиэтничная и мультикультурная среда, что составляет существенный ресурс развития СКФО. Главными участниками межэтнического взаимодействия являются народы восточнославянской группы (белорусы, русские, украинцы), армянской группы (армяне), тюркской группы (азербайджанцы, балкарцы, карачаевцы, кумыки, ногайцы, туркмены, татары), нахско-дагестанской группы (аварцы, даргинцы, ингуши, лезгины, чеченцы), адыго-абхазской группы (абзины, адыгейцы, кабардинцы, черкесы), грузино-иберийской группы (грузины), иранской группы (осетины). Также на КМВ проживают ассирийцы, афганцы, болгары, греки, горские евреи, немцы, корейцы, поляки, таты, цыгане и др.

В городах и районах КМВ Ставропольского края по численности доминируют русские (78,6%). Следующие по численности украинцы (4,7 %) – города Железноводск, Лермонтов; армяне (7%) – города Георгиевск, Пятигорск, Кисловодск, Минеральные Воды; греки (3,4%) – город Ессентуки. В регионе КМВ также проживают: ногайцы – 0,53%, грузины – 0,41%, татары – 0,40%, немцы – 0,38%, осетины – 0,34%, даргинцы – 0,22%, чеченцы – 0,18%.

В регионе КМВ Ставропольского края русские (в том числе казачество) как основной по численности народ определяют этнокультурную ситуацию, являются активными участниками всех социально-экономических и политических процессов. Они включены в сложившуюся и обновляющуюся систему отношений как с горскими и степными народами региона, так и с многочисленными общинами, диаспорами, представляющими ближнее и дальнее зарубежье. Русская культура является реферирующей, доступной и составляет основу для формирования и утверждения общерегиональной и общероссийской идентичностей. В ландшафте русской культуры сообществом КМВ осознаются гражданственность, патриотизм, консерватизм, справедливость как традиционные основы социокультурной целостности сообщества.

⁴ Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. – М.: ОГИ, 2005.

Сложившиеся на КМВ этнические сообщества стремятся к полноправному участию во всем комплексе социально-экономических, этнокультурных отношений.

Для КМВ характерно *национально-культурное самоопределение граждан и этнокультурное ассоциирование*. На территории КМВ функционируют многочисленные и эффективные общественные миротворческие, национально-культурные организации, общественные организации фамилий и родов. Заметным участником регионального процесса выступает казачество, осуществляющее этнокультурное и этнополитическое структурирование. Здесь же осуществляется успешное позиционирование институтов Русской православной церкви, религиозные общины Духовного управления мусульман Ставропольского края, приходы Армянской апостольской церкви на Юге России, иудейские общины, католические приходы, общины буддистов, конфуцианцев, общины протестантов, лютеран, руководители которых также заметны в гуманитарном и общественном диалоге⁵.

В последние десять лет этнические группы КМВ демонстрируют важнейшую способность к самоорганизации. В районе зарегистрированы около 40 национально-культурных общественных организаций, в том числе организации абазин, азербайджанцев, армян, балкарцев, болгар, греков, грузин, евреев, карачаевцев, народов Дагестана, немцев, ногайцев, осетин, поляков, русских, татар, украинцев, черкесов, чеченцев и ингушей. Из НКОО и НКА 3 – региональные на КМВ, 1 – представительство краевого отделения российской организации. Также активно функционируют казачьи общества, социальные активисты которых заметны в экономических, социальных и политических отношениях. Казачество, имеющее на КМВ давние традиции взаимодействия с горскими народами и закавказскими диаспорами, обладает собственными ресурсами для межкультурного сотрудничества.

Выражение интересов этнических групп наиболее проявляется в культурно-просветительских инициативах. Центры и дома дружбы, центры национальных культур организуют межкультурное общение, укрепляют своей просветительской деятельностью пози-

⁵ Православные епархии Юга России в постсоветский период / Отв. ред. В.В. Черноус / Южнороссийское обозрение ЦСРИИП ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 49. – Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008.

тивные этнокультурные стереотипы. При том что взаимные представления народов иногда отличаются заблуждениями и негативными образами, межкультурное общение является социально необходимым и политически значимым.

Социальное творчество этнических организаций нашло, в частности, выражение в деятельности культурно-просветительского Центра «Дружба», созданного по инициативе администрации г. Кисловодска в 1991 г. Задачи Центра: объединение представителей всех этнических групп города на основе взаимоуважения и сотрудничества. Также это: предоставление возможностей каждой этнической группе сохранять и приумножать уникальные традиции; нахождение точек соприкосновения различных культур; изучение и передача молодежи этнических традиций, обычаев, обрядов. Главной стратегической целью деятельности Центра является профилактика межэтнических конфликтов, поддержание мира и согласия в многонациональном городе. При непосредственной консультативной и организационной помощи Центра в Кисловодске созданы национально-культурные организации: армянская «Крунк», грузинская «Иверия», карачаевская «Алан», славянская «Славяне», осетинская «Иристон», греческая «Патрида», абазинская «Абазашта», народов Дагестана «Дагестан» и другие, а также Кисловодский отдел Терского казачьего войска и др.

В соответствии с расширением поля деятельности и по просьбе представителей национальных землячеств Центру присвоен новый статус – статус муниципального учреждения при администрации г. Кисловодска. Новый устав актуализировал такие цели деятельности: развитие межнациональных связей, основных направлений национальной и региональной политики; объединение городских национальных и религиозных общин; содействие развитию и приумножению национальной культуры, их взаимодействию и интегрированию; воспитание молодежи в духе интернационализма, терпимости, этнической лояльности; реализация основных направлений государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе.

В 2005 – 2010 гг. Центр «Дружба» активизировал свою деятельность по укреплению межэтнического согласия. При этом учитываются особенности этнического портрета этнических групп, специфика этносоциальных факторов Кисловодска и КМВ в целом. В Центре постоянно проводятся консультативные встречи и беседы, в ходе которых налаживаются и укрепляются связи между этниче-

скими сообществами и национально-культурными общинами, такими как адыгская, армянская, абазинская, греческая, грузинская, славянская, карачаевская, черкесская, народов Дагестана и др.

На определенном этапе национально-культурные организации объединились в общественную организацию «Союз национальных общественных организаций г. Кисловодска «Содружество», который имеет большой опыт взаимодействия с органами власти и управления на уровне города, КМВ и Ставропольского края. Также в Кисловодске действует Кавминводский региональный центр миротворчества, конфликтологии и общественного развития «Дружба – Северный Кавказ». Центр нацелен на оптимизацию процесса национально-культурного самоопределения с учетом таких характеристик, как: а) этносоциальный и этнопсихологический портрет этносов и этнических групп; б) типы и характеристики конкретных этнокультурных организаций; в) социально-экономические, этнопрофессиональные показатели этнических организмов; г) правовые и политические проблемы межнациональных отношений; д) этнический фактор в демографической ситуации и в миграционном притоке. Центр занимается широким проектированием в сфере межкультурного взаимодействия, профилактикой межэтнических противоречий.

В административном центре СКФО – Пятигорске действует Пятигорский дом национальных культур, организованный на базе Пятигорского дома дружбы, унаследовавшего традиции интернационализма еще с советских времен. В Доме национальных культур осуществляется межкультурное общение этнических общин Пятигорья в широком просветительском, гуманитарном аспекте. В Доме национальных культур празднуются государственные, религиозные, краевые и городские праздники, также проводятся дни культур разных народов с участием национально-культурных организаций, работников органов власти и управления, СМИ, экспертов.

Для КМВ характерна *эффективная практика управления этническими отношениями*. Практическая работа национально-культурных организаций позволяет поддерживать в районе КМВ эффективные межэтнические отношения на основе соотнесения интересов этносов и этнических групп. Активизация деятельности национально-культурных объединений, казачества и других общественных организаций КМВ вызвала необходимость координации всех усилий для достижения главной цели –

укрепления дружеских связей между народами, сохранения их историко-культурного наследия, а также целостной этносферы Северного Кавказа.

Для решения этих задач постановлением администрации КМВ в 2000 г. был создан Совет старейшин национальных общин, казачества и общественных организаций при администрации КМВ как постоянно действующий совещательный орган, образованный из руководителей национальных общин, казачества и общественных организаций региона. Основная цель Совета старейшин – содействие администрации КМВ в деле единения народов, укрепления мира и согласия, урегулирования национальных конфликтов, укрепления дружеских связей между народами, возрождения духовности народов, сохранения историко-культурного наследия, охраны окружающей среды и в подготовке и проведении региональных традиционных праздников.

КМВ отличаются опробованными в практике общественных отношений межкультурными взаимодействиями, которые воплощаются в рамках сотрудничества институтов гражданского общества. Здесь функционируют советы старейшин, общественные советы, дома и центры национальных культур, Миротворческая миссия на Северном Кавказе им. генерала А.Лебеда, проводятся фестивали городов России на КМВ, публичные слушания комиссии Общественной палаты РФ по межнациональным отношениям и свободе совести, гражданские форумы, международные конгрессы «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: Кавказ – Россия – мировое сообщество» и др. Также в регионе КМВ проводятся такие мероприятия и акции, как «Кросс наций», «Славянские игры», «Кавказские игры», «Казачьи игры», «День казачки», «Дети Кавказа – за мир на Кавказе», «Лирика дружбы» и др.

В 2010 г. под Пятигорском был проведен Всекавказский молодежный лагерь «Машук-2010», который является первым масштабным мероприятием молодежной политики аппарата полномочного представителя Президента РФ в РФ. Этот лагерь продолжает традиции молодежного лагеря «Селигер», а также совместных лагерей православной и мусульманской молодежи, которые состоялись в 2009 и 2010 гг. в Ставропольском крае и Карачаево-Черкесии по инициативе главы Ставропольской и Владикавказской епархии – архиепископа Феофана и председателя Координационного совета мусульман Северного Кавказа – Исмаила-хаджи Бердиева.

В общественном ландшафте КМВ выделяются эффективные формы профилактики этнической напряженности, посредством сотрудничества органов государственной власти, местного самоуправления и национально-культурных объединений; посредством участия этнических сообществ и национально-культурных объединений в упрочении межгосударственных связей и побратимских связей⁶.

Представители дагестанской, осетинской, кабардинской, карачаевской, черкесской и других общин принимают участие в проведении дней экономик и культур республик Северного Кавказа в Ставропольском крае, а также дней экономики Ставрополя в соответствующих республиках. Представители азербайджанской, армянской, болгарской, греческой, грузинской, еврейской, немецкой, польской, туркменской, украинской общин вовлечены в процесс международного общения с соответствующими государствами.

Текущие условия реализации интересов, культурно-исторические, естественно-общественные факторы взаимоотношений между этническими группами КМВ обусловили особый социальный климат региона как миротворческий. Он отличается взаимной заинтересованностью, взаимовыгодным сотрудничеством этнических групп, поддержанием определенной стабильности межэтнических и этноконфессиональных отношений. Миротворчество как принцип и механизм социального диалога чрезвычайно важно, так как отношения этнических групп КМВ отягощены общими северокавказскими этнополитическими рисками терроризма, религиозного экстремизма, кавказофобии, «залповой» этнической миграции и др. В 2000–2010 гг. произошли масштабные террористические акты в Кисловодске-Ессентуках («взорванная электричка»), в Пятигорске («взрыв на вокзале», «взрыв на рынке», «взрыв кафе»), в Минеральных Водах («взрыв на рынке»), которые не только повлекли за собой человеческие жертвы, но усилили межгрупповую напряженность.

Межэтнические и этноконфессиональные отношения на КМВ отражают общие проблемы Северо-Кавказского региона и в то же время иллюстрируют возможности практического миротворчества,

⁶ Аствацатурова М.А. Управление в полиэтничном регионе: современное состояние и перспективы // Университетские чтения 2009. – Пятигорск: ПГЛУ, 2009. – С. 179-185.

реализуемые в конкретных моделях совместной жизнедеятельности, совместного социального творчества. В регионе КМВ сложились *модели практического миротворчества*, среди которых представляется возможным выделить несколько наиболее эффективных.

Модель 1. Акции

Деятельность: проведение традиционных целевых мероприятий, в частности фестивали детского творчества: Детский Северо-Кавказский фестиваль «Кавказ – наш общий дом», «Дети Кавказа – за мир на Кавказе». Фестивали творческой интеллигенции и молодых художников, «Лира дружбы», «Возьмемся за руки, друзья», фестивали народной материальной культуры «Национальная кухня», Симпозиум «Мир на Северном Кавказе через языки, образование культуру», «Дети разных народов, мы мечтаю о мире живем», «Дети мира – будущему тысячелетию», «Голосуем за мир», «Мир Кавказу», фестивали «Осень Ставрополья», краевые фестивали славянской культуры, «Славянские игры», «Спортивные игры народов Северного Кавказа», «Казачьему роду нет переводу».

Цели: воспитание молодежи в духе гражданского самосознания, общероссийского патриотизма, этнической толерантности; разработка этноисторического, этнокультурного и этнополитического аспектов становления и функционирования региона; популяризация ценностей традиционной материальной культуры и обрядности народов региона; распространение идей миротворчества в сфере межкультурной коммуникации.

Характер: массовость, эмоциональность, развлекательный характер, просветительская и образовательная направленность, доступность широкому кругу населения.

Участники: учащиеся школ, члены детских творческих коллективов и спортивных организаций; студенчество Северо-Кавказского региона; творческая и научная интеллигенция; члены национально-культурных общин Ставропольского края, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик, представители СМИ; представители органов государственной власти и местного самоуправления.

Результат: проведение культурно-массовых мероприятий, повышение уровня социализации молодежи, развитие коммуника-

ции между различными статусными, половозрастными, этнокультурными группами.

Модель 2. Функционирование домов национальных культур и центров дружбы

Деятельность: взаимодействие национально-культурных общин, религиозных, культурно-просветительских организаций; осуществление интернациональных и побратимских связей с государствами ближнего и дальнего зарубежья; празднование общероссийских, региональных и местных памятных дней и праздников; проведение дней национальных культур, юбилеев, презентаций, организация выставок и экспозиций, концертов.

Цели: содействие сохранению и развитию традиционной культуры и обычаев этнических групп и казачества; развитие эффективного диалога между диаспорами, национально-культурными организациями; реализация механизма взаимодействия институтов гражданского общества с органами государственной власти и управления.

Характер: культурно-просветительская и образовательная направленность, адресность, информационность.

Участники: руководители и члены национально-культурных объединений, этноконфессиональные лидеры, эксперты в сфере этнополитических процессов и межэтнических отношений, работники органов власти и местного самоуправления, студенчество региона КМВ, в том числе иностранные студенты, представители СМИ.

Результат: повышение профессионализма деятельности общественных организаций, приобретение навыков совместной работы общественных организаций в целях миротворчества, нахождение компромиссов в процессе взаимодействия структур государственной власти, местного самоуправления и институтов гражданского общества, расширение коммуникативного пространства.

Модель 3. Учреждение межэтнических советов, «круглых столов» и общественно-депутатских комиссий по вопросам межэтнических отношений

Цели: упрочение межэтнических отношений, профилактика межэтнической напряженности, урегулирование конфликтных ситуаций, защита прав и свобод человека и гражданина, распространение идей толерантности, поддержка институтов гражданского общества в регионе КМВ.

Характер: научная обоснованность, аналитичность, презентационность, коммуникационность, информационность, образовательно- и культурно-просветительский характер.

Деятельность: проведение мониторинга межэтнических и этноконфессиональных отношений; сотрудничество с Общественной палатой РФ, Ассамблеей народов РФ, с Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, Миротворческой миссией на Северном Кавказе им. генерала А. Лебеда, с Южнороссийским ресурсным центром, с Кавказским форумом НПО, с Южнороссийским научным центром РАН. Также это: проведение просветительских и информационно-методических семинаров для представителей институтов гражданского общества, руководителей и членов национально-культурных объединений и казачества; работников государственной власти и местного самоуправления и работников СМИ; участие в подготовке и реализации «*Основных направлений национальной и региональной политики*» и «*Комплексной программы гармонизации межэтнических отношений в Ставропольском крае на 2000–2005 гг.*», среднесрочной «*Программы развития этносоциальных и этноконфессиональных отношений в Ставропольском крае на 2007–2010 гг.*»; «*Основных направлений реализации в Ставропольском крае государственной национальной политики на 2011–2015 гг.*».

Участники: государственные и муниципальные служащие, руководители и члены национально-культурных объединений, научные эксперты, преподаватели, студенты, журналисты.

Результат: реализация миротворческих и культурных проектов, в частности конференций «*Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти, гражданского общества*», «*Разработка эффективных механизмов интеграции беженцев и вынужденных переселенцев на Северном Кавказе*»; проекты: «*Мир нам и нашим детям*», «*Первый шаг к взаимопониманию*», «*Народы Северного Кавказа: взаимопонимание и взаимодействие*», «*Профессионалы – за мир на Северном Кавказе*», «*Консолидация усилий общественных организаций для профилактики и предотвращения этнических конфликтов в регионе Кавказских Минеральных Вод*» и др.⁷

⁷ Аствацатурова М.А. Роль этнических общин и диаспор в развитии Юга России // Современное состояние и сценарии развития Юга России. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006.

В регионе КМВ действует система мониторинга, предупреждения и урегулирования этнических противоречий, которая базируется на вертикальных и горизонтальных взаимодействиях между органами власти, местного самоуправления, институтами гражданского общества и экспертным сообществом. Проективный подход позволяет разрабатывать теоретические и практико-прикладные проблемы этнологического, этнополитологического и этноконфликтологического знания; воссоздавать событийный ряд ситуаций предконфликтной напряженности, конфликта и постконфликтного урегулирования; выделять позитивные примеры и распространять практики разрешения конфликтных ситуаций, эффективные методы управления в сфере этнических отношений.

Сложившиеся модели позволяют активизировать деятельность структур гражданского общества в направлениях миротворчества, добровольчества, благотворительности, способствуют их сотрудничеству, взаимному обмену информацией. Важнейшим направлением функционирования данных моделей является приобретение общественными объединениями навыков взаимодействия с органами государственной власти, местного самоуправления, СМИ, институтом уполномоченного по правам человека, ресурсными центрами поддержки общественных инициатив и т.д.

Особое внимание уделяется молодежи, которая привлекается к значимым миротворческим акциям в соответствии с традицией добровольчества (волонтерства). Волонтерство получило развитие в крае с помощью Южнороссийского ресурсного центра (Краснодар), Ставропольского регионального ресурсного центра (Ставрополь), Пятигорского центра поддержки общественных инициатив, Пятигорского института социальных инициатив (Пятигорск) и других общественных организаций.

Серьезный вклад в поддержание стабильности межэтнических отношений вносят «круглые столы»: «Роль национально-культурных общин в обеспечении стабильности, взаимопонимания и уважения между народами Северного Кавказа», «Через культуру к гармонизации межнациональных отношений»; «Кавказ – наш общий дом», «Нам вместе жить»; научно-практические конференции: «Этнические конфликты», «Экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения», «Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества». «Этнокультурный бренд Северо-Кавказского региона» и др.

С участием работников властных структур, структур местного самоуправления и национально-культурных объединений на КМВ проходят информационно-просветительские семинары: «Молодежь за мир на Северном Кавказе», «Первый шаг к взаимопониманию», «Молодежные и общественные объединения КМВ и КЧР: контакты и взаимодействия»; «Европа и Кавказ: мосты взаимопонимания», «СМИ: этнокультурные образы и этнополитические сюжеты как объекты профессионального интереса» и др. В мероприятиях принимают участие делегации из Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Дагестана, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии-Алании, Ингушетии, Чечни, Калмыкии, Волгоградской, Астраханской и Ростовской областей, Краснодарского края. В 2003–2004 гг. по согласованию с Советом по экономической и общественной безопасности Ставропольского края при поддержке Европейского союза регион КМВ стал базовой территорией для реализации в крае проекта ТАСИС «Улучшение межэтнических отношений и развитие толерантности в России»⁸.

Участники акций обмениваются опытом распространения настроений терпимости, взаимопонимания, широкого общественного компромисса. Эти социальные навыки необходимы для распространения общих ценностей и ориентиров – гражданской консолидации, регионального социального оптимизма, российского патриотизма⁹.

Как видно, регион КМВ предоставляет широкие возможности для реализации оригинального бренда. Здесь важно отметить, что в системе разнонаправленных действий по консолидации российского общества и упрочению российской идентичности как полиэтничной и многокультурной выделяется такое инновационное направление, как *этнокультурный брендинг территорий*.

Этнокультурный брендинг региона КМВ может осуществляться на основе сложившегося взаимодействия власти, общества, бизнеса, в котором активно проявляется «третий сектор» – обще-

⁸ Развитие и поддержка диалоговых механизмов между властью и гражданским обществом: Информационный бюллетень / Отв. ред. М.А. Аствацатурова. – Ростов-н/Д–Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2004.

⁹ Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Материалы международного «круглого стола» (Ставрополь, 2 октября 2006 г.). – Ростов-н/Д: ЮНЦ РАН, 2007; Гражданская идентичность и патриотическое воспитание в полиэтничном регионе. – Ставрополь–Ростов-н/Д: ЮНЦ РАН, 2007.

ственные организации – правозащитные, ветеранские, женские, благотворительные, организации мигрантов, инвалидов, молодежи.

При разработке бренда территорий крайне важно выделить в первую очередь социальные составляющие. Применительно к региону КМВ выделяются три группы элементов:

- предприимчивость, коммуникация, транспортные узлы, инфраструктура бизнеса и предпринимательства, этнопрофессионализм,
- исследования, диагностика, лечение, восстановление, профилактика, релаксация,
- развлечения, досуг, спорт, хобби, путешествия.

Новым направлением этнокультурного бренда на КМВ является *этнокультурный туризм*, который включает: участие в праздниках, фестивалях, акциях «День казачки», «Казачьи игры», «Национальные подворья», «Кросс наций»; посещение храмов, музеев, мемориалов, а также праздников в домах национальных культур, акций побратимских связей с городами США, Германии, Болгарии, Израиля, Греции и др. К услугам гостей курортов КМВ – развитая сфера сувенирной промышленности, изделий *hand made*¹⁰, которые можно приобрести не только на импровизированных рынках, но и в «этношопах».

Немаловажной приметой бренда КМВ как бренда этнокультурного диалога является возможность дегустации местных вин, блюд национальной кухни, которая представляется весьма экзотичной для жителей средней полосы России, Урала, Сибири, а также гостей из зарубежья. В этом плане весьма типичны названия ресторанов, кафе, магазинов, которые отражают историческую, этнокультурную специфику региона: «Русский двор», «Чайная», «Самовар», «Киликия», «Веста», «Феб», «Наири», «Кавказский дворик», «Эрфольг», «Осетинские пироги», «Ресторан Казачий», «Айсор», «Олимпия», «Понтос», «Родос», «Мимино», «Иверия», «Старый Баку», «Беречет» и др.

Вместе с тем вывески демонстрируют приверженность региона российскому и европейскому культурному пространству, проникновению на КМВ «этикеток» мировых традиций и брендов быта, отдыха, досуга, услуг, торговли, например: «Арбат», «Эрми-

¹⁰ Изделия ручной работы.

таж», «Ностальжи», «Камелот», «Санта-Фе», «Суши-бар», «Китайский ресторан», «Восточный экспресс», «Вавилон», «Дон Капучино», «Окно в Париж», «Рим», «Юлий Цезарь», «Рив Гош», «Ильде-Боте», «Паоло Конте» и др.

Контрапунктами бренда КМВ с успехом могут выступать комфорт, благоприятное самочувствие, хорошее настроение, реализующиеся в самобытном этнокультурном пространстве. Миссией региона КМВ являются не только услуги санаторно-курортного комплекса, но и услуги поддержания и развития богатой культурной традиции русской и российской культуры как диалоговой культуры разных народов. Сами природно-климатические факторы, а также курортно-развлекательная атмосфера рождает предпосылки для оптимизма, социальной уверенности, взаимного интереса и уважения, а также для взаимных симпатий. Пребывание «на Водах» предполагает физическое и духовное отдохновение, моральный и нравственный «релакс», достижение эмоционального равновесия, а также развитие патриотических чувств как чувств гордости за Отечество, за Российское государство и российскую нацию.

Потребителями бренда КМВ на современном этапе являются не только граждане РФ. В организации этнокультурного, ностальгического, культурно-ознакомительного, экологического, корпоративного туризма и отдыха заинтересованы широкие новые слои и круги как граждан РФ, так и зарубежных стран. Это руководители и представители министерств, ведомств, комитетов, общественных организаций, общественных движений, диаспор, религиозных конфессий.

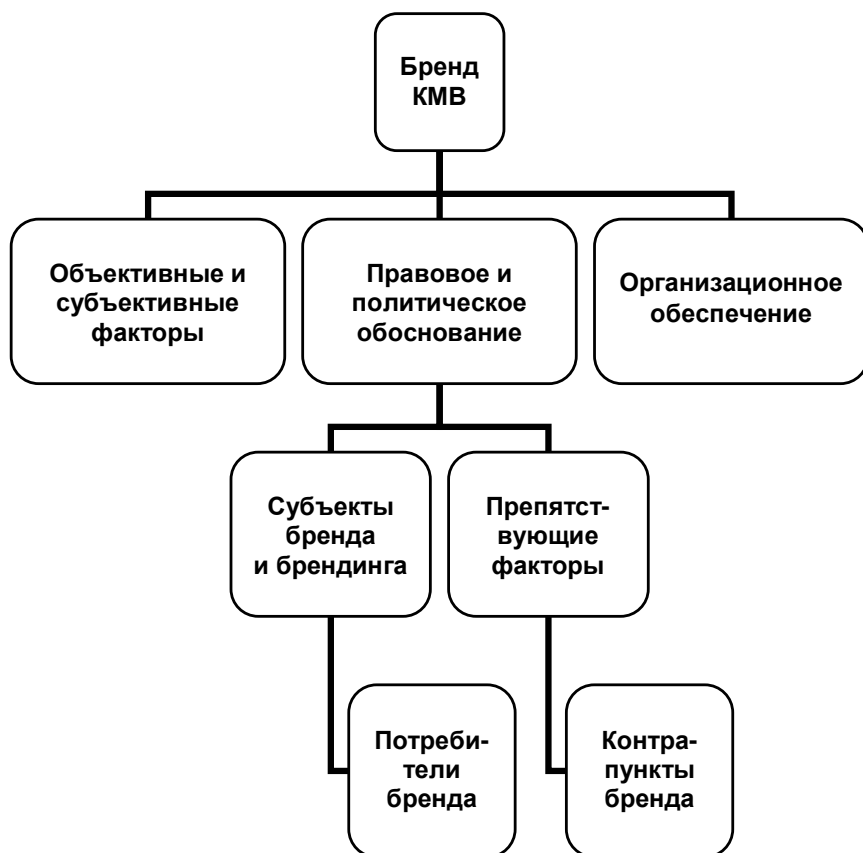
В целом брендинг КМВ целесообразно осуществлять в рамках схемы 1 (с. 154).

Развитие этнокультурного бренда особенно актуально для полиэтничного СКФО, который обладает социокультурной гомогенностью и вместе с тем выраженным этнокультурным разнообразием. Положительный образ и привлекательный имидж Северного Кавказа крайне важен в системе общественно-политических отношений России, что неоднократно отмечалось первыми лицами политического истеблишмента российского общества. Инновационным направлением такого социального роста в СКФО является поиск и популяризация во внутрироссийском и международном масштабе эффективного бренда региона как территории безопасности, благополучия и социальных перспектив.

Концентрация и популяризация положительного образа Северного Кавказа чрезвычайно важны в общем процессе осознания единства «трех карт – физической, административно-государственной и этнической», что отмечает В.А. Тишков, выделяя основы российского национального единства¹¹.

Схема 1.

Основные направления брендинга КМВ



¹¹ Тишков В.А. Три карты: физическая, административно-государственная и этническая // Этнопанорама. 2009. № 1-4. – С. 2-8.

Значение бренда региона актуализируется в связи с образование Северо-Кавказского федерального округа с административным центром в г. Пятигорске¹². Образование нового федерального округа соответствует идее популяризации бренда Северного Кавказа как безопасной территории с привлекательными социальными горизонтами и перспективными социокультурными проектами. Также идея разработки и популяризации бренда Северного Кавказа и его отдельных территорий в полной мере дополняет идеологические и операциональные принципы государственной национальной политики РФ, направленной на сохранение этнокультурного наследия народов России.

На современном этапе очевидны новые возможности для оптимизации в общественном сознании таких составляющих бренда региона, как полиэтничность, поликультурность, поликонфессиональность. В сочетании они позволяют сформулировать такой брендовый слоган, как *интегративный этнокультурный диалог*. Этот бренд в полной мере соответствует историко-политическим реалиям развития региона, в котором исторически достигнута общность исторического прошлого и настоящего населяющих его народов. Здесь достигнут высокий уровень взаимодействия всех субъектов этносферы, каждый из которых осознаёт свое место и роль в общественных отношениях, но вместе с тем и отстаивает это место в конкурентных условиях. Этнокультурное разнообразие составляет необходимое условие социокультурной целостности Северного Кавказа, которая базируется, в том числе, и на осознании жителями региона общности исторических судеб.

Бренд этнокультурного диалога как нельзя лучше включается в общие технологии и механизмы стабилизации этнополитических процессов и снижения межгрупповой напряженности. С учетом этих факторов важен не только определенный уровень человеческой безопасности, но и определенный уровень общественного согласия по поводу мирного и динамичного развития региона.

Успех бренда этнокультурного диалога может быть обеспечен ростом гражданских, патриотических настроений. На базе ресур-

¹² Указ Президента РФ от 19.01.2010 № 82 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 и в Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти».

сов Северо-Кавказского региона представляется необходимым развитие *идеи гражданского единства* жителей СКФО как граждан РФ. В то же время идея сохранения этнокультурного разнообразия и своеобразности, которая традиционно близка региону, является привлекательной и эмоционально значимой для населения нового ФО.

Вместе с тем в сфере межкультурного диалога в регионе КМВ и в целом в СКФО имеет место ряд проблем, которые проявились в ходе реализации отмеченных моделей:

- недооценка миротворческих возможностей неправительственных, некоммерческих и национально-культурных объединений со стороны органов местного самоуправления;
- несогласованность действий институтов гражданского общества, конкуренция между общественными объединениями, оторванность национально-культурных объединений от основной массы этнической группы;
- эпизодичность реагирования на этническую напряженность, недооценка проявлений бытового национализма и ксенофобии со стороны государства и общества;
- недостаточность оперативной информированности органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений о текущей ситуации в сфере межэтнических и этноконфессиональных отношений.

В регионе существуют локальные противоречия между группами молодежи (армянской, греческой, кабардинской, карачаевской, русской, чеченской), между группами, представляющими казачество и неславянские этнические сообщества. Отмечается провоцирующее поведение молодежи, которая стремится обозначить свое присутствие и позиционирует себя путем демонстративной презентации этничности. На КМВ в условиях экономического и финансового кризиса обострилась конкуренция между этническими группами за доступ к собственности, к значимым позициям в экономико-хозяйственном комплексе, доступ к власти, к механизмам формирования общественной поддержки и общественного признания.

Необходимость поддержания тенденции устойчивого развития и межкультурного взаимодействия на КМВ обусловлена общей

ситуацией этнических отношений и этнополитических процессов на Северном Кавказе, которые далеко не безупречны и отмечены скрытым и явным конфликтогенным потенциалом¹³. В этой связи эффективным представляется более активное позиционирование администрации КМВ в отношении особого статуса и особой территории КМВ как зоны территориального развития всех культур, удовлетворения интересов всех этнических сообществ.

Целесообразным является формирование общественного дискурса в отношении основ, перспектив и приоритетов единства сообщества КМВ как мультикультурного и поликонфессионального. В этом особая роль должна принадлежать СМИ и электронным информационным источникам. Продуктивным является расширение системы широких социальных связей и обмен делегациями с республиками Северного Кавказа. Действенной может быть разработка и принятие региональной программы адаптации и интеграции мигрантов из субъектов РФ СКФО и стран Южного Кавказа с учетом миграционной емкости КМВ, а также социальных интересов и этнокультурного самочувствия местного населения. Целесообразным является повышение роли администрации КМВ и органов МСУ в расширении системы миротворчества при взаимодействии с институтами гражданского общества, с национально-культурными общественными объединениями и с международным сообществом.

Эти направления общей работы органов власти, управления и общества служат упрочению этнического взаимодействия, межкультурного диалога во благо общероссийских и общечеловеческих ценностей.

Заинтересованность в добром имени региона проявляется в общественных настроениях, коллективных ориентирах жителей различных субъектов Северного Кавказа, которые вместе с тем демонстрируют опасения перед экстремистскими идеями, радикальными движениями, проявлениями бытового национализма и ксенофобии. Важнейшей составляющей бренда Северного Кавказа является традиция миротворчества, которая имеет выраженный гуманитарный и гуманистический характер и объединяет усилия

¹³ Экспертные оценки конфликтогенных процессов на Юге России. Информационно-аналитические материалы Игнатов В.Г. и др. – Ростов/нД – Горячий ключ: Изд-во СКАГС, 2006.

органов власти, местного самоуправления, институтов гражданского общества.

Акцентирование положительных и привлекательных сторон северокавказского сообщества имеет не только общее социокультурное, но и общественно-политическое значение. Положительный бренд региона способствует выходу местных сообществ из ситуации этнополитической стагнации. В этой связи необходим не только нацеленный брендинг, но и *ребрендинг* как трансформация устоявшихся стереотипов и поиск новых эффективных символов, которые могут найти отклик в общественном мнении и в общественных эмоциях.

Этнокультурный брендинг как популяризация положительных этнокультурных характеристик и самобытных черт регионального сообщества предоставляет широкие возможности для стимулирования межкультурного обмена, развития традиций взаимодействия, популяризации практики миротворчества, что особенно важно для поддержания социального мира на Северном Кавказе.

Раздел 10. **СТОЛИЦА НОВОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА – ПЯТИГОРСК**

Современная динамика развития российского общества, процессы модернизации в СКФО активизируют деятельность и инициативу местных сообществ. В этом процессе важнейшая роль принадлежит городам, которые являются структурной основой преобразований, реализации диалоговых практик, экспериментальными площадками общественных компромиссов.

Глобальная и локальная роли городов актуализируются на этапе формирования информационного общества. Города предоставляют широкие возможности для социального творчества и инициатив. В то же время городская среда отличается сравнительно частыми проявлениями агрессии, жестокости, поляризации интересов и образованием групп противостояния и даже вражды. Подобные группы могут возникать на базе идентичностей, в том числе этнической или конфессиональной, которые при определенных условиях могут становиться фактором усиления межгрупповых противоречий и развязывания конфликтов. Но с другой стороны, весьма значима роль городов в достижении межкультурного согласия, поскольку именно города способствуют распространению современных форм плюрализма.

Свою роль в консолидации общества играют города СКФО, которые исторически складывались как комплексные многообразные социумы. Для предкавказских городов на этапе их образования и становления типичными функциями были военно-административные функции, которые обуславливались процессом включения Северо-Кавказского региона в политико-правовое пространство России. Однако уже на начальном этапе становления эти города выполняли объединительную роль для местных сообществ. Города Северного Кавказа изначально формировались как полиэтничные и мультикультурные с участием таких основных субъектов межэтнических отношений, как местное население (горские северокавказские народы), славянское население (казачество и крестьянство, переселившееся само и переселенное в регион государством), многочисленные этнические группы (диаспоры). Результатом совместной социализации в городских коллективах стало уникальное сообщество народов, языков и религий. Эта уникальность

получила развитие в последующие периоды и на современном этапе приобрела новое содержание и новые формы. В этой связи значимой является проблема участия городов в гражданской консолидации населения в ходе распространения общероссийских ценностей и сохранения этнокультурной уникальности. Существенные ресурсы, как и реализованные возможности, и широкие перспективы имеют для этого города особо охраняемого эколого-курортного региона РФ – Кавказских Минеральных Вод.

Среди городов КМВ выделяется Пятигорск, который отличается выраженной поступательной динамикой развития. 20 января 2010 г. Пятигорск стал административным центром СКФО.

При всей кажущейся экстравагантности, такой проект имел право на существование, так как соответствовал искомой роли в геополитической и этнополитической системе региона. Еще в 1918 г. в Пятигорске был проведен II съезд народов Терека, на котором была провозглашена советская власть в Терской области и приняты Основные положения по управлению Терским краем – Пятигорская конституция Терской Республики. Тогда же был принят Закон о социализации земли. В период гражданской войны (1918 г.) в Пятигорске располагался ЦИК Северо-Кавказской советской республики. Следует напомнить, что в 1930-е гг. Пятигорск являлся административным центром Северо-Кавказского края, в состав которого входили Дагестанская АССР, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Чеченская, Ингушская, Карачаевская и Черкесская автономные области, а также территории современного Ставропольского края. Таким образом, город, который сегодня известен как общероссийский курорт и культурный центр, известен также и как город с политическими и административными амбициями северокавказского масштаба.

Пятигорск по многим параметрам является лидером предкавказских городов с давними традициями этнокультурной интеграции. В 2010 г. город отметил свое 230-летие, в связи с чем важно подчеркнуть приоритетные «пятигорские факторы».

Фактор безопасности, очевидно, был одним из важнейших при решении о выборе столицы федерального округа. Нынешняя ситуация в Пятигорске, безусловно, зависит от той, которая имеет место в целом по Северо-Кавказскому региону. Вместе с тем в этом городе более всего заметны тенденции стабилизации и снижению конфликтогенного потенциала. При этом, конечно, невозможно не учитывать, что новые функции города могут привлекать

большее внимание со стороны экстремистских сил. В ситуации сохранения и осуществления террористической угрозы (взрыв на проспекте Кирова в августе 2010 г.) вопрос безопасности приобрел еще большую политическую значимость. Безопасность – это не только мирная жизнь, но и инвестиционная привлекательность города-курорта.

Фактор уникальности определяется выгодным географическим и геополитическим положением города, который расположен в центре региона КМВ, в непосредственной близости от Северной Осетии-Алании, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии. Уникальные рекреационные характеристики, широчайший спектр бальнеологических свойств и номенклатура источников составляют непререкаемый приоритет Пятигорска. Также в составе успешных характеристик и уникальное историческое наследие, культурный ценз которого имеет международное признание.

Фактор престижа определяется статусом курорта федерального значения, а также развитой городской инфраструктурой, разнообразной социальной палитрой, широким этнокультурным ландшафтом. Престиж дальнейшего развития города связан с общими направлениями развития Юга России и нового ФО в соответствии с целевыми федеральными программами, концепцией «точек роста», стратегией «зон территориального развития».

Пятигорск является вторым по численности населения городом Ставропольского края после Ставрополя. В состав муниципального образования Пятигорск входят поселки Горячеводский, Нижнеподкумский, Средний Подкумок, Свободы, село Привольное и село Золотушка, станица Константиновская. Общее число улиц – более 560, количество жилых домов – более 23 тыс. Если по результатам Всероссийской переписи 2002 г. в Пятигорске было зафиксировано 204,4 тыс. чел., то в 2010 г. – не менее 210 тыс. чел. Из общего количества жителей около 50 тыс. чел. составляет молодежь. В городе расположено 30 санаторно-курортных учреждений, 16 вузов и филиалов, множество учреждений культуры, развита сеть услуг, бизнеса и предпринимательства, площадок коммуникаций, досуга и развлечений. Это огромное хозяйство в условиях нового статуса требует особого надзора и тщательной профилактики проявлений ксенофобии и экстремизма.

В городе действуют более 20 общественных организаций, среди которых выделяются правозащитные, национально-культурные, ветеранские, инвалидов, женские, благотворительные, мигрант-

ские, миротворческие, молодежные. В городе функционируют Пятигорское отделение Южного российского ресурсного центра, Институт социальных перспектив, Миротворческая миссия им. генерала А. Лебеда на Северном Кавказе, множество творческих объединений. В городе действует Северо-Кавказское отделение Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.

Существенный вклад в развитие городского сообщества вносят вузы города – Пятигорский государственный лингвистический университет, Пятигорский государственный технологический университет, Северо-Кавказский институт (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и др. В Пятигорске проводятся масштабные научные, общественно-политические конференции, форумы, конгрессы, фестивали. Также развито движение молодых волонтеров, которые участвуют в миротворчестве, благотворительности, работают с определенными категориями горожан – дети, инвалиды, ветераны, пенсионеры.

Пятигорск является городом с многонациональным населением, этноконфессиональным разнообразием. В городе проживают приверженцы разных религий, прежде всего православия. Христианство представлено также армянским апостольским канонем, католичеством, лютеранством.

В Пятигорске несколько приходов Ставропольской и Владикавказской епархии Русской православной церкви, армянская апостольская церковь Сурб Саргис, мечеть Духовного управления мусульман Ставрополя, костёл римско-католической церкви, синагога и др.

В Пятигорске действуют около 15 национально-культурных общественных организаций адыгов (адыгейцы, абазины, кабардинцы, черкесы), армян (НКА, региональное отделение Союза армян России), болгар, греков, евреев, карачаевцев, немцев (НКА), народов Дагестана (региональная КМВ), осетин, поляков (региональная – КМВ), русских, татар, украинцев, чеченцев и ингушей. Заметную роль в общественных отношениях играет казачество – Горячеводский отдел Терского казачьего войскового общества.

Эти обстоятельства предполагают постоянное внимание органов МСУ к такой сложной и деликатной сфере городской жизни, как этнические отношения. Так, органы МСУ г. Пятигорска имеют возможность руководствоваться такими документами, как «Устав

Ставропольского края 1994 г.» в редакции 2002 г., и законами Ставропольского края: «О местном самоуправлении в Ставропольском крае» 2005 г., «О мерах по пресечению незаконной миграции в Ставропольский край» 2002 г., «О казачестве в Ставропольском крае» 2002 г.

Устав муниципального образования города-курорта Пятигорска в специальной ст. 9 гарантирует каждому жителю Пятигорска «право на сохранение своей национальной самобытности, культуры, языка, обычаев и традиций». На основе этой правовой нормы органы МСУ реализуют конкретные механизмы упрочения межэтнического взаимодействия и удовлетворения этнокультурных интересов граждан. Это – муниципальные целевые и адресные программы. Публичные слушания. Дни руководителя. «Письмо главе города». Принятие заявлений, обращений. Выступления в СМИ. Дума и администрация г. Пятигорска в регулировании этнокультурными, этноконфессиональными процессами определяют цель – достижение межэтнического согласия на базе общероссийских гражданских ценностей. Задачи, поставленные в рамках данной цели, звучат следующим образом: упрочение этнических отношений, оптимизация межкультурного межконфессионального взаимодействия, профилактика ксенофобии, напряженности и конфликтов. В решении этих задач выделяется несколько аспектов: политико-идеологический, нормативно-правовой, организационно-управленческий.

Эти механизмы соответствуют основным направлениям модернизации всех сторон жизни городского сообщества, которые помимо задач улучшения качества управления предусматривают повышение качества публичных услуг государства обществу и открытость власти для населения.

В осуществляемой системе управления органы МСУ г. Пятигорска взаимодействуют с: комитетом Ставропольского края по делам национальностей и казачества, Советом по межэтническим отношениям при губернаторе Ставропольского края, администрацией особо охраняемого эколого-курортного региона КМВ, Ставропольской и Владикавказской епархией Русской православной церкви, Духовным управлением мусульман Ставрополя, Армянской апостольской церковью на Юге России.

В городе как муниципальное учреждение действует Дом национальных культур, главными направлениями которого являются – презентация этнокультурных интересов общин города, празднова-

ние праздников национальных культур, знаменательных событий, обмен культурными ценностями – осуществляются в контексте полиэтничной городской сфере, ставропольских краевых ценностей. Девиз работы Дома национальных культур «Забудь враждебность всяк, сюда входящий».

Город активен в системе межрегиональных связей с городами Северного Кавказа – Нальчик (КБР), Черкесск (КЧР), Владикавказ (Северная Осетия-Алания) и др. Также сложившейся традицией являют побратимские связи Пятигорска с городами Шверте (Германия), Трикала (Греция), Панагюриште (Болгария), Дебюк (США).

Пятигорск отличается высоким уровнем гражданской активности и «высоким градусом» диалога населения с органами МСУ. В городе действует Общественный совет, который предназначен для обсуждения актуальных проблем. Главными направлениями работы комиссий Общественного совета являются: развитие институтов гражданского общества, сохранение традиций и вместе с тем модернизация социокультурного облика города, просветительская и организационная работа с молодежью.

В Пятигорске проводятся общественно значимые акции: День народного единства, День России, День российского флага, День Победы, День Ставропольского края. Особое значение имеет празднование Дня города, которое акцентирует фактор многокультурности, полиэтничности, фактор консолидации горожан на базе краевых и общероссийских ценностей. День города включает презентацию культуры этнических групп, казачества, устройство национальных подворий, выступление коллективов народного творчества. В Пятигорске по инициативе Пятигорского государственного лингвистического университета проводится традиционный Международный конгресс «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество».

Комплексная системная деятельность Думы и администрации г. Пятигорска по упрочению межнационального согласия и гражданской консолидации отмечена результатами, среди которых очевидными являются:

- Предупреждение обострения этнических отношений и гуманизация этнического дискурса, деполитизация этничности.
- Удовлетворение этнокультурных интересов населения, поддержание этнокультурного и конфессионального разнообразия.

- Вовлечение молодежи в общественную жизнь и межкультурное общение, межэтнический диалог.
- Консолидация общества на базе локальных, региональных (пятигорских, ставропольских) и общероссийских ценностей.

Поддержание тенденции к устойчивому развитию и межкультурному взаимодействию в Пятигорске прежде всего обусловлено общей ситуацией на Северном Кавказе, в Ставропольском крае и регионе КМВ. В этой связи эффективным представляется более активное позиционирование Думы и администрации г. Пятигорска в отношении задач укрепления российской гражданской идентичности.

Целесообразной является организация широкого дискурса в СМИ и издание специальных выпусков «Пятигорской правды» об основах и перспективах единства городского сообщества как мультикультурного и поликонфессионального. Продуктивным представляется расширение системы побратимских межрегиональных и межгосударственных связей и обмен делегациями таких представительств. Действенной может быть разработка и принятие городской программы адаптации и интеграции мигрантов из регионов ЮФО, СКФО и государств Южного Кавказа с учетом миграционной емкости города, а также социальных интересов и этнокультурного самочувствия местного населения. Также эффективным может стать принятие и реализация целевой муниципальной программы *«Развитие национальных культур и упрочение этнических отношений в г. Пятигорске»*. Важно повышение роли органов МСУ в расширении системы миротворчества при взаимодействии с институтами гражданского общества, с национально-культурными общественными объединениями, городским отделением Союза молодежи Ставрополя, Пятигорским отделением ЮРПЦ, Миротворческой миссией им. генерала А. Лебеда на Северном Кавказе и др. Эти направления общей работы органов власти, управления и общества будут служить упрочению межэтнического взаимодействия, межкультурного диалога во благо общероссийских и общечеловеческих ценностей.

Как можно видеть, образование центра нового ФО в Пятигорске – вполне реальный политико-управленческий проект. Пятигорск имеет исторически обоснованный авторитет у населения соседних республик, привлекает к себе развитой социальной и курортной инфраструктурой, традициями городского образа жизни.

Пятигорск – значимый культурообразующий, образовательный и научный центр не только Северного Кавказа, но и России в целом.

Придание Пятигорску статуса центра нового ФО открывает креативные перспективы для развития города и позиционирования его в межрегиональных и международных отношениях. В известном смысле «столичный проект» для Пятигорска является своеобразным «олимпийским проектом», реалии и следствия которого для города могут быть весьма успешными. Важнейшим следствием этого должно стать развитие деловой сферы Пятигорска как территории крупного бизнеса, среднего и мелкого предпринимательства и одновременно – социальной ответственности. В этом плане стоит актуализировать роль деловых кругов Пятигорска и региона КМВ, которая чрезвычайно велика в развитии северокавказского сообщества.

Вместе с тем возникает проблема: кого именно следует отнести к искомым деловым кругам, какими особыми характеристиками должны обладать эти круги именно в Пятигорске и СКФО.

В этой связи необходимо шире смотреть на сущность и функции деловых кругов региона как активистов, организаторов и инициаторов процессов экономики, хозяйственного комплекса, финансовой и банковской системы. Этот широкий взгляд отвечает потребностям инновационного развития СКФО, осовременивания хозяйственного комплекса, модернизации техник и технологий, создания новых производственных комплексов, формирования банка рабочих мест, профессионального перепрофилирования трудовых ресурсов. В *Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года* как раз и предусмотрено «обеспечение условий для опережающего развития реального сектора экономики в субъектах РФ, входящих в состав СКФО, переход указанных субъектов РФ от политики стабилизации к политике форсированного роста»¹.

Воплощение данной цели предполагает осуществление технократического подхода к решению проблем региона. Понятны технократические мотивации полномочного представителя Президента РФ в СКФО А.Г. Хлопонина – соответствующие проекты долж-

¹ См.: Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2010 г. № 1485-р.

ны придать развитию региона экономическое и социальное ускорение и способствовать оздоровлению всей системы общественных отношений.

Технократические инновации воплощаются именно деловыми кругами, причем определение «деловой» здесь имеет не символический, а прямой смысл. Деловые люди – это профессионалы, энтузиасты, активисты, заинтересованные в стабилизации, безопасности, привлекательном инвестиционном климате, в зарабатывании денег, в выгодном вложении средств, в получении доходов и прибылей – необходимы СКФО.

При формировании делового сообщества в СКФО особую роль играют некоторые черты, которые можно было бы назвать традиционными для северокавказского менталитета. Это, в частности, ярко проявляется в Пятигорске, где в среде деловых и предприимчивых жителей особенно заметны межгрупповая соревновательность, стремление к личному и групповому успеху. В формировании делового круга в регионе существенную роль играют исторически сложившиеся схемы и сети социальных связей – семейно-родственных, фамильных, родовых, клановых, диаспорных, гендерных. Эти связи позволяют оперативно организовать бизнес, обеспечить потребности дела кадрами и рабочими руками. Также эти связи подкреплены дополнительным уровнем взаимных договоренностей «старших» и «младших», «ветеранов» и «новичков». Зачастую бизнес-коллективы складываются на основе этнической принадлежности, которая является в регионе важным социальным маркером и фактором социального продвижения. В городах КМВ и всего СКФО сохраняется своего рода этнопрофессионализм, который проявляется в сосредоточении представителей некоторых этнических групп в характерных сферах экономики. Хотя следует сказать, что тенденции «глобализации» все более нивелируют подобные особенности.

Вместе с тем указанные факторы деловой активности подчас затрудняют развитие регионального сообщества. Отношения «между своими» в бизнесе далеко не всегда оправданны, они мешают объективной эволюции дела, затрудняют процесс контроля результативности, снижают уровень ответственности работников, которые используют родственные связи для решения спорных и конфликтных вопросов. Увлечение родственными «мотивами» зачастую приводит к негативному влиянию клановости на результативность бизнеса. Поэтому с учетом особенностей СКФО, технокра-

тический подход не может рассматриваться как самодостаточный. Нужно заметить, что Северный Кавказ не является особой территорией перспективного технократического развития. В этом плане следует избегать избыточного увлечения технократизмом в регионе.

Противовесными технократизму проектами являются проекты развития туристско-рекреационного комплекса в Пятигорске, в регионе КМВ, в курортных районах Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии-Алании и др. Привлекательны проекты крупных сетевых производств-работодателей, что позволило бы решить проблемы трудоустройства и социального продвижения молодежи. Адекватными для региона являются и проекты организации коммуникационно-транспортных узлов, современных аэропортов, городов-спутников. Подобные проекты требуют большого вовлечения рабочих рук, радикального увеличения количества занятых в сфере обслуживания.

Очевидно, что именно деловой круг СКФО и его центра Пятигорска может и должен стать проводником и воплостителем идей поступательного развития региона, успех которого обусловлен несколькими обстоятельствами. Прежде всего в городах КМВ в постсоветский период сложилась когорта бизнес-активистов, активистов предпринимательства, активистов банковской и финансовой сферы. Уместно напомнить, что на Северном Кавказе и в советский период были развиты сферы предпринимательства и так называемая самозанятость. Традиция «цеховиков», «ресторанщиков» были существенно развиты, несмотря на противоречия с принципами «социалистического способа производства». Следствием этих инициатив в постсоветский период стало появление на Северном Кавказе крупных оптово-розничных рынков, прежде всего в регионе Кавказских Минеральных Вод, в районе Пятигорска – «Людмила», «Лира», «Грис», «Бетта», «Казачий» и др. Эта традиция получила развитие в современном социально-экономическом пространстве СКФО, где высок удельный вес индивидуальных предпринимателей. Деловая активность проявилась также в формировании в субъектах РФ СКФО отделений, филиалов и представительств крупных российских компаний – нефтяных, газовых. Сегодня в субъектах РФ СКФО действуют многочисленные банки и банковские филиалы, функционирует множество частных предприятий среднего и мелкого бизнеса.

Показателем экономической и предпринимательской активности является развитие в субъектах РФ СКФО таких специализаций,

как винно-водочный бизнес, автобизнес (строительство торговых авто-сити-комплексов в регионе КМВ), бизнес в сфере горюче-смазочных материалов. Новым свидетельством деловой активности является строительство торгово-развлекательных комплексов (в том числе «Университи» и «Галерея») в крупных городах округа – Ставрополь, Пятигорск, Минеральные Воды, Нальчик, Черкесск. Также широко распространены ресторанные, гостиничные комплексы, которые оснащены видеозалами, парками, дельфинариями, спа-комплексами. Эти центры являются не только центрами торговли и продвижения иностранных торговых брендов в региональную среду, но и центрами общения, досуга, развлечения, а также центрами новых видов досуга, прежде всего для молодежи и детей. Такие центры осуществляют дифференцированный подход к клиентам, реализуют авторские и адресные программы в отношении разных социально-профессиональных и возрастных категорий населения.

В последнее десятилетие сфера курорта и туризма в Пятигорске и городах КМВ получила новое дыхание в связи с новациями российского законодательства о предпринимательстве, которое стимулирует частную инициативу. Повсеместно в курортных районах субъектов РФ СКФО (КМВ, Теберда, Баксан, Долинск, Иткол, Терскол, Дзинага, Цей, Кахтсар, Мамиссон) развивается гостиничный бизнес, который также имеет устойчивую (с советских времен) традицию сдачи жилья внаем курортникам и туристам.

Многовекторность развития на базе технократического и традиционного подходов может иметь в Пятигорске особое значение. Этот город отличается наличием развитой системы коммуникаций, развитием сферы бизнеса, курорта, туризма, наличием зданий общественного назначения, культурно-развлекательных комплексов. В Пятигорске существует база для бизнес- и делового туризма, для проведения совещаний, конференций и форумов различного масштаба. Важным фактором является управленческий, кадровый резерв органов местного самоуправления, а также инициативность общественных организаций. Эти направления общей работы органов МСУ, общественных организаций сформировали существенную базу для функционирования Пятигорска как центра нового округа.

Статус федерального центра может открыть новые перспективы для образования и социального взросления молодежи, а также новые возможности трудоустройства и карьерного роста. В то же

время новый статус города создает не только преимущества, но и некоторые риски.

Очевидно, что Пятигорск как центр СКФО и вместе с тем не как самый крупный город края, составит определенную конкуренцию Ставрополю и столицам других субъектов.

Проблематично совмещение интересов Пятигорска как города-курорта с интересами новой управленческой структуры. Может, например, возникать неудобство для горожан и приезжающих на отдых и лечение в связи с выделением зданий и территорий для функционирования новой административной структуры, в связи с формированием новой когорты чиновников, которая нуждается в определенном регламенте и формате организации их деятельности.

Население опасается роста цен, усложнения реализации бизнес-проектов и проч. Формирование аппарата полномочного представителя Президента РФ приведет к включению в городское сообщество новой группы управленцев и в известном смысле повлияет на структуру местной элиты. Вероятно, в ближайшие годы социально-профессиональный облик города, по всей видимости, начнет меняться.

В Пятигорске предполагается изменение конъюнктуры общих социально-экономических и политико-административных отношений, формирование нового уровня современной коммуникации. Придание городу статуса центра нового ФО обязывает к поступательному развитию, достижению новых социальных горизонтов и, конечно, – нового уровня общественного порядка и безопасности.

Раздел 11. Вместо заключения.

ВОЗМОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Образование в январе 2010 г. Северо-Кавказского федерального округа обусловлено главной целью – достижением безопасности и стабильности в регионе, обеспечением его поступательного развития. Принятое решение отразило стремление руководства государства навести порядок в регионе, который всегда был непростым для управленческого воздействия и требовал особого подхода с учетом этнополитических реалий.

Образование СКФО было неоднозначно воспринято населением субъектов Юга России, экспертами, общественными активистами. В качестве контраргументов в экспертном и информационном ландшафте, в общественном дискурсе отмечались такие настораживающие и сомнительные обстоятельства, как «концентрация всех проблем в одном мешке», «изоляция опасного Северного Кавказа от более благополучных регионов», «дистанцирование северокавказских рисков от воплощения олимпийского проекта», «временность образования округа» и др. Декларировалось также мнение о том, что округа, образованные указом Президента РФ 13 мая 2000 г., дескать, изжили себя как структуры политико-административного управления и не оправдали надежд руководства страны и ее населения.

Тем не менее организационно-управленческая реализация принятого Президентом РФ решения в течение 2010 г. продемонстрировала его оправданность. Прежде всего образование СКФО позволило сконцентрировать на проблемах округа внимание федерального центра. Президент РФ Д.А. Медведев, председатель Правительства РФ В.В. Путин, полномочный представитель Президента РФ в СКФО А.Г. Хлопонин на форумах, совещаниях, конференциях (Москва, Ставрополь, Нальчик, Пятигорск, Ессентуки) зачастую в управленческом блике и мозговом штурме обозначали текущие и хронические проблемы округа, намечая пути их преодоления.

В правительстве РФ создана *Комиссия по социально-экономическому развитию Северо-Кавказского ФО* под руководством председателя правительства РФ В.В. Путина. Комиссия пла-

нирует начать с 2012 г. реализацию программно-целевого обеспечения развития территории СКФО в соответствии со 106 проектами. Значимым результатом образования СКФО является активизация сотрудничества глав субъектов в форме текущих обсуждений и долговременных договоренностей, нацеленных на решение острых вопросов. Образована *Корпорация по особым экономическим зонам*, создано *представительство Министерства регионального развития РФ в СКФО*, которое призвано организовывать действия разных уровней власти. Также создан *Институт развития СКФО*, который будет координировать развитие каждого субъекта и внутренние направления социально-экономической динамики.

Одним из результатов образования СКФО может стать некоторое переосмысление содержания и форм взаимоотношений федерального центра и субъектов. Так, возникла политико-правовая инициатива по исключению из титула глав регионов слова «президент», которая была озвучена на уровне исполнительной и законодательной властей Чеченской Республики, Республики Ингушетия. Такая инициатива внесена на рассмотрение Государственной Думы РФ и позитивно воспринята профильным думским комитетом по делам Федерации и региональной политике.

Активизировалось взаимодействие глав субъектов РФ СКФО в решении проблем безопасности, проблем экономического и социального развития. А.Г. Хлопонин успешно координирует это сотрудничество с учетом разного политического ресурса и управленческого стиля региональных руководителей, что крайне важно для нейтрализации противоречий и конфликтогенных факторов, которые отмечаются в северокавказском культурном и политическом пространстве.

Существенным промежуточным итогом является обновление управленческого корпуса в субъектах, смена кадров управленцев, силовых структур (в том числе глав субъектов – Республика Дагестан, Карачаево-Черкесская Республика), что сопровождается повышением личной ответственности руководителей органов власти и управления перед полномочным представителем Президента РФ в СКФО.

Прямым следствием образования округа является активизация диалога власти и общества, новой ареной которого стал *Общественный совет СКФО*. В состав совета вошли общественные активисты, руководители общественных организаций, эксперты, профессиональные лидеры субъектов РФ СКФО, которые имеют воз-

возможность акцентировать внимание на проблемах местных сообществ и развить традицию общественного диалога и компромисса.

Существенным результатом стала концентрация молодежной политики, проведение *Всекавказского молодежного лагеря «Машук-2010»*, разработка целевых молодежных проектов для субъектов РФ СКФО, что чрезвычайно важно для округа, имеющего выраженное «молодежное лицо». Сформирован *Молодежный совет* при полпредстве, который состоит из представителей комитетов и министерств по делам молодежи субъектов. Одна из целей совета – создание *Всекавказского молодежного альянса*, а также участие в разработке *Стратегии молодежной политики в СКФО*. При этом в федеральном бюджете предусмотрены существенные средства для грантовой поддержки молодежных проектов, создания инфраструктуры молодежного досуга – молодежных театров, центров увлечений, хобби-центров и др.

Особое внимание уделено обеспечению занятости населения. В ходе развития СКФО планируется создать более 400 тыс. рабочих мест, увеличить вдвое валовой продукт и в 2,5 раза поднять доходы населения. Главными направлениями развития трудовых ресурсов СКФО являются: повышение качества трудовых ресурсов, содействие в трудоустройстве граждан, привлечение инвестиций в развитие кадрового потенциала, содействие развитию малого бизнеса и самозанятости, развитие внутренней миграции. Для решения проблем занятости создан *Межрегиональный ресурсный центр*, который формирует банк данных по вакансиям по всей РФ, заключает договоры о сотрудничестве с соответствующими государственными учреждениями субъектов.

Подчеркивается имидж Северного Кавказа, его коллективный образ в контексте культурного процесса, этнокультурного тренда и межкультурного обмена. Здесь обозначены четкие векторы – упрочение российской идентичности, сохранение этнокультурного разнообразия, развитие взаимодействия народов. Новацией является осовременивание традиционных и поиск новых этнокультурных брендов, популяризирующих *«позитивную повестку на Кавказе»*. Регион обладает уникальным соцветием культур и религий.

Непосредственным результатом состоявшегося решения стало утверждение в сентябре 2010 г. правительством РФ *Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2025 г.* Политический смысл документа состоит в том, что он определяет основные направления, способы и средства достижения стратегических це-

лей устойчивого развития и обеспечения национальной безопасности РФ на территориях субъектов, входящих в СКФО, до 2025 г. Стратегия соотносится с магистральными документами федерального уровня – *Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.*, *Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.*, *Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.* и др.

Сильной стороной Стратегии является учет современного состояния экономики субъектов РФ СКФО, экономики России, глобальной экономики и перспектив их развития. Цель Стратегии определяется как обеспечение условий для опережающего развития реального сектора экономики в субъектах РФ СКФО, создания новых рабочих мест, повышения уровня жизни населения. Содержательный пафос Стратегии предполагает переход субъектов РФ СКФО от политики стабилизации к политике форсированного роста, к постепенному обеспечению самодостаточного существования субъектов РФ СКФО.

Стратегия включает анализ социально-экономической и демографической ситуации в СКФО, потенциала трудовых ресурсов и миграционных процессов. Здесь выделены такие особенности, как высокая рождаемость, долгожительство, большая доля молодежи в составе населения, низкая смертность. Также выделяются тенденции урбанизации, специфики городских социумов субъектов РФ СКФО. Сильной стороной Стратегии является особое внимание к молодежи при обозначении перспективных направлений молодежной политики в ее современном выражении

Особый акцент делается на качестве жизни населения, что крайне важно в свете идеи максимальной интеграции населения СКФО в экономические, социальные, мировоззренческие, морально-нравственные процессы современного российского сообщества. В связи с этим проводится обзор состояния системы медицинского обслуживания и системы образования в СКФО, а также обеспеченности жильем населения субъектов РФ СКФО и состояния жилищного фонда, состояния системы спортивных и культурно-просветительских учреждений.

Стратегия содержит системный анализ производственной, социальной инфраструктуры, равно как и логистического комплекса субъектов РФ СКФО. Большое внимание в документе уделено природно-климатическому фактору, туристско-курортному баль-

неологическому комплексу особо охраняемого эколого-курортного региона Кавказские Минеральные Воды. Сильной стороной документа является обозначение туристско-рекреационного потенциала СКФО: лечебно-оздоровительного, горнолыжного, спортивного (в том числе экстремального), делового, экологического, культурно-познавательного, паломнического, специализированного (археологический, конный, спелеологический, этнографический). В этой связи оправданна критическая оценка состояния и уровня гостиничного бизнеса, качества услуг, организованного досуга, индустрии развлечений и др.

Прогностический и практико-прикладной характер Стратегии обуславливается разработкой возможных сценариев развития СКФО на перспективу до 2025 г. – *инерционного, базового и оптимального*. При этом выделяется проблема институциональной среды как СКФО в целом, так и отдельных субъектов в частности. Стратегия содержит описание масштабного ожидаемого результата. Так, СКФО видится как ведущий центр лечебно-оздоровительного и горнолыжного туризма в России и государствах – участниках СНГ; крупный поставщик экологически чистых продуктов питания; развитый транспортный узел, связывающий Россию со странами Средиземноморья и Закавказья; привлекательная территория для постоянного проживания.

Стратегия содержит особый раздел «Межнациональные отношения», в котором отмечается *«прямая зависимость состояния общественно-политической обстановки от ситуации в сфере межнациональных отношений»*. В Стратегии определяются негативные, как внешние, так и внутренние, факторы сферы межнациональных, межконфессиональных отношений и этнополитических процессов.

Вместе с тем образование округа, при всей самоценности этого решения, не могло механически решить все проблемы региона.

Образование СКФО не сняло с повестки дня острейшую проблему – проблему человеческой безопасности, что подтверждают террористические акты, вылазки НВФ, заказные убийства, взрывы и самоподрывы смертников, нападения на силовые структуры, а также попытки захвата социальных, туристических и курортных объектов, убийства мирного населения, криминальные разборки во всех субъектах.

Также с образованием СКФО не нейтрализованы причины этнических конфликтов, этнополитических противоречий, конку-

ренции этнических групп, требующих постоянного целевого управленческого воздействия и кризисной профилактики.

Как показывают опросы населения, идея СКФО не является бесспорной и привлекательной для всех граждан, часть которых со скепсисом и недоверием относится к перспективам округа, не связывая с его образованием решения жизненных проблем. Неуверенность, слабое понимание ситуации, социальная и политическая некомпетентность, а иногда и прямое стремление к «возмущению общественного мнения» рождают «левые» этнополитические идеи, в равной степени неосуществимые и нецелесообразные.

Вероятно, идея образования, развития СКФО в целом, и субъектов в частности, не имеет должного информационного сопровождения. Рядовые жители СКФО слабо владеют достоверной информацией о предпринятых преобразованиях, о конкретных промежуточных итогах, о будущем округа, о позиции полномочного представителя Президента РФ в СКФО, о его организационно-управленческих возможностях. Также основная масса населения не убеждена в том, что власть сможет обеспечить получение конкретных жизненных дивидендов, которые не только желаемы, но и необходимы в условиях СКФО – безопасность, стабильность, правопорядок, законность, социальная защищенность.

Однако в целом можно оценить взятый руководством страны управленческий курс в отношении региона как целесообразный и, вероятно, перспективный. Этот курс нацелен на полноценное развитие региона, на поддержание его культурной специфики, уважение интересов местных сообществ как неотъемлемых субъектов общероссийского процесса.

При этом необходимо дальнейшее упрочение северокавказского межкультурного диалога и межэтнического культурного обмена в СКФО как отвечающего в полной мере потребностям социальной динамики и широкой модернизации всех сторон жизни северокавказского сообщества.

Экспертная оценка современного состояния этнических отношений и этнополитических процессов в субъектах РФ на территории СКФО позволяет наметить перспективные направления деятельности законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления, предложить эффективные направления деятельности институтам гражданского общества.

Основная цель на сегодняшний момент и ближайшую перспективу – достижение безопасности, стабилизация этнических

отношений, упрочение межкультурной интеграции. Непреложными здесь выступают принципы сохранения государственного суверенитета РФ, совершенствования федерализма как формы государственного устройства и принципа территориально-политической организации государственной власти. Также это – поддержание развития этнических сообществ и личности в системе этнических отношений.

В этом процессе не обойтись без организации широкого общественного политико-правового, мировоззренческого и этического дискурса в отношении основ и перспектив российского единства, как и его составляющей – регионального северокавказского единства – как мультикультурного и поликонфессионального. В таком дискурсе выделяются следующие аспекты – правозащитный, социальных компетенций, гендерный, молодежный, общественного мнения, профессионального управления в сфере этнических отношений.

Эффективным представляется позиционирование в этом дискурсе региональных законодательных палат (советов, парламентов, дум) и первых лиц власти в части популяризации политико-правовых, социокультурных и морально-нравственных феноменов и институтов российской идентичности, конкурентоспособности России, российского патриотизма.

Действенным является расширение системы взаимных представительств в правительствах субъектов Северного Кавказа и распространение опыта работы таких представительств, например, как представительства Республики Дагестан, Республики Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика в Ставропольском крае. Данная практика обеспечивает не только расширение взаимодействия между субъектами, но и повышение уровня такого взаимодействия. С участием представителей субъектов решаются многие задачи, прежде всего профилактика этнической напряженности и урегулирование конфликтных ситуаций. Участие представителей субъектов в практическом миротворчестве в его политической, социальной и культурной институционализации является важным фактором этнополитического и антиконфликтного менеджмента.

Эффективным представляется расширение участия в конкретных моделях и модификациях межэтнического взаимодействия глав, послов, консулов, религиозных иерархов стран СНГ, Балтии, дальнего зарубежья. Такие встречи организуются руководством России и, например, руководством Армении, Азербайджана, Гре-

ции, Германии, Израиля, Польши, Украины и др. Специальные визиты и встречи в субъектах РФ СКФО с соответствующими этническими группами – диаспорами – осуществляются в ходе празднования памятных событий, национальных и религиозных праздников. Эти встречи включены в программы международного обмена в ходе дней культуры, они важны для организации общения, консультирования и патронажа в отношении национальных меньшинств, мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев, временно перемещенных лиц. Также эти встречи способствуют расширению позитивного поля межэтнических и межгосударственных отношений.

Креативным ресурсом для воплощения региональной политики в области этнокультурных и этноконфессиональных отношений является достижение нового уровня открытости власти для граждан и гражданского общества и интерактивности общества и власти как модели «демократии согласия», как модели межкультурной интеграции. В этой связи важным направлением выступает совершенствование адресных имидж-технологий, формирование имиджа власти и политиков как носителей интегративного общероссийского мировоззрения, популяризаторов общегражданских культурных ценностей.

Важным направлением межкультурной интеграции на Северном Кавказе является взаимодействие двух основных конфессий – православия и ислама, а также соответствующих институтов – Ставропольской и Владикавказской епархии Русской православной церкви, Координационного центра мусульман Северного Кавказа, Духовных управлений мусульман субъектов. Целесообразно расширение такого взаимодействия за счет включения в него Армянской апостольской церкви Юга России, католических приходов и организаций других конфессий. Межконфессиональный диалог является неотъемлемой частью «религиозного ренессанса» в СКФО, который проявляется не только в мировоззренческом и духовном окормлении растущего количества последователей, но и во все более широкой программе социального служения конфессий. Чрезвычайно важно дальнейшее развитие диалога органов государственной власти, местного самоуправления с институтами церкви, конфессиями в противостоянии радикальным верованиям, национализму, ксенофобии. Также важным направлением является снижение рисков противостояния светской и воцерковленной части населения СКФО.

Настоятельной потребностью общественных отношений в СКФО является освоение прямых и сопутствующих последствий миграции. Миграционное пополнение населения СКФО, с одной стороны, обеспечивает увеличение численности жителей вопреки естественной убыли населения. С другой стороны, миграция привела к переменам этнического состава региона, динамике пропорций этнического представительства, к формированию новых этнодемографических сегментов. В этой связи настоятельно необходимо решение масштабной задачи адаптации и интеграции мигрантов. Обращение с мигрантами осуществляется на основе региональных законов о миграции в тех субъектах, где миграция стала конфликтогенным фактором этнических и общественно-политических отношений. Для СКФО актуальны разработка и принятие региональных программ адаптации и интеграции мигрантов с учетом миграционной емкости региона и отдельных районов, а также социальных интересов и этнокультурного самочувствия местного населения.

Особое внимание должно быть уделено молодежи, которой необходимо предложить понятные и привлекательные лозунги поддержки региональной и общероссийской идентичности, единства общегражданских целей, позитивной социальной динамики и перспектив, карьерного роста и реализации жизненных целей.

Также перспективным представляются:

- повышение эффективности деятельности правительств субъектов РФ, соответствующих министерств и комитетов в деле предупреждения, нейтрализации и борьбы с терроризмом, экстремизмом;
- презентация интегративного гражданского мировоззрения, государственнического мышления, российского патриотизма главами субъектов РФ СКФО как руководителями регионального уровня, облеченными доверием первых лиц власти РФ;
- достижение открытости и интерактивности общества и власти как модели «демократии согласия» через рабочие поездки членов правительства, краевые СМИ, «телефоны доверия», «горячие линии», единые информационные дни, общественные приемные, обращения граждан, пресс-службы, сайты органов законодательной и исполнительной власти, глав субъектов и муниципальных образований;
- оптимизация диалога органов власти и местного самоуправления с институтами церкви, основными конфессиями в противостоянии радикальным и экстремистским верованиям;

- развитие этнологического «всеобуча», системы этнокультурного просвещения, повышения квалификации, подготовки и переподготовки кадров в сфере управления межкультурными отношениями, национально-культурного самоопределения, этнокультурного ассоциирования;

- акцентирование культурной гуманистической, патриотической составляющей этнических отношений при выделении сюжетов исторического и современного взаимодействия и сотрудничества;

- популяризация привлекательных природно-климатических, историко-культурных, творческих, фольклорных, ментальных, ценностных брендов Северо-Кавказского региона как уникальных, общедоступных и безопасных;

- привлечение международных институтов, российских, региональных фондов и миссий к реализации демократических преобразований в тесном взаимодействии с органами власти и управления субъектов РФ в СКФО, а также с неправительственными общественными объединениями – общественно-депутатскими комиссиями, консультативными советами, национально-культурными объединениями и автономиями, домами и центрами дружбы.

Реализация отмеченных направлений могла бы способствовать оптимизации комплекса общественно-политических и социально-экономических преобразований в Северо-Кавказском федеральном округе, который при сохранении своего этнокультурного разнообразия должен и впредь развиваться как неотъемлемая и равноправная часть России – великой многонациональной страны.

ЛИТЕРАТУРА

Абдоков С.А., Санглибаев А.А. Вопросы самоидентификации в Северо-Кавказском регионе. Политическая наука на Юге России. Материалы Международной научно-практической конференции. – Ростов-на/Д: Изд-во СКАГС, 2009.

Абдулатипов Р.Г. Мой Русский народ / Серия «Народы моей России». Библиотека Ассамблеи народов России. Научно-популярное справочное издание. – М.: Классикс Стиль, 2004.

Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А., Чичановский А.А. Национальная политика Российской Федерации: от концепции к реализации: Методическое пособие. – М.: Славянский диалог, 1997.

Авксентьев В.А. Моделирование регионального конфликтного процесса: основные принципы и формирование банка данных. Современное состояние и сценарии развития Юга России. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006.

Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика / Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. – М.: Альфа – М, 2008.

Акиева С.И. Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике (постсоветский период) – М.: ИЭА РАН, 2002.

Акопян В.З. Национально-государственное и административно-территориальное строительство на Северном Кавказе в 20-30 гг. XX в. – Пятигорск: ПГЛУ, 2009.

Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор / Сокр. пер. с англ. А.С. Богдановского, Л.А. Галкиной; Под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. – М.: Аспект Пресс, 2002.

Амелин В.В. Этническое многообразие и власть в российском регионе. – М.: ИЭА РАН, 2004.

Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. Нации и национализм / Пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского – М.: Праксис, 2002.

Ансимов Ю.Н., Алтунин В.Н. Антитеррористическая деятельность и борьба с экстремизмом: опыт, организация, правовая основа / Под общ. ред. А.А. Кузина. 2-е изд., измен. и доп. – Майкоп: «Качество», 2003.

Армяне Ставрополя и Терека. Коллективная монография / Под ред. В.З. Акопяна – Пятигорск, 2007.

Арутюнов С.А. Законы гор вне законов равнин // Итоги. 1999. 19 янв. – С.14-16.

Аствацатурова М.А. Взаимодействие общества и власти в укреплении стабильного и гражданского согласия на Северном Кавказе. Единство и многообразие России. Материалы Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по вопросам толерантности и свободы совести / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: Общественная палата Российской Федерации, 2007.

Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление. – Ростов-н/Д–Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2002.

Аствацатурова М.А. Роль этнических общин и диаспор в развитии Юга России. Современное состояние и сценарии развития Юга России. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006.

Аствацатурова М.А. Управление в полиэтничном регионе: современное состояние и перспективы. Университетские чтения 2009. – Пятигорск: ПГЛУ, 2009. – С.179-185.

Аствацатурова М.А., Бурцев Ю.Д. Управление этническими отношениями в региональном пространстве. Ставропольский край. – Ростов-н/Д–Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2009.

Аствацатурова М.А., Бабин И.А., Маркелов О.А. Города Северного Кавказа в реализации стратегии гражданского единства и межнационального согласия. Северный Кавказ в национальной стратегии России / Под ред. В. А. Тишкова. – М.: ФГНУ: «Росинформграгротех», 2008.

Аствацатурова М.А., Савельев В.Ю. Диаспоры Ставропольского края в современных этнополитических процессах. – Ростов-н/Д–Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2000.

Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хопёрская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. – М.: ФГНУ «Росинформграгротех», 2010.

Базиева Г.Д. Социокультурное пространство Северного Кавказа в условиях модернизации. Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов. – Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2009.

Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. – М.: ОГИ, 2005.

Боташева А.К. Терроризм как феномен современной политической реальности – Ставрополь: Ставролит; Возрождение, 2009.

В поисках России: Серия публикаций к дискуссии об идентичности / Под общей ред. В.В. Рудого, А.В. Понеделкова, Р. Крумма. Том 2. Юг России – Северный Кавказ. – Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2010.

Вартумян А.А., Шебзухова Ф.А. Миграционная политика на Северном Кавказе. – М.: ООО «ЦИУМиНЛ», 2008.

Вектор идентичности на постсоветском пространстве: Материалы международного «круглого стола». Ставрополь, 2 октября 2006 г. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007.

Взаимодействие народов и культур на Юге России. Тезисы докладов региональной научной конференции. Ростов-на-Дону, 19-20 сентября 2007 г. / Отв. ред. Г.Г. Матишов. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007.

Воробьев С.М., Ерохин А.М. Состояние этнополитических процессов на Ставрополье в оценках и представлениях массового сознания. Этнические проблемы современности. Вып. 7. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001.

Гражданская идентичность и патриотическое воспитание в полиэтническом регионе: Материалы 52-й ежегодной научно-методической конференции, Ставрополь, 24 апреля 2007 г. / Ред. колл. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007.

Денисова Г.С. Конфликтогенность социокультурного пространства Ростовской области. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007.

Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В. Южнороссийская идентичность: факторы и ресурсы – М.: Альфа-М, 2010.

Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. – Ростов-н/Д: РГПУ, 2003.

Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.

Единство и многообразие России: материалы Комиссии Общественной палаты РФ по вопросам толерантности и свободы совести / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: Общественная палата РФ, 2007.

Жаде З.А. Векторы геополитической идентичности. – Ростов-н/Д: ЮФО. – ООО «Качество», 2007.

Зорин В.Ю. Дневник не для себя. Кн.1 и 2.– М.: ВИОЛАНТА, 1999.

Зорин В.Ю. Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002.

Зорин В.Ю. Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики. – М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 2002.

Иванова С.Ю. Патриотизм в системе социокультурных ценностей современной России. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003.

Иванова С.Ю. Патриотизм, национализм, глобализм: социокультурные, исторические и антропологические аспекты. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004.

Иванова С.Ю., Лутовинов В.И. Современный российский патриотизм. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008.

Игнатов В.Г., Игнатова Т.В., Понделков А.В., Старостин А.М. и др. Экспертные оценки конфликтогенных процессов на Юге России. Информационно-аналитические материалы. – Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2006.

Идентичность и интеграция: опыт России и Германии (Юг России – Северный Кавказ). Сборник материалов международной научно-практической конференции 15-17 июня 2009 г. (г. Пятигорск). – Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2009.

Кавказ – наш общий дом. Международная научно-практическая конференция. Ростов-на-Дону 17–19 сентября 2009 г. / Отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов-н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009.

Кавказский регион: пути стабилизации / Отв. ред. Ю.Г. Волков – Ростов-н/Д: Ростовский МИОН, 2006.

Койбаев Б.Г., Курбанов Р.Н. Противодействие экстремистской деятельности в Республики Северная Осетия-Алания: политико-правовые аспекты. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2010.

Конституция РФ. Государственные символы России. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008.

Кортунов С.В. Национальная идентичность: Постигание смысла. – М.: Аспект Пресс, 2009.

Красин Ю.А. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты. – М.: Институт социологии РАН, 2009.

Ксенофобия на Юге России. Южнороссийское обозрение. 2002. № 6. / Отв. ред. В.В. Черноус. – Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦВШ, 2002.

Кукса В.П., Кислицин С.А. Государственное регулирование вынужденной миграции на Северном Кавказе (На материалах Рес-

публики Ингушетия) / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып. 8 / Отв. ред. В.В. Черноус – Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ. 2002.

Культура и пространство. Кн. 2. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест / Ред. В.К. Малькова и В.А. Тишков. – М., ИЭА РАН, 2010.

Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г., Мартынова М.Ю. Межкультурный диалог. Тренинг этнокультурной компетентности. – М.: ИЭА РАН, 2003.

Макеев В.В., Гулиев М.А. Политическая толерантность в межэтнических конфликтах. – Ростов-н/Д: РЮИ МВД России, 1994.

Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце 18-19 вв. – Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2001.

Малькова В.К. Методы диагностики этнической толерантности в СМИ (на примере российской прессы). // Диагностика толерантности в средствах массовой информации. – М.: ИЭА РАН, 2002.

Малькова В.К., Тишков В.А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. – М.: ИЭА РАН, 2002.

Маркедонов С. Слабость всемогущих; Уйти нельзя; Большой вопрос России; Прикормить Кавказ // <http://www.gazeta.ru/keywords>.

Материалы Всероссийской конференции «Проблемы становления правового государства и гражданского общества в России», 22–26 мая, 2009 / Адм. Краснодар. края. – Краснодар: Традиция, 2009.

Материалы Совещания руководителей русских (славянских) общин Юга России с участием полномочного представителя Президента Российской Федерации в ЮФО В.Г. Казанцева. Ессентуки. 13 марта 2001 г.

Многоуровневая идентичность. Коллектив авторов. – М.–Майкоп, ООО «Качество», 2006.

На пути к переписи / Под ред. В. Тишкова – М.: ОАО «Авиаиздат», 2003.

Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории. Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 25–27 апреля 2008 г.). Ставрополь–Пятигорск–Москва: Изд-во СГУ, 2008.

Национально-культурное развитие: правовое обеспечение – М.: «Дружба народов», 2003.

Национальные особенности, культурные традиции и наследственные факторы народов, проживающих на Северном Кавказе (Этноэтикет народов Северного Кавказа) / Авт.-сост. В.В. Чебан. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2007.

Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности: Материалы Всероссийской научной конференции (9–10 июля 2009 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. Г.Г. Матишов. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009.

Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / Под ред. В.В. Степанова, В.А. Тишкова – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009.

Организация мониторинга деятельности деструктивных религиозных объединений, действующих на территории Ставропольского края (свод методических рекомендаций и отдельных нормативно-правовых документов) / Авт.-сост. В.В. Чебан. – Ч. I и II – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство «Мысль», 2007.

Оценка стратегии реконструкции и развития на Северном Кавказе. Экспертный доклад. Иванов А. и др. – М.: Форум по раннему предупреждению и раннему реагированию, 2005.

«По решению правительства Союза СССР...» / Составители Н.Ф. Бугай, М.И. Гонов. – Нальчик: Издательский центр «Эльфа», 2003.

Политическая миграциология: Сборник научных статей. Вып. 1 / Под ред. Г.В. Косова, Ю.Г. Ефимова. – Ставрополь: СевКавГТУ, 2006.

Политическая миграциология: Сборник научных статей. Вып. 2 / Под ред. Г.В. Косова, Ю.Г. Ефимова. – Ставрополь: СевКавГТУ, 2006.

Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе. Южнороссийское обозрение. Вып. № 24. 2004 / Отв. ред. В.В. Черноус. – Ростов-н/Д: СКНЦ ВШ, 2004.

Понеделков А.В. Политико-административные элиты России в середине 90-х гг. XX в. и 10 лет спустя (теоретический и прикладной аспекты анализа). – Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2005.

Попов М.Е. Российская идентичность: векторы развития в контексте национальной безопасности. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009.

Православные епархии Юга России в постсоветский период / Отв. ред. В.В. Черноус / Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 49. – Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008.

Проблемы гражданской и этнокультурной идентичности / Под ред. А.Б. Багдасаровой, В.Р. Чагилова. – Невинномыск: НГГТИ, 2007.

Проблемы консолидации народов Северного Кавказа. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Современные этнополитические и этноконфессиональные процессы на Северном Кавказе: проблемы и пути решения» (23–27 октября 2008 года). – Пятигорск: РИА-КМВ, 2008.

Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. Программа сотрудничество ЕС и России (Тасис). – М., 2004.

Противодействие этническому и религиозному экстремизму на Северном Кавказе / Ред. колл. Хунагов Р.Д., Жаде З.А., Лаушева С.А. и др. – Майкоп: АГУ, 2009.

Профилактика экстремизма, мероприятия по минимизации и ликвидации его последствий, урегулированию формирующихся конфликтов в сфере межнациональных отношений в границах поселений: свод методических рекомендаций и отдельных нормативно-правовых документов / Авт.-сост. В.В. Чебан. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство «Мысль», 2007.

Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999–2002): Мастер-класс профессора В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 2004.

Прусаков Ю.М., Нифанов А.Н. Местное самоуправление России. – Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2003.

Публичная политика: вопросы мягкой безопасности в Балтийском регионе / Под ред. М.Б. Горного. – СПб.: Норма, 2004.

Пути и средства обеспечения безопасности Северного Кавказа / Коллектив авторов / Под общ. ред. Д.А. Еделева и Н.П. Медведева. – М.–Пятигорск: РИА-КМВ, 2009.

Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ИЭА РАН, 1999.

Региональные конфликты в контексте глобализации и становления культуры мира. – М.–Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006.

Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа / Отв. ред. Г.Г. Матишов, В.А. Авксентьев. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008.

Регионоведение. Юг России: краткий тематический словарь / Под общ. ред. Ю.Г. Волкова, А.В. Попова. – Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003.

Резников Е.Н.. Теоретические и методологические проблемы этнической психологии – Мн.: Изд. Центр БГУ, 2006.

Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Отв. ред. В.А. Тишков. – М.: ИЭА РАН, 2008..

Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007.

Российское общество: историческая память и социальные реалии: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. XIV Адлерские чтения-2008. – Краснодар: Традиция, 2008.

«Русский мир» и проблемы обеспечения устойчивого развития региона / Под ред. Г.В.Косова. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 2008.

Рязанцев С. Миграционная ситуация в Ставропольском крае в новых геополитических условиях.– Ставрополь: СГУ, 1999.

Рязанцев С.В. Террористический акт в Буденновске (июнь 1995 г.): социально-экономические и демографические последствия. – Ставрополь, 2000.

Савва М.В. Новые диаспоры Краснодарского края (права, интересы, динамика интеграции и восприятие местным сообществом). – Краснодар, 2006.

Савельев В.Ю. Опыт практического взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с национально-культурными объединениями // Стратегическое управление социально-экономическими и политическими процессами в регионе: история, современность, перспективы. – Ростов-н/Д–Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2004. – С 386-400.

Санглибаев А.А. Этнополитические процессы и конфликты на Северном Кавказе. – Черкесск: Информационно-издательский центр КЧИГИ, 2008.

Северный Кавказ в национальной стратегии России / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Academia, 2002.

Социальные конфликты. Экспертиза. Прогнозирование. Технологии разрешения. Этническая и региональная конфликтология 18. – М.–Ставрополь, 2002.

Стабильность и конфликт в Российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. – М: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005.

Старостин А.М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. – Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2003.

Тавадов Г.Т. Этнология. – М.: ИТК «Дашков и К», 2009.

Тавадов Г.Т. Этнология. Современный словарь-справочник. – М.: АНО «Диалог культур», 2007.

Тишков В. А. Единство в многообразии. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2008.

Тишков В. Российский народ. Книга для учителя. – М.: Просвещение, 2010.

Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. – М.: Наука, 2001.

Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003.

Тишков В.А. Этнология и политика. – М.: Наука, 2001.

Хопёрская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000–2005 гг. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005.

Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – Владикавказ: ВИУ – М.: Изд-во «Европа», 2006.

Шадже А.Ю. Этнические ценности как философская проблема. – М.: Российское философское общество. – Майкоп: ООО «Качество», 2005.

Щербина Е.А. Этническая конфликтология: региональный аспект. – Черкесск, 2010.

Экспертные оценки конфликтогенных процессов на Юге России. Информационно-аналитические материалы Игнатов В.Г. и др. – Ростов-н/Д–Горячий ключ, 2006;

Этнические проблемы современности. Вып. 12. / Под ред. В.А. Авксентьева, Б.В. Аксюмова, Э.Т. Майбороды. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007.

Этнократии на Юге России в экспертном измерении / Отв. Ред. Ю.Г. Волков / Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 47. – Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007.

Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы. Вып. 1. / Ред. В.В. Степанов. – М.: ИЭА РАН, 2010.

Этнокультурный облик России: перепись 2002 года (ред. Степанов В.В., Тишков В.А.). – М.: Наука, 2007.

Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра / Ред. В. Тишков, М. Устинова; Бергховский исследовательский центр конструктивного урегулирования конфликтов – М.: ИЭА РАН, Наука, 2007.

Этноэтатизм и этнократии на Юге России / Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК РГУ и ИСПИ РАН / Ред. В.В. Черноус. – Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006.

Юг России в первом десятилетии XXI века: итоги, проблемы и перспективы. Ч.1 и 2. / Отв. ред. В.В. Черноус / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 64. – Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ.2010.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ИЭА – Институт этнологии и антропологии
Российской академии наук

КТО – контртеррористическая операция; режим КТО

МСУ – местное самоуправление

НВФ – незаконные вооруженные формирования

НКА – национально-культурная автономия

НКО – некоммерческая организация

НКОО – национально-культурная общественная организация

НПО – неправительственная организация

ООН – Организация Объединенных Наций

РАН – Российская академия наук

СКФО – Северо-Кавказский федеральный округ

ТКВ – Терское казачье войско

ЮНЦ – Южный научный центр РАН

ЮФО – Южный федеральный округ

Научное издание
Монография

**АСТВАЦАТУРОВА
Майя Аргашесовна**

**СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ:
перспективы и риски**

Трансформация регионального
этнополитического пространства

Издательство «Academia» 129272, г. Москва, Олимпийский просп., д.30
Формат 60 x 84/16. Уч-изд.л. 12. Печать офсетная. Тираж – 1000. Заказ № .
Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»
140010, г.Люберцы, Октябрьский просп., 403

**КРАСНОДАРСКОЕ
КРАЕВОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ЦЕНТР РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ»**

Осуществляет свою деятельность с июня 1999 года.

- оказание безвозмездных правовых услуг по вопросам защиты прав, законных интересов граждан и юридических лиц по разрешению споров и конфликтов;
- распространяет опыт внесудебного разрешения конфликтов;
- осуществляет исследовательскую и научно-методическую работу в области конфликтологии, межнациональных и межрелигиозных отношений, профилактики этноэкстремизма;
- издательская деятельность.

МОСКОВСКОЕ БЮРО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Некоммерческое партнерство, осуществляет свою деятельность с февраля 2002 года.

Проводит ежедневный мониторинг нарушений прав человека, в частности проявлений этноэкстремизма в России.

Выпускаются сборники материалов мониторинга, которые направляются в Администрацию Президента РФ, руководителям субъектов Российской Федерации, в Генеральную прокуратуру РФ, МВД РФ и Министерство юстиции РФ.

Осуществляет культурно-просветительскую и издательскую деятельность, проводит регулярные семинары по совершенствованию межнациональных взаимоотношений и предотвращению межэтнических конфликтов. МБПЧ является учредителем Всероссийской Ассамблеи общественных сил по противодействию расизму, ксенофобии, экстремизму и терроризму и правозащитного фестиваля «Ради жизни».